

**ВОССТАНИЯ
ДАГЕСТАНЦЕВ И ЧЕЧЕНЦЕВ
В ПОСЛЕШАМИЛЕВСКУЮ
ЭПОХУ И ИМАМАТ
1877 ГОДА**

Правление культурно-исторического общества “Фонд Шамиля” и авторский коллектив выражают признательность за помощь оказанную при подготовке данной книги к изданию:

Айдамирову Джабраилу Сайдамировичу - министру мелиорации и сельскохозяйственного водоснабжения РД

Ахмедиллову Ахмеду Магомедовичу - коммерческому директору
ОАО “Роснефть-Дагнефть”

Гамзатову Гаирбегу Абдулкеримовичу - генеральному директору
ОАО “Авиаагрегат”

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

9(с44)
А-37

Международный фонд Шамиля
Дагестанский государственный Университет
(Министерство образования РФ)
Институт истории, археологии и этнографии
(ДНЦ РАН)

АЙТБЕРОВ Т.М., ДАДАЕВ Ю.У., ОМАРОВ Х.А.

ВОССТАНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ И ЧЕЧЕНЦЕВ В ПОСЛЕШАМИЛЕВСКУЮ ЭПОХУ И ИМАМАТ 1877 ГОДА

(материалы)

Книга I

Махачкала
2001

*Памяти известного дагестанского
арабиста Магомедсайида
Джамалудиновича Саидова*

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР

163536

Ответственный редактор
проф. Булатов Башир Булатович

Рецензенты:

проф. Магомедов Махач Ахмедович,
к.и.н Криштопа Александр Емельянович

Книга доносит до нас воззрения дагестанцев и чеченцев, живших во 2-ой половине XIX – начале XX вв. на события, происходившие на Восточном Кавказе в послешамилевскую эпоху, а также их оценки названных событий.

Предназначена данная работа для историков-кавказоведов, политологов и широкого круга читателей, интересующихся прошлым Восточного Кавказа. Рекомендуются в качестве учебного пособия в ВУЗах, колледжах и школах Восточного Кавказа.

Публикуется по решению Правления культурно-исторического общества «Фонд Шамиля» и Совета исторического факультета ДГУ.

Правление культурно-исторического общества «Фонд Шамиля» выражает благодарность Алиеву Джамалудину Рамазановичу – почетному депутату Народного Собрания РД за творческое содружество и содействие, оказанное при издании данной работы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

«Народ начинает умирать тогда, когда становится на путь превращения в аморфную массу, именуемую населением, а в население он трансформируется по мере забвения своей настоящей истории»

Мысль высказывавшаяся многими

Уделяя повседневное внимание воссозданию объективной истории борьбы народов Кавказа за свободу от феодального по сути угнетения, за традиционные права, за духовную и экономическую независимость, культурно-историческое общество «Фонд Шамиля» видит одну из главных своих задач в том, чтобы поднимать нравственность наших народов через изучение и познание ими своего прошлого. У не имеющих памяти, не ценящих подвигов своих предков, не извлекающих правильных уроков из их достижений и ошибок, большого будущего, как нам представляется, нет.

Для Дагестана, который является неотделимой органичной частью России, для его экономического процветания и сохранения в новых геополитических условиях общественно-политической стабильности, духовности, а также вековых нравственно-моральных принципов, крайне важным видится извлечение дагестанцами из своей богатой истории жизненных уроков, которые должны, думается, содействовать обеспечению общего благоденствия в последующем. Для нас несомненно, что самым главным условием сохранения и дальнейшего развития Республики Дагестан, основополагающим принципом обеспечения единства ее народов и территориальной целостности является пребывание в составе Российского федеративного государства. Другого оптимального пути для исторического развития Дагестана нет и быть не может.

События, происходящие в течение последнего десятилетия на территории Чеченской республики являются отчасти результатом игнорирования отдельными влиятельными лицами страны и Чечни кавказской и прежде всего чеченской истории, незнания ее глубинных тайн, неумения извлекать верные уроки из нашего общего прошлого. Нельзя забывать, что не может быть возврата к тому, что ушло давным давно.

В 1866 году имам Шамиль дал присягу на верность Российскому государству и завещал дагестанцам и чеченцам жить в мире и согласии с Россией, с великим русским народом. Имам Шамиль при этом оставил нам в наследство дух внутренней свободы, мужество, которое многократно демонстрируют сыновья наших гор, лесов и степей, нежность и скромность женского пола, личную порядочность, а также надежду на покровительство и защиту со стороны России от экспансии мировых держав.

В то время, когда шла еще борьба за Западный Кавказ, имевшая место, как известно, после почетной сдачи в плен имама Шамиля, на землях испокон веков населенных дагестанскими и чеченскими племенами началась волна восстаний антиколониального характера. Крупнейшим из таких восстаний, произошедших в послешамилевскую эпоху, - по своему территориально-этническому охвату и общему количеству вовлеченных в события людей - считается в науке восстание дагестанцев и чеченцев в 1877 году, после подавления которого были проведены репрессии, в пределах Дагестанской и Терской областей, небывалые по своей массовости и жестокости. Можно, думается, говорить даже о терроре, проводившемся против части подданных Российской империи - против тех, кто решились в конце концов защищать с оружием в руках свои законные права, нарушаемые наглецами в мундирах, присланными государством на Восточный Кавказ для налаживания мирной жизни, а вместо этого постоянно оскорблявших гордых по натуре горцев, организовывавших, причем практически самовольно, тайные убийства последних, присваивавших различными плутовскими методами их движимое и недвижимое имущество и т.д.

Восстания послешамилевской эпохи, направленные против режима, установленного чиновниками и офицерами, в нарушение торжественных обещаний, данных в 1859 г., нашли отражение в многочисленных русских документах и записках, в научных и научно-популярных работах, опубликованных в дореволюционную эпоху в различных городах державы¹⁷, а также в сочинениях, увидевших свет после Октябрьской революции 1917 г. Среди последних же особого упоминания заслуживают, как нам кажется, те, что принадлежат перу А.А.Тахо-Годи и его ученика - маститого кавказоведа Р.М. Магомедова¹⁸, труды которых активно использовались впоследствии некоторыми другими авторами, обращавшимися с успехом к описанию и осмыслению названной эпопеи¹⁹.

¹⁷ См., например, **Вискунов П.** Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях в 1877-1878 гг. Тифлис. 1882; **Богуславский Л.** История Апшеронского полка: 1700-1892 гг. Т. II. СПб., 1892; **Петров А.** История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1892; **Козубский Е.И.** История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909; **Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре.** Т. I - VII. Тифлис, 1904-1911; **Ковалевский П.И.** Восстание в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг. СПб., 1912 и т.д.

¹⁸ **Тахо-Годи А.А.** Восстание Чечни и Дагестана в 1877 году. - журн. «Советский Дагестан». № 1.2. Махачкала, 1990; **Магомедов Р.** Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала, 1940.

¹⁹ См., например, **История Дагестана.** Т. II. М., 1967; **Гасанов М.М.** Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60-70-е годы XIX в. Махачкала, 1997 и т.д.

При всем нашем огромном уважении к научным и научно-популярным работам о восстаниях, происходивших на Восточном Кавказе в послешамилевскую эпоху - с 1860 г. по 1877 г., нельзя не отметить, что они написаны на базе российских материалов в основном официального происхождения, иногда, правда, с ограниченным привлечением работ лояльных к царской власти дагестанцев-мусульман²⁰, с явными следами государственной цензуры, что не позволяет считать их полноценными историческими источниками, отражающими чисто местный подход к событиям - кроме как в очень незначительной степени. Это касается в общем-то и тех трудов о восстаниях второй половины XIX в., в которых имеются отдельные ссылки на такой, к примеру, материал как официальная переписка Имамата 1877 года; они если и отличаются от дореволюционных сочинений, то прежде всего своей симпатией к повстанцам, снятием с них клейма «мятежники», критикой царизма и его прихвостней в нашем регионе и т.д. Что же касается, во-первых, ясного и всестороннего описания хода событий, во-вторых, объективной и глубокой оценки поведения того или иного дагестанца или чеченца во время тех или иных событий послешамилевской эпохи, в-третьих, осмысления процесса организации массового вооруженного восстания против державы с мощнейшим разведывательно-информационным аппаратом, а также механизма руководства этим восстанием и т.п., то здесь следует сказать, что упомянутая выше источниковая база, на которую опирались наши глубокоуважаемые предшественники, не позволила последним в полной мере использовать свой интеллектуальный потенциал для решения наиболее фундаментальных моментов проблемы, которой посвящена данная книга.

Авторам этих строк - Айтберову Т.М., Дадаеву Ю.У. и Омарову Х.А. удалось в разное время выявить в рукописных собраниях - частных и государственных значительное количество местных, ранее неизвестных науке текстов о восстаниях послешамилевской эпохи и в том числе об Имамате 1877 года, который в народе называли «Эпохой короткого шарията» (*Къокъаб шариглат*) или же, но это в отдельных общественных кругах, причем с оттенком неуважительности - «Эпохой куцега шарията» (*Хъанда-яб шариглат*). Написаны названные тексты во второй половине XIX - начале XX вв. на языках коренных национальностей Дагестана, но прежде всего по-арабски и отчасти по-азербайджански. Они не прошли через официальную цензуру, а внешне представляют собой объемистые по восточнокавказским меркам хроники, записки исторического содержания, официальную документацию и т.п. В качестве исторического источника, можно сказать, сюда же примыкают народные песни дагестанцев и чеченцев,

²⁰ К числу их относится, к примеру, крупный знаток восточных языков Хасан-эфенди Алкадарский (1834-1910 гг.)

посвященные событиям второй половины XIX в. и особенно эпохе «Короткого шариата», стихи, причем как широко известных, так и малопопулярных в народе поэтов, создавших вирши, которые, однако, интересны для историка - упоминанием сугубо местных деятелей, чаще всего мелкого масштаба, а также отдельных происшествий, не зафиксированных в письменных памятниках. Весь этот восточнокавказский по происхождению материал о восстаниях против режима, установленного после 1859 г., прошедший мимо редактора-контролера, назначенного государством, уже на нынешнем уровне наших разысканий, можно с полным правом охарактеризовать как многочисленный, насыщенный ценной информацией и масштабный по своему объему. Данное обстоятельство, в свою очередь, вынудило авторов этих строк остановиться на мысли о целесообразности на данном этапе - отказываясь пока от написания обобщающего исследования - отдать все свои силы публикации, причем в нескольких томах, первичных материалов о названных выше восстаниях, делая это на уровне, достойном традиций российской науки. Соответственно данное издание, предлагаемое на суд читателя, являет собой лишь первый том задуманной серии, причем мы не можем умолчать здесь и о том, что уже сейчас имеем под рукой местные тексты в количестве достаточном для формирования второго тома, и все это при том, что российские государственные архивы с их ценнейшими материалами различного происхождения остаются пока вне поля зрения нашего авторского коллектива.

Наши предшественники на поприще изучения восстаний послешамилевской эпохи, имея под рукой весьма скромную, а главное - однообразную источниковую базу, добились солидных успехов при решении стоявших перед ними проблем, хотя, как уже говорилось выше, результаты их разысканий характеризовать как исчерпывающие и бесспорные было бы сейчас не совсем правильным. Опора на их отдельные научные открытия и разработки и вместе с тем глубокое изучение солидного количества практически не известных ранее местных текстов - плюс ознакомление в общих чертах с иными доступными нам материалами, которые не прошли еще необходимой научной обработки с позиций источниковедения, - не могли не породить в нас определенных, хотя, может быть, подлежащих еще коррективе мыслей по поводу названных здесь восстаний.

Во-первых, Россия, как государство, пыталась создать благоприятные условия для экономического процветания Дагестана и Чечни, и соответственно - для прочной привязки к себе основной массы этнических дагестанцев и чеченцев, которую должна была, в принципе, усилить и внедрявшаяся тогда культурно-языковая политика (развитие российским государством чеченского и аварского, а также других перспективных «лезгинских» языков, что было особенно впечатляющим на фоне тюркизаторства, навя-

зываемого османцами и их кавказской агентурой в российских «одеждах»), но все дело портила кадровая политика, проводившаяся в нашем регионе в послешамилевскую эпоху. Дело в том, что она формировалась в Тифлисе, где царского наместника окружали, как известно, **кавказцы, прошедшие ирано-турецкую многовековую школу подхалимажа и угодничества**, с которыми на названном поприще дагестанцы и чеченцы соперничать, естественно, не могли и в результате почти все должности на землях с дагестанским и чеченским населением попали тогда в руки армян и грузин, а также поляков и казаков, причем их представительство было особенно обильным, как ни странно, на территориях не подчинявшихся в прошлом имаму Шамилю и даже, можно сказать, враждебных ему и его предшественникам-имамам. Не секрет также, что при этом каждая из чужеземных этнических группировок, узурпировавших, при помощи наместника Кавказа, власть над Дагестаном и Чечней - от уровня начальника Области, чьи права превосходили права всевластных первых секретарей Обкома КПСС и вплоть до уровня начальника участка, состоявшего из нескольких селений, - преследовала на Восточном Кавказе, кроме получения ее представителями весьма солидного государственного жалования, взяток, а также - вымогательства старинного оружия и иного драгоценного антиквариата, еще в какой-то мере и «политические» интересы. Так меликовский клан, состоявший из многочисленных царских офицеров и чиновников, старался присвоить наиболее благодатные дагестано-чеченские земли своим испытанным методом: провоцируя мелкие и крупные вооруженные выступления против Империи, которые, после подавления, порождали земельные конфискации в пользу казны, вслед за чем шла их «прихватизация». Офицеры-грузины, верховодившие во второй половине XIX в. прежде всего в аварских, даргинских и чеченских районах, будучи охвачены изнутри чувством мести за «лезгино-кистинские» походы предыдущих столетий, занимались стравливанием местных общин между собой, с использованием для этого «племенного» фактора, а также истреблением ярких личностей из числа горцев. Поляки - третья группировка, думая о путях воссоздания Речи Посполитой, используя свое служебное положение, исподволь подталкивали кавказцев, и в том числе население Дагестана и Чечни, на волнения и мятежи, чтобы не допустить, таким образом, сосредоточения внимания русских на польском вопросе; такими же делами занимался, к примеру, немец Лео Чембер в подведомственном ему Казикумухском округе, где местных горцев подвергали телесным наказаниям, если они не вставали при виде офицера и не снимали папахи перед ним²¹.

²¹ Интересно, что в книге знаменитого грузинского писателя Чабуа Амирэджиби, написанный с большим талантом на основе значительного количества источников, в том числе происходящих из архивов специальных служб Кавказского наместни-

Во-вторых, российские власти, причем, судя по всему, весьма высокого уровня, размышляя о путях, которые бы привели к резкому ослаблению сопротивления «лезгинов и чеченцев», без применения в отношении их чрезвычайных мер, сочли, что шариат следует заменить у них адатом, то есть традиционными местными юридическими нормами и порядками, представлявшими собой мешанину из языческого, христианского, иудейского и мусульманского права. В связи с этим перешли в оппозицию к Империи передовые слои населения Дагестана и Чечни, способные предвидеть грядущие события: те беды, которые несло с собой внедрение адата, отвергнутого самой жизнью. Такую же позицию заняло и мусульманское духовенство, которое в результате возрождения адата вытеснялось из системы суда и управления, теряя в определенной мере свое влияние в обществе.

В-третьих, Османская империя, то есть Турция, стремясь укрепиться на западном берегу Каспийского моря и получить через это свободный выход в Среднюю Азию и далее на Восток, - рассчитывая в нашем регионе в качестве главной опоры на кавказских тюрок, особенно их интеллигенцию, и на озлобленных российской кадрово-религиозной политикой «лезгин и кистинцев» - вела в течение нескольких лет чрезвычайно активную агентурно-агитационную работу на территории Дагестанской и Терской областей, а в Ставропольской губернии - среди местных ногайцев и туркменов. Главным объективным помощником османо-турецких устремлений на Восточном Кавказе мы считаем при этом, однако, не муллу - вопреки мнению многих царских чиновников и отдельных историков разных времен, - а прежде всего упомянутую выше кадровую политику наместника Кавказа с ее влиянием на земельные отношения в регионе, а именно - передачу административно-полицейской власти над этническими дагестанцами и чеченцами лицам армянской, грузинской и польской национальности. Вот эти-то назначенцы, не принадлежавшие к числу коренного населения Восточного Кавказа, своими откровенными издевательствами, как и интригами в земельном вопросе, и подготовили почву, причем во многом осознанно, для грядущих успехов турецкой разведки на Восточном Кавка-

чества, говорится устами грузина-жандарма дагестанским тюркофилом: если вы - те, кто «изменили своему народу и продались туркам», будете продолжать свою работу в пользу Турции, то «придут карательные отряды» царской армии, «возьмут грузин и армян проводниками. спялят ваши города и аулы»; кто держал в руках «хотя бы нож, тех сошлют в Сибирь», кто из вас сумеют уйти «от справедливой кары» и рассеются «по лесам и горам, те передохнут от голода, холода и болезней», после чего на «ваших землях казаки поставят свои куреня и о том, что ваши народы жили когда-то на земле, люди будут узнавать только из книг» (см.: Дата Гутаххиа. Тбилиси, 1982, с. 460.)

зе. Именно они создали объективные предпосылки для вступления дагестанцев и чеченцев на путь вооруженной борьбы с Российской империей, когда во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наступил, как логично посчитали последние, подходящий для этого момент.

В-четвертых, особенности географического характера, а также исторические традиции и психология этносов Северо-восточного Кавказа, приводят к тому, что внешние силы, заинтересованные в изгнании России с Восточного Кавказа, действуют уже достаточно давно по одному в общем-то рецепту: в начале идет идейная обработка мусульманского населения по всему региону, но первые активные вооруженные выступления организуют эти силы в чеченских лесах, прилегающих к Аваристану, где предполагается наличие кровного родства, дружбы и взаимных экономических интересов между чеченцами и аварцами; затем вооруженные выступления пытаются переносить в густо населенную центральную часть труднодоступного Внутреннего Дагестана, где часто выявляются храбрецы, исключительно способные к организаторской деятельности, в том числе и на военном поприще; после этого под власть антироссийских сил должен переходить, по их замыслам, весь Северо-восточный Кавказ.

В-пятых, события 1877 г., имевшие место на территории Дагестанской области, стихийного характера не носили и, соответственно, начались они вне связи со случившимся якобы избиением и оскорблением русскими солдатами нескольких аварцев-торговцев фруктами, что до сих пор пытаются доказывать некоторые представители советской науки. Напротив, весь ход восстания, был тщательно обдуман и заранее распланирован на тайных встречах очень узкого круга согражданцев, а также, думается, кумухцев, цудахарцев, кайтагцев, табасаранцев, ахтынцев и елисуйцев, от которых информация в строго дозированных объемах была передана позднее доверенным лицам из соседних аварских, даргинских, лезгинских, лакских и других селений. Видные лица того времени, и особенно офицеры, царской службы-дагестанцы, только внешне действовали под влиянием окружающих земляков и, соответственно, возникавших тут эмоций в их душах. В действительности же они руководствовались, как мы убеждены, планом, который предварительно выработал, вероятно, с учетом советов турецкой разведки, тайный совет-*шура*. Последний в подходящий момент избрал, а затем и провозгласил наиболее достойную в условиях 1877 г. личность *имамом* Восточного Кавказа - военным вождем и одновременно верховным гражданским администратором, действующим на основании норм шариата. В свою очередь, с учетом всего сказанного здесь, думается, правильным будет говорить поэтому не просто о восстании 1877 г., а о воссоздании в 1877 г. государства Имамат, - в пределах Дагестана, Восточной

Чечни и Елисуйского участка Закатальского округа²² - через восстание против режима, нарушавшего, в лице своих кавказских чиновных лиц, условия сдачи имама Шамиля Российской империи в 1859 г.

Данная работа рассчитана прежде всего на ученых-профессионалов, а поэтому в переводах полностью сохранены терминология и эпитеты зафиксированные в подлинном тексте. Вместе с тем мы учитывали здесь и интересы простого читателя, интересующегося прошлым Кавказа, в связи с чем старались по мере возможности, избегать излишнего количества квадратных скобок и не стремились сохранять в русском переводном предложении тот порядок слов, который присутствовал в арабском или аварском.

Отметим здесь также и то, что в данной работе мы взяли на себя смелость слегка **подкорректировать по форме** перевод Али Гасанова-Алкадарского (текст III), с целью всего лишь унификации. Что же касается материалов официальной переписки Имамата 1877 года (VI), дошедших до наших дней в плохо понятных даже профессиональному историку канцелярских переводах, выполненных в пределах конца 70-х годов XIX в., то, опираясь на свой опыт, мы **переработали** названные переводы с сугубо **формальной точки зрения**, полностью сохранив, однако, их содержание.

При составлении примечаний к публикуемым текстам мы сочли возможным ограничиться на этот раз исследованиями и иными работами предшественников, построенными на материалах русского происхождения. В последующих же томах будем обращаться при комментировании местного материала уже к русским первоисточникам, послужившим базой для исследователей, писавших во второй половине XIX - начале XX вв., хотя у нас, правда, сложилось впечатление, что после использования последних вряд ли удастся обнаружить что-либо принципиально новое среди записей и документов, составленных на русском языке.

К предлагаемому на суд читателя тому нашей работы, посвященной восстаниям послешамилевской эпохи, приложены указатели, а кроме того уже сейчас составляется перечень терминов, имеющихся в издаваемых текстах, и список использованной литературы. Есть при этом твердое намерение: в заключительном томе, посвященном названной теме, дать полный перечень упоминаемых топонимов и этнонимов, обязательно с их ясной локализацией и соответствующими пояснениями, а также - составить список всей использованной литературы.

²² О том, что авароязычные елисуйцы принимали участие в событиях 1877 г. см. ниже, текст II, 9; **Мамедов Э.Ф.** Закатальский округ в конце XIX - начале XX веков. - Автореферат. Баку, 2001, с.22 (на азерб.яз.)

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА:

1. Ункратлинское восстание 1871 года против российской администрации («Ункратль и ункратлинцы в XIX в. »)

Получивший на дому мусульманское образование, знающий арабский язык Амиргамза Камилов сообщил нам, в начале 90-х годов, что в его родном селении Сильди имеется исторический по содержанию текст, повествующий о прошлом Ункратля, написанный арабской графикой на аварском языке,¹ то есть на *аджаме*. Согласно устной традиции сильдинцев, рассказывал А. Камилов, составлен он в первые десятилетия двадцатого столетия сильдинцем Асхабом, – потомком Гунаша, активного участника Кавказской войны, – что вполне вероятно, если учесть наличие там большого количества руссизмов. Позднее этот же Амиргамза Камилов любезно доставил нам названный исторический текст, правда, в собственном переводе с *аджама* на современную аварскую кириллицу.

Интересующий нас текст из Сильди озаглавлен в наличной записи: «История мусульманизации Дагестана» (*Дагъистан бусурманлъиялъул история*), что не отвечает, однако, его содержанию. Дело в том, что говорится там в основном об эпохе имама Шамиля и об ункратлинском восстании 1871 г. По этому-то мы и назвали его при первой публикации «Ункратль и ункратлинцы в XIX в.»,² что вполне обоснованно.

Написано данное историческое сочинение, судя по всему, на базе сильдинских преданий, существовавших десятилетиями в устной форме, но вполне возможно, что с привлечением ещё и какого-то письменного материала, попавшего в руки вышеупомянутого Асхаба. На такую мысль наталкивает нас довольно корявый местами стиль аварского текста сочинения («*Ункратль ...*»), что получается обычно при переводе с арабского языка, если не подвергать затем переводный текст специальной литературной обработке: Об этом же, кстати, говорят и употреблённые в тексте этого сочинения аварские временные конструкции.

Как показал анализ целого ряда конкретных фактов, упоминаемых и подробно излагаемых в разбираемом тексте: в качестве исторического источника он является весьма достоверным, а следовательно – ценным, при-

¹ Имеется публикация: **Айтберов Т.М.** Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Ч. II. Махачкала, 1999, с.23-33.

² **Айтберов Т.М.** Хрестоматия, ч. II, с.23.

чем достоверность и ценность его увеличиваются по мере приближения к 1871 году.³

II. Исхак Урминский-Али Салтинский

История шариатского восстания в Чечне и Дагестане, и Имамата 1877 года

Это по восточнокавказским меркам объёмистое историческое сочинение написано на арабском языке. К настоящему времени оно доступно нам в двух списках.

Первый (А) – написан черными чернилами, *каلامом*, той разновидностью почерка *наسخ*, которая характерна была для грамотных по-арабски дагестанцев, живших в XVIII – начале XX вв. Слово «глава» (*фасл*), с которого начинаются названия тех или иных частей данного сочинения, посвященных определенной теме, коранические *аяты*, стихотворные фразы в прозаическом тексте, различные места, – в том числе абзацы, требующие, по мнению переписчика, особого внимания – орфографические значки (типа русских запятых, точек, разделителей) и т.д. выписаны здесь красными чернилами. Неарабские имена собственные и местные, восточнокавказские, топонимы огласованы, а кроме того в них, там, где есть нужда, употреблены особые буквы, созданные дагестанцами на базе арабских, – точнее, думается, персидских, – которые передают специфические звуки, отсутствующие в языке арабов (например: *ц/е, лье, кье, кла* и т.д.). Кое-где в тексте сочинения расставлены подстрочные пояснительные значки, служащие для облегчения понимания тех или иных предложений, а также – значки надстрочные.

Написан текст «Истории» на 17-ти листах (23 x 18 см) белой российской бумаги № 7, изготовленной на фабрике Сергеева, думается, в пределах конца XIX - начала XX вв.

На первом листе рукописи, содержащей текст «Истории», имеется краткая запись по поводу молодого месяца и роли Хаджи-Ибрахима (Урадинского-?) в разработке нового метода для установления времени его появления в небе. Запись эта, которая, не исключено, что принадлежит руке переписчика «Истории», датирована 1321/1904 г. На листах 18-19 (а-б) после окончания «Истории», дается текст поэмы Хасана Алкадарского, написанной по-арабски в связи с восстанием 1877 г., после чего (лист 20-а) следует небольшая запись исламского содержания.

³ См. текст I, примечания № 11, 16-21, 24, 27, 38-40, 49-56.

Арабский язык автора «Истории», при всем уважении к его познаниям, несет на себе очень сильное влияние грамматики аварского языка. Особенно сильно здесь воздействие падежной системы аварского, которая по отдельным параметрам (например: эргативность) не имеет параллелей в арабском (например: «я» – *дун, дида, дица*; «ты» – *мун, дуда, дуца* и т.д.), вследствие чего отдельные предложения текста вряд ли могут быть правильно поняты арабистом, не знающим аварского языка. Да и аварец-арабист не всегда, думается, сумеет найти тут правильный путь.

Здесь же, по-видимому, необходимо указать и на то, что переписчик, чья рукопись «Истории» находится сейчас в нашем распоряжении, имел в своих руках список, судя по всему, достаточно плохой (написанный неразборчивым мелким почерком - ?). Это обстоятельство и упомянутая выше специфика данного арабоязычного сочинения (сильное влияние аварской грамматики) привели, как нам представляется, к более значительному, по сравнению с имевшим место ранее, ухудшению качества текста – к многочисленным грамматическим ошибкам разного рода, сильно затрудняющим верное понимание его.

Список (А) предоставлен нашему авторскому коллективу знатоком арабского языка и дагестанского прошлого Дарбишмагомедом Карагишиевым, жителем сел. Ингишо Гумбетовского района РД, отцом известного в нашей республике Ухумы Карагишиева. Почтенный Дарбишмагомед дал нам при этом разрешение на публикацию текста данного списка «Истории» в виде книги, а также – на страницах тех или иных газет.

Второй (Б) – хранится в Рукописном отделе Института ИАЭ ДНЦ Академии наук РФ (ф.1, оп.1, д.356//3285, л.1-8). Он представляет собой плохо читаемую копию, выполненную, по-видимому, в пределах середины XX в.; имеется перевод данного списка «Истории», который принадлежит руке К.М. Баркуева (см. Рук. фонд ИИАЭ, ф.1, оп.1, д. 430//3285, л.1-18).

Данный список «Истории» (Б) зафиксирован в Рукописном отделе в качестве произведения Али-кади Салтинского, известного аварского учёного, писавшего по-арабски, собирателя фактов по истории Дагестана,⁴ жившего во второй половине XIX в.

Текст списка Б совпадает с текстом списка А во многом дословно, хотя он и заметно короче последнего. Сравнение их тут показало, что происходит это по той, прежде всего, причине, что в списке Б имеет место пропуск многочисленных предложений, присутствующих в списке А, а в отдельных случаях – целых абзацев. Вместе с тем, однако, в списке Б замечена и такая, причём весьма ценная для историка, информация, которая в

⁴ Об этом см., например Айтберов Т. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии (VIII - XIX вв.). – Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986, с.161.163.

Али-кади Салтинский

Следует указать здесь и то, что ни в списке А, ни в списке Б не указано имя автора этой «Истории» восстания 1877года. Привязка её то к Исхаку Урминскому, то к Али Салтинскому опирается, таким образом, практически на одну лишь местную устную традицию. Со временем, однако, возможно, будут найдены интересные факты, которые позволят расставить тут всё по своим местам. Пока же можно лишь предположить, что информация (особенно подробности), касающаяся событий, проходивших в 1877г. на территории современного Левашинского района и на прилегающих землях, принадлежит Исхаку Урминскому, а рассказ о том, что происходило тогда в пределах бывшего Гунибского округа – Али Салтинскому, на личности которого мы намерены остановиться подробно во втором, находящемся на стадии подготовки, томе наших разысканий об истории восстания и Имамата 1877 года.

В предлагаемой на суд читателя книге сочтено наиболее целесообразным дать публикацию одного лишь списка А, без учёта специфики списка Б.

III. Хасан-эфенди Алкадарский О состоянии Дагестана после сдачи Шамиля-эфенди Российской державе (из «Асари-Дагестан»)

Лезгин по национальности Хасан Алкадарский родился в аварском сел. Балаханы нынешнего Унцукульского района в 1834 г. Отец его по имени Абдулла, из сел. Алкадар нынешнего Сулейман-Стальского района РД, был учеником и, можно полагать, мюридом знаменитого шейха Мухаммада Ярагского. Мать же Хасана, которую звали Хафсат, являлась дочерью названного шейха, причем она перед этим была замужем за имамом Газимухаммадом Гимринским (уб. в 1832 г.). Хасан, который получил прекрасное мусульманское образование на территории Лезгистана, а затем служил канцлером-мирзой у хана Кюры, окружным *диван-беком* и *наибом* в имперской военно-административной системе, является автором целого ряда сочинений, одно из которых это «Асари Дагестан».⁵

Хасан-эфенди Алкадарский

⁵ Бартольд В.В. Дагестан. – Сочинения. Т. III. М., 1965, с.418; Саидов М.-С. Гасан Алкадари – видный дагестанский учёный. – в кн. Историко-литературное наследие Гасана Алкадари. Махачкала, 1988, с.43-46; Абдуллаев С.М. Некоторые вопросы истории Дагестана в работе Гасана Алкадари «Диван ал-Мамнун». – Наследие Гасана Алкадари, с.126; Основные даты жизни и творчества Гасана Алкадари. – Наследие Гасана Алкадари, с.134; Юсуфов Ш. Слово об Алкадари. – в кн. «Гасан-эфенди Алкадари. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане) / пер. и прим. Али Гасанова-Алкадари. Махачкала, 1994, с.3,4,154»; Шихсаидов А.Р. Гасан Алкадари. – жур. Возрождение. № 6. Махачкала, 2000, с.141-142.

«Асари» написано Хасаном на азербайджанском языке то ли в 1307/1889-90 г. (по Бартольд), то ли 1308/1890 г., то ли, наконец, в 1891 г., но с небольшими добавлениями, сделанными в 1892 г. (по А. Гасанову). В 1312/1894-95 г. труд этот был напечатан в Петербурге на средства знаменитого на Кавказе бакинца-миллионера З. Тагиева, но в руки читателей он попал, по цензурным соображениям, лишь в 1903 г.⁶

В 1929 г. «Асари Дагестан» было опубликовано в Махачкале на русском языке в переводе Али Гасанова – сына Хасана-эфенди Алкадарского (ум. в 1910 г.). Переводчик, как известно, был прекрасным знатоком азербайджанского языка, имел высшее юридическое и историческое образование, приобретенное им в стенах Петербургского университета. Этот же Али Гасанов, кстати, снабдил свое издание отцовской книги интересными примечаниями, правда, однако, они мало касаются восстания 1877 г. В данной работе мы даем переиздание перевода Али Гасанова и одновременно привлекаем его примечания, причем используем обе махачкалинские публикации – 1929 и 1994 годов.⁷

Знаменитый российский ориенталист В. В. Бартольд охарактеризовал «Асари Дагестан» кратко, но метко: сочинение «написано не без таланта и содержит некоторые ценные сведения, особенно для поздней истории Дагестана», а это касается, естественно, и восстания чеченцев и дагестанцев против Российской империи, имевшего место в 1877 г., в ходе которого был создан Имамат.⁸

IV. Захват Цудахара (аварская песня)

Данный текст представляет собой старинную песню, бытующую на аварском, даргинском,⁹ а может быть и на других дагестанских языках – надо, однако, полагать, в несколько отличных друг от друга вариантах.

Как исторический источник эта песня (*Цадахлариб росу бахъи*), думается, не безынтересна.

⁶ Бартольд. Дагестан, с.418; Основные даты, с.136; Саидов. Гасан Алкадари, с.45; Алкадари. Асари Дагестан, с.4,154.

⁷ Алкадари. Асари Дагестан (1994 г.), с. 124-129, 167; Юсуфов. Слово, с.4.

⁸ Бартольд. Дагестан, с.418. См. также Алкадари. Асари Дагестан (Али Гасанов. От переводчика), с.154-157; Гаджиев В.Г. Гасан Алкадари – историк Дагестана (Опыт историографического анализа «Асари Дагестан»). – Наследие Гасана Алкадари. с.28-42.

⁹ Об этом см. жур. «Советский Дагестан», № 1, 1990г., с. 34,35 (материал А.И. Исаева).

Перевод сделан с публикации С.М. Хайбуллаева,¹⁰ крупного знатока старинной аварской поэзии.

У. Етим Эмин Стихи о восстании 1877 года

Классик лезгинской национальной поэзии Етим Эмин (ум. в 1885г.), чьим настоящим именем было Мухаммадин, – сын муллы Севзихана из сел. Цилинг, – хотя и являлся по преимуществу лириком, при всём том, однако, откликнулся и на важнейшие политические события своего века. Так, восстание 1877 года на территории Южного Дагестана и его подавление там получили в творчестве Етима Эмина – муллы одного из небольших лезгинских селений, – своё яркое отражение¹¹ в виде трёх стихотворений. В двух из них – «Бунту 1877 года» и «Где же – ?» даются, можно сказать, откровенные описания и оценка событий 1877 года. Третье же стихотворение – «Найбу Хасану» – адресовано, как видно, лицу, находящемуся в тот момент на государственной службе и обязанному, следовательно, давать информацию об «опасных» настроениях в обществе вышестоящим имперским структурам. Естественно, это обстоятельство не могло не сказаться на форме преподнесения читателю и на самом содержании произведения нашего поэта, который состоял тогда в дружественных отношениях с названным наибом и, понятно, не желал ставить последнего в неудобное положение перед властями.

Эта часть книги о восстаниях послешамилёвской эпохи подготовлена стараниями известного лезгинского литературоведа К.Х. Акимова. Именно по его совету здесь нами использованы стихи Етима Эмина в переводах М-З. Аминова, М. Колубакиной и Я. Козловского, но с его – К.Х. Акимова поправками, дополнениями и комментариями. Источником заимствования текстов был здесь, по словам К.Х. Акимова, стихотворный сборник «Дагестанские лирики» /сост. Г. Гашаров. Махачкала, 1986, с. 88-91, 93-101.

¹⁰ Хайбулласулав С.М. Гъазаватальул шигъраби. Махачхъала, 1997, гъ.15,16.

¹¹ О нём см. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970, с.223-231; Султанов К. Очерки истории дагестанских литератур XIX – начала XX вв. Махачкала, 1978, с.100-109; Гашаров Г.Г. Певцы обновлённого края. Махачкала, 1987, с.16-21; Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан: история и современность. СПб., 1995, с.255-257.

Етим Эмин

Одновременно, следует отметить, что К.Х. Акимов посоветовал авторам этих строк использовать тут ещё и лезгинский текст Етима Эмина для необходимых, по его мнению, корректив, причём по следующим изданиям: Етим Эмин. Стихотворения /сост. Г. Садыки. Махачкала, 1980; Етим Эмин. Стихотворения /сост. А. Агаев. Махачкала, 1960; Етим Эмин. Стихотворения /сост. Н. Ахмедов. Махачкала, 1957; всё это – издания на лезгинском языке.

Стихи Етима Эмина о восстании 1877 года являются при нынешнем состоянии источниковой базы весьма ценным историческим источником для освещения и осмысления ситуации того времени, имевшей место в Южном Дагестане. Важность этих стихов для историка, думается, в том прежде всего, что в них приводятся имена лезгин-повстанцев и обрисовываются настроения, царившие тогда среди определённой части населения названного региона.

VI. Официальная переписка Имамата 1877 года (собрание А.А. Тахо-Годи)

В послереволюционный период, а точнее в 1917 г., в руки известного кавказского политика и государственного деятеля Алибека Алибековича Тахо-Годи (нарком, член бюро Обкома, заместитель председателя Совнаркома, заместитель заведующего отдела ЦК ВКПб и т. д.) из селения Урахи (Сергокалинский район)¹² попали из темир-хан-шуринского фонда «Секретные дела» подлинные тексты 38 официальных писем эпохи Имамата 1877 года, а также их переводы, которые выполнены были в канцелярии начальника Дагестанской области Российской империи.

А.А. Тахо-Годи

Переводы писем специально изучались А.А. Тахо-Годи в 20-е годы XX в., а затем были опубликованы им в качестве приложения к его работе «Восстание Чечни и Дагестана в 1877 году».¹³ Что же касается подлинных текстов названных писем, то они переданы были Алибеком Алибековичем

¹² О нём см. Магомедов А.М. Алибек Тахо-Годи: жизнь, мировоззрение, творческое наследие. Махачкала, 1993.

¹³ Газ. «Красный Дагестан», 1925г., ноябрь, № 251, 252, 254, 257, 259, 260, 261, 262, 267, 269.

в Дагестанский краеведческий музей, и со временем, возможно, будут выявлены и введены в научный оборот.

Как указывает А.А. Тахо-Годи, все письма Имамата 1877 года написаны были на арабском языке и большинство из них заверено было при этом печатями отправителей. На некоторых письмах имелись приписки по-русски, сделанные сотрудниками государственных структур, управлявших Дагестанской областью в 1877 г. и в последующее время, а также – резолюции, которые имеют прямое отношение к содержанию того или иного письма.

Работа А.А. Тахо-Годи, которая после его ареста, имевшего место в 1937 г., подверглась изъятию, была в 1990г. переиздана известным дагестанским учёным-знатоком архивов и архивного дела Амирханом Исаевичем Исаевым.¹⁴

В данной публикации сочтено целесообразным изменить ранее существовавший порядок расположения писем: вначале даются, причём в хронологическом порядке, точно датированные письма, а ниже – в таком же, предположительно, порядке, те письма, датировка которых является предлагаемой нами, устанавливаемой путём применения методов источниковедения.

VII. Абдуразак Согратлинский История Имамата 1877 года и восстания на территории Дагестана

Это историческое сочинение, принадлежащее руке учёного согратлинца по имени Абдуразак, пользовалось в конце XIX – начале XX вв. определённой популярностью. Поэтому, несмотря на резко негативное отношение царской администрации к восстанию 1877 г., оно переписывалось дагестанцами и, таким образом, тайно распространялось по территории Восточного Кавказа, при всём том контроле за местной арабоязычной интеллигенцией, который практиковали специальные службы Империи. Так, например, известно, что один из списков данной «Истории» попал в своё время в руки казикумухца Али Каяева, который позднее использовал его при написании своего фундаментального труда, посвящённого восстанию 1877 г.¹⁵ не изданного на русском языке, к величайшему сожалению, по сей день. Другой список видел своими глазами перед Отечественной войной

¹⁴ Тахо-Годи А.А. Восстание Чечни и Дагестана в 1877г. – жур. «Советский Дагестан», № 1,2. Махачкала, 1990.

Использованы: № 1, стр. 37; № 2, стр. 35-38.

¹⁵ Устное сообщение потомков Али Каяева.

почётный согратлинец В.В. Варисов.¹⁶ Следует при этом отметить, что оба упомянутых списка «Истории» – не исключено, впрочем, что мы говорим здесь об одном и том же списке, который видели в разное время два разных лица, – находились, согласно доступной нам информации, в сел. Согратль.

М.П. Инквачилав (сидит) и М-М.Г. Гайдарбеков (стоит)

В 1925 году, работая в Согратле в библиотеке Абдуразака, сотрудник Дагестанского краеведческого музея Магомед Пирбудагович Инквачилав наткнулся на текст «Истории», которая стоит в нашей книге под номером VII. Этот знаток арабских текстов, крупный собиратель материалов о прошлом Дагестана снял тогда копию с названного источника и передал её затем в Рукописный фонд музея, откуда попала она позднее в Рукописный отдел Института ИАЭ ДНЦ АН РФ. Там эта копия ныне и хранится (ф.1, оп.1, д.378).¹⁷ Нельзя, впрочем, не отметить здесь и того, что, по словам покойного М.Г. Нурмагомедова, М.П. Инквачилав, обладая не очень хорошим, не разборчивым арабским почерком, нередко поручал пе-

¹⁶ Устное сообщение В.В. Варисова.

¹⁷ **Омаров Х.А.** Воспоминания Абдуразака Согратлинского о восстании 1877 г. – Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. с.88.

релисывать свои материалы М-М.Г. Гайдарбекову, своему близкому родственнику.¹⁸ Таким образом получается, что многие тексты из Рукописного отдела, зафиксированные в описях как *инквачилавские*, принадлежат в действительности руке молодого тогда, и, может быть, не совсем ещё опытного в деле переписки арабских текстов М-М.Г. Гайдарбекова и, что для нас важно – это касается данного списка «Истории».

Текст «Истории» восстания написан на арабском языке чёрными чернилами, металлическим пером, почерком *наسخ* на листах (35x22 см.) российской фабричной линованной бумаги. Местные топонимы и этнонимы огласованы, для передачи специфических для дагестанцев звуков использованы особые буквы, созданные на базе арабских.

Текст «Истории» подписан, думается, кем-то из числа проверяющих – «Инквачилав», причём видно, что это был не аварец, ибо надпись сделана неправильно с точки зрения аварской фонетики (*Инкъачилав* вместо *Инквачилав*).

В качестве исторического источника публикуемая ниже «История» является весьма ценной. Особенно это касается той части её, где описываются события, происходившие в 1877 г. в северо-западной части горного Аваристана. Дело в том, что автор – Абдуразак Согратлинский – согласно тексту «Истории», находился тогда в названных выше местах в качестве ученика-*мутаалима* и имел беседы с видными лицами, участвовавшими, так или иначе, в разбираемом здесь восстании.

instituteofhistory.ru

¹⁸ Из рассказов М.Г. Нурмагомедова.

ПУБЛИКУЕМЫЕ ТЕКСТЫ:

I. Ункратлинское восстание 1871 года против российской администрации («Ункратль и ункратлинцы в XIX в.»)

Перевод текста .

[1. Введение]

Ещё лет триста тому назад Дагестан был страной неверных-*капуров*.¹ Селением, которое основано было в Дагестане первым, является Аргвани,² расположенное в Гумбетовском (*Мельелтла*) районе. На территории Ботлихского района таким селением, тем, которое основано первым, является Кванхидатль. На территории же Цумадинского района первым было основано селение Тинди.³ Жители названных селений в то время – триста лет тому назад, – были также неверными.

Мусульманизацию Дагестана провёл Хасан-Абулмуслим,⁴ который пришёл во главе армии – со стороны Сирии (*Шам*), – через Кайтаг-Табасаран (*Хайдакъ-Табасара*). Пока этот Абулмуслим шел сюда, между исламской армией, с одной стороны, и неверными, которые обитали тогда в Дагестане, с другой, произошли великие битвы, причём война эта, возникшая между ними, затянулась на целых, эдак, четыре-пять лет. Убедившись, в конце концов, что силой взять Дагестан невозможно, Абулмуслим заготовил хлеб, в который был подмешан яд, а затем, дав дагестанцам возможность совершить атаку, убежал с линии фронта вместе со своей армией. Голодные же дагестанцы, подскочив, съели тут найденный ими хлеб – с ядом – и в результате умерли все до одного. Таким-то образом, лишь применив такую вот хитрость, Абулмуслим и сумел тогда захватить Дагестан.⁵

После того, как дагестанцы стали мусульманами, между ними, с одной стороны, и населением Закавказья (*Цор*) – с другой, началась вражда.⁶ В пору существования той вражды дагестанцы и закавказцы угоняли друг у друга скот и воровали людей. Одним словом, время то было временем воровства. Люди жили тогда только этим, по-другому же еду и питье для себя они не добывали. Даге-

станцы захватывали в качестве добычи [тушинский] скот, а те – их скот. Справедливых порядков (*Задлу*) тогда не было, не было и *ханов*, которые проводили бы в жизнь справедливые порядки.⁷ То была эпоха, когда сильный отнимал у слабого все, что хотел.

Бывало так: обрабатывает какой-либо робкий и слабый человек своё поле, а тут подходит к нему какой-нибудь силач, хватается этого слабака за плечо, швыряет в сторону и начинает затем обрабатывать поле его уже для себя. Благодаря этому-то отдельные люди и обогатились в то время, причём особенно сильно, так, что стали они даже претендовать на ханскую власть (*ханльи*).

Эти разбогатевшие люди захватили в городах и селениях земли, не оставляя беднякам, таким образом, ни клочка земли. Но захвата чужих земель для этих богачей оказалось мало. Они ещё и обложили людей податью (*магъало*), и взымали её с них, а вдобавок заставляли людей работать на себя, причём бесплатно. Обогатившись, таким образом, за счёт всего этого, такие люди стали ездить в Москву (*Муску*) к царю,⁸ и добивались там должностей (*хъулухъ*) для себя. Царь же, в связи с тем, что государство (*хЛукумат*) было тогда государством богачей, давал им любые должности. Вот таким-то образом и появились в Дагестане ханы,⁹ которые вели народ к нищете.⁹

[2. Эпоха Шамиля]

В связи с тем, что богачи угнетали бедняков и насильничали, на арену [истории] вышел Шамиль, который имел намерение [прежде всего] освободить (*эркен*) народ. Всех этих якобы ханов, которые собирали подати с бедняков, Шамиль поэтому извёл – там, куда доходила его рука. Одних из людей этой категории он убил, других посадил в тюрьмы (*туснахъ*) и, таким образом, вернул беднякам их права.¹⁰

Здесь у нас, однако, среди горского народа, зажатога скалами, продолжали ещё оставаться люди, именующие себя ветвью ханов, нуцалов. Наложив подать [руками своих предков] на весь Ункратль (*Ункъракъ*), они взымали её с местных жителей-ункратлинцев.¹¹ Таких нуцалов в селении Кеди было в то время тринадцать человек и именно они собирали подать со всего Ункратля.¹²

Ункратлинцами называют тех людей, которые обитают выше места, именуемого Цумада-Урух (*Цумади-Глурухъ*). Населяют же они четыре ущелья:

первое ущелье – то, в котором обитают кединцы и саситлинцы;

второе – то, в котором находится Хварши;

третье – то, в котором находятся селения Сильди и Гакко;

четвёртое ущелье – то, в котором обитают хваршининцы и метрадинцы (*митарал*), а тянется оно до селения Хушет.¹³

С этих ункратлинцев взималась следующая подать: с каждого маленького селения брали ежегодно по тридцать яловых овец, а с каждого большого селения – ежегодно по сорок яловых овец.¹⁴

Затем, уже после того как Шамиль стал *ишаном*,¹⁵ в селение Сильди пришли как-то три человека из числа этих [нуцалов], чтобы взять с сильдинцев названное выше количество яловых овец. Но тут им дали отпор. Сделали это сильдинец Деньга-Мухаммад,¹⁶ его товарищ Сагид-Мухаммад,¹⁷ а также их общий товарищ Гунаш, сын Асхаба. Эти трое заявили тогда: «До сих пор мы, сильдинцы, дали вам достаточно много податей. Больше мы вам подать давать не будем, ибо ныне мы, подобно прочим [мусульманам], находимся под дланью Шамиля». [Нуцалы] же в ответ сказали: «Нет! Мы не знаем никакого Шамиля. Как то было ранее, так и сейчас, эта ваша – сильдинская – земля и земли других ункратлинцев являются нашей собственностью (*маликаб*).¹⁸ Поэтому подавайте-ка нам подать!» Деньга-Мухаммад ответил им: «А ну-ка попробуйте возьмите с нас, если можете, эти сорок яловых овец. Да мы их вам никогда не дадим!» Тут, однако, остальные члены Сильдинской сельской общины-*джамаата*, издавна привыкшие терпеть ханские насилия, сказали Деньга-Мухаммаду и его товарищам: «Законы (*закун*) Шамиля и его справедливые порядки до нас, ункратлинцев, пока ещё не дошли. Уж как бы там ни было, но и вы, и они должны сейчас придерживаться организуемого нами мероприятия, удовлетворяющего обе стороны (*маслихат*). Вместо подати овцами мы дадим им сейчас украшенное золотом ружьё (*хъирим*) сорта *истамбул*, которое хранится у Муртазаали – сына Исы. Пусть уж [нуцалы] берут себе ружьё и на этом успокоятся. И вы, давайте-ка, успокойтесь на этом». Деньга-Мухаммад ответил: «Вы, раз уж сами так решили, от-

давайте им сейчас это ружье. Но с ним на руках они за пределы нашего селения ни за что не выйдут».

Итак, взяв с собой украшенное золотом ружье, трое [нуцалов], приходивших в Сильди за податью, поднялись, чтобы покинуть теперь это селение. Однако, как только подошли они к краю селения и сделали всего лишь один шаг за его пределы, Деньга-Мухаммад и Сагит-Мухаммад, подскочив к ним сзади, крутанув, вырвали у них названное ружье из рук, ударили им по камню, сломали таким образом приклад, а затем с размаха выбросили его в пропасть.

Услышав об этом поступке Шамиль, который в то время находился в селении Ашильта,¹⁶ пригласил к себе трёх вышеупомянутых сильдинцев и оказал им – Деньга-Мухаммаду, Сагит-Мухаммаду и Гунашу, – великий почет. Шамиль поблагодарил их тут за все уже сделанное ими и затем записал Деньга-Мухаммада на должность *знаменосца*, с тем, чтобы шел тот впереди войска, где бы там война ни происходила. Далее, Сагит-Мухаммада Шамиль назначил тут своим *наибом* в Ункратле, а Гунаша – сына Асхаба, – сельским *сотником*. В связи с тем, что Асхаб – отец Гунаша был тогда ещё жив, Гунаш сказал: «Отец, пока ты жив-здоров, мне не пристало быть сотником в [Сильди]», - и в результате на должность сельского сотника был назначен его отец Асхаб.

После того у Шамяля появилась возможность перебить тех проживавших в Кеди людей, что назывались нуцалами. Для этого он направил в Кеди своих *юрюдов*, а также сильдинца Деньга-Мухаммада и еще Хавалава (*Хавалав*) из селения Гадари,²⁰ который занимался убийством людей вроде нуцалов.²¹

Примерно в то же время произошли следующие события: Сагит-Мухаммад, назначенный *наибом* Ункратля, и его товарищ Деньга-Мухаммад пошли как-то к тушинцам и по взаимному согласию этих тушинцев, с одной стороны, и жителей Ункратля – с другой, заключили мирный договор (*дугувур*), чтобы не было между ними того раскола, который имел место ранее. Следует здесь однако отметить, что с чамалинцами эти тушинцы и после заключения названного договора продолжали-де оставаться во вражде.

Через некоторое время отряд конных тушинцев, состоявший из трехсот человек, исходя из того обстоятельства, что с чамалинцами мир у них не заключен, двинулся против последних. Этот от-

ряд, двигаясь в сторону Чамалала, наткнулся, однако, на сильдинских пастухов, находившихся со своим скотом на горе Игадах (*Игадахъ*). В связи с тем, что граница этой сильдинской горы, по названию Игадах, сливалась с границей гакваринской²² горы Хамитль (*Хамикъ*), названные пастухи отправили в Сильди человека, чтобы тот сообщил: прошел тушинский отряд, цель которого – захватить в качестве добычи скот гакваринцев; дайте знать об этом гакваринцам.

**Шамиль «в кольчуге, в шлеме – как будто
закованный в железо вышел» за пределы Ашильта**

Мухаммадтахир Карахский

После того как человек, отправленный пастухами, прибыл в Сильди и сообщил там названную выше весть, знаменосец Деньга-Мухаммад и наиб Сагит-Мухаммад сказали своим сельчанам: «Пока-то весть о приходе тушинцев дойдет до Гаквари, и пока эти гак-

варинцы соберутся, чтобы выступить против, тушинцы угонят уже гакваринский скот к себе. А ну-ка, вы – совершеннолетние сильдинцы! Берите-ка свое оружие, у кого какое есть и выходите на перекрытие пути тушинцам».

داغستاندا چاچمايتد
 امار شاپيل

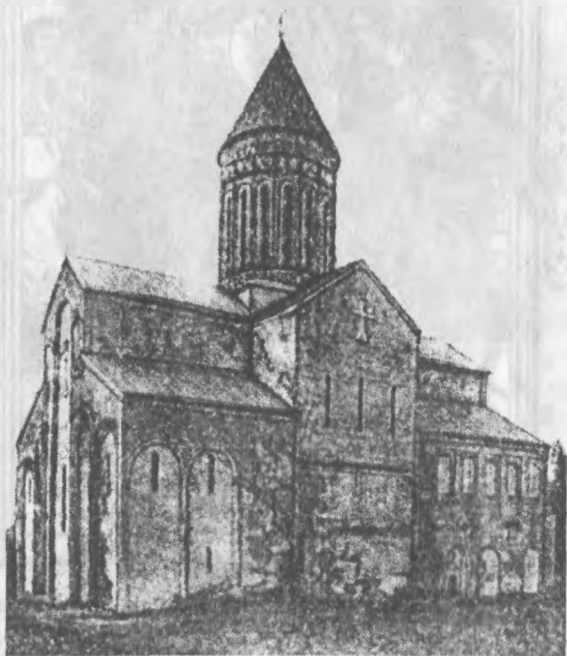
داغستاندا كچه چانزولكي
 امار شاپيل

И вот сильдинцы организовали тут засаду на дороге, по которой должны были проходить тушинцы. Как только отряд этих тушинцев приблизился к месту засады, сильдинцы напали на них и перебили. Спасся тогда лишь один-единственный тушинец, да и того сильдинцы просто-напросто отпустили, чтобы сообщил он людям своим о том, что произошло.²³

После того побоища упомянутая выше сильдинская гора получила своё нынешнее название «Игадах-меэр.» Раньше же эта гора

называлась вроде бы «Наха-меэр» (*Нахъа-меглер*), то есть «Гора, которая находится позади».

Итак, гакваринцы получили назад абсолютно весь свой угнанный было тушинцами скот. За это гакваринцы, в свою очередь, от глубины души поблагодарили сильдинцев. Мало того, строилась в Гаквари в то время мечеть. Так вот, прямо над входом в эту мечеть был тогда установлен в стене камень, на котором гакваринцы вырезали [духовное] завещание своим потомкам следующего, примерно, содержания: если сильдинец придет к нам с добром, не гоните его прочь. Камень этот и поныне находится в Гаквари, в стене тамошней мечети.

Алаверди, собор XI в.

Прошло определенное время, Шамиль собрался как-то идти со своим войском на Закавказье.²⁴ Для этого закавказского похода он, кстати, собрал тогда людей со всех подвластных ему мест – всего тридцать тысяч конных,²⁵ – имея намерение обратить в му-

сульманскую веру население Закавказья.²⁶ Двинувшись затем в путь, Шамиль в конце концов поднялся вместе с войском на высокую гору, с которой видны были все земли Закавказья.²⁷ На горе этой Шамиль остановился, и тут он увидел в тот ясный день далеко-далеко на востоке какую-то белизну. Шамиль спросил у Деньга-Мухаммада: «Вон то белое место, видимое там, на востоке, что из себя представляет?» Деньга-Мухаммад ответил ему: «Это церковь (*gьatlan*) под названием Алаверди (*Алабер*)». Шамиль сказал тут: «Тьфу! Иди-ка ты отсюда! Эх, был бы сейчас вместе с нами тот плохой парень, так уже бы сегодня поднимался на месте этой церкви дым». На это Деньга-Мухаммад заметил: «Если бы такой великий имам, как ты – о Шамиль! – не верил злым языкам, то плохой парень, названный тобой, был бы сейчас среди нас». Под «этим плохим парнем» они подразумевали Хаджимурада.²⁸

Хаджимурад

Шамиль намерен был тогда заявиться со своим войском в Шильда-Кварели (*Шилтла-Къурали*). Шильда-кварельцы же, когда услышали, что идут на них Шамиль и его войско, то испугались их, покинули-де дома свои и попрятались на берегу реки Алазани (*Алазан*). Притом засели они в таких местах, где бы невозможно было их увидеть.

Шамиль со своим войском прибыл, наконец, в селения шильда-кварельцев.²⁹ Воины его, не найдя там тогда абсолютно никого, стали тут шнырять в поисках попрятавшихся жителей Шильда-Кварели. Совершенно случайно несколько таких воинов, причём со знаменами Шамиля, наткнулись на тех, кто спрятался ранее на берегу Алазани. Но как только эти люди, что были со знаменами, появились перед спрятавшимися там шильда-кварельцами, последние,

испугавшись их, начали прыгать прямо в реку, имея малых детей на руках.

Это была настоящая беда, и Шамиля она опечалила. Со словами: «Этот наш поход – несчастливый»,³⁰ он быстро повернул из Шильда-Кварели и пошел назад. Войско свое Шамиль также увёл оттуда, а затем распустил его по домам.³¹

О Шамиле имеется ещё много информации. Я здесь её сократил.

В конце концов, царские солдаты (*салдат*) все же взяли Шамиля в плен,³² и тут он пленный поехал к царю.³³ Когда же прибыл Шамиль к этому царю, тот оказал ему огромное почтение.³⁴ Царь имел даже намерение, назначив Шамилю определенное содержание (*харж*), поручить ему поддерживать справедливый порядок в среде подвластного ему ранее народа и проводить в жизнь этого народа нормы *шариата*.³⁵ Для Шамиля, однако, такое решение вопроса оказалось неприемлемым.

Как бы уж там и что бы уж там ни было, но Шамиль как-то попросил царя: «Если ты желаешь сделать мне приятное, то отошли меня в Аравию (*ГПараби*)». Царь, в конце концов, принял эту просьбу Шамиля и отправил его в Аравию, как он того и просил.³⁶

[3. Восстание 1871 г.]

После пленения Шамиля царь установил в Дагестане справедливый порядок. Тут, однако, после того, как стало известно, что над народом, находившимся ранее в деснице Шамиля, установилась царская власть, произошло вот что: некий кварелец,³⁷ а именно князь (*гиназ*) Чавчавадзе (*Чавчавуз*),³⁸ у которого было тяжело на душе - от того, что случилось с его народом в Закавказье из-за действий Шамиля, подал заявление на имя командующего (*сардал*), пребывающего в Тифлисе. В заявлении этом содержалась просьба, чтобы его, князя Чавчавадзе, направили на службу в Дагестан. Командующий это прошение тогда принял и затем направил подателя его в Ботлих на должность начальника (*начаник I*).

³⁰ В тексте: кузалец.

³¹ В тексте: Джарджавуз.

Царь (Александр II)

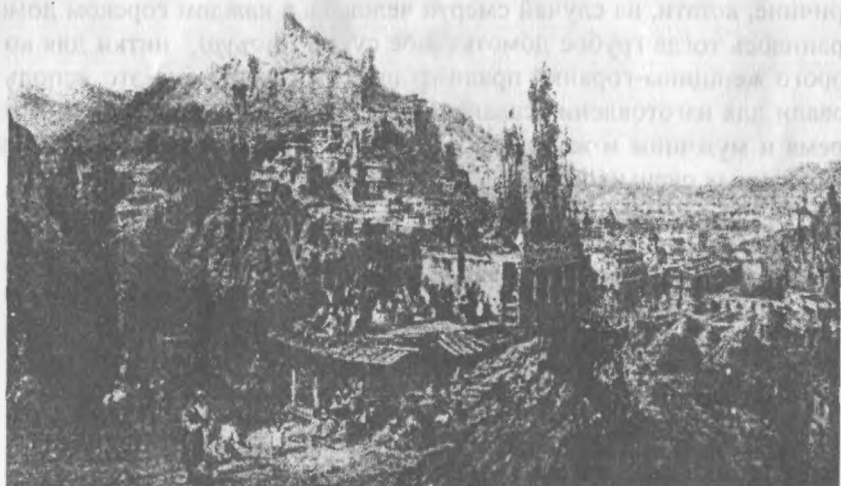
Князь Чавчавадзе, по прибытию в Ботлих, принялся назначать *наибов* на территории Андийского округа.^а При этом, однако, прежде чем назначить кого-либо куда-либо *наибом*, Чавчавадзе разузнавал по селениям: кто именно является тут богатым человеком и только затем назначал одного из богатеев *наибом*. Вот в это-то время, при названных обстоятельствах и был назначен на должность *найма* Хаджияв Каратинский.³⁹

^а В тексте: в Анди и Округе (УзурукI).

В то время, когда в Андийском округе начальником был князь Чавчавадзе, до наших горцев не доходила [хлопчатобумажная и льняная] ткань, из которой можно было бы шить одежду. По этой причине, кстати, на случай смерти человека в каждом горском доме хранилось тогда грубое домотканное сукно (*сугьур*), нитки для которого женщины-горянки пряли из шерсти сами. Сукно-это использовали для изготовления саванов. Одежда же, которую носили в то время и мужчины и женщины наших мест, была изготовленной из выделанных овечьих шкур.⁴⁰

Командующий-сардал
(Великий князь Михаил Николаевич – наместник Кавказа)

Тифлис в XIX в.

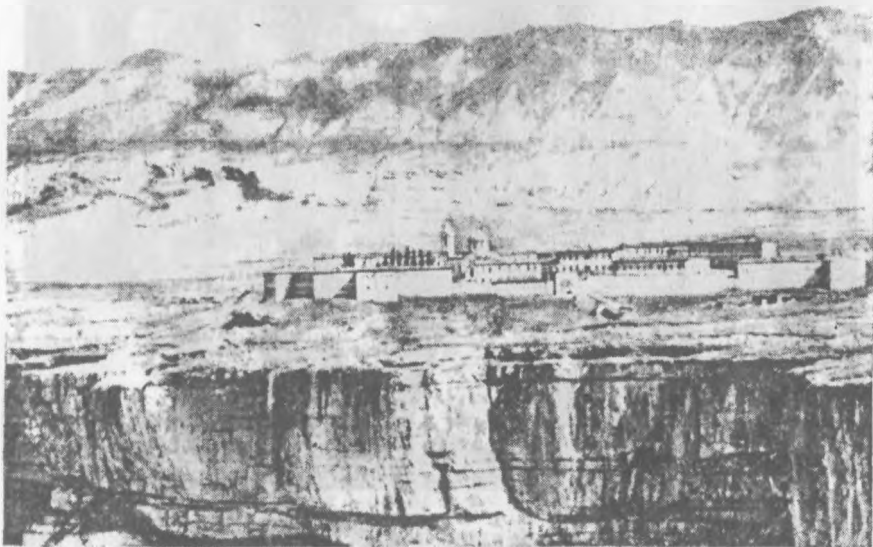
Однажды шесть человек из числа наших сильдинцев отправились в Закавказье с намерением продать там домотканное грубое сукно, ибо был слух, что в Закавказье за такое сукно можно получить хорошую цену. Итак, они двинулись тогда в Телави (*Тилавур*) с мыслью, что если продать там грубое домотканное сукно и купить на полученное с этого [машинную] ткань, то ткани этой будет у них много. Продав, в конце концов, свое сукно, которое было на руках, эти сильдинцы отправились затем назад в горы, но по пути туда они увидели на берегу Алазани дохлого буйвола, застрявшего в речном иле. Кинувшись [из бедности] на эту дохлятину, названные сильдинцы, а было их, как уже говорилось, шесть человек, принялись сдирать шкуру с тех частей буйволиного трупa, которые не ушли в ил, и делать из нее подошвы. Сделали они там для себя кто по две пары, кто по три, и с этой добычей заявили затем в Сильди.

Хаджияв-наиб, сын Газиява Каратинского

Вышеназванный Хаджияв Каратинский был в то время наибом со ставкой в Гаквари. Так как в селениях [уже] бывали тогда сплетники-доносчики, кто-то из них сообщил наибу Хаджияву, что из числа жителей Сильди такой-то и такой-то [по-воровски] зарезали в Закавказье чужого буйвола. Они-де привезли домой мясо этого буйвола и подошвы на обувь, сделанные из его шкуры. Хаджияв же, по получении данной информации, вызвал к себе в Гаквари тех шестерых сильдинцев, что ходили в Телави продавать сукно, и взыскал с них по двадцать пять рублей в качестве штрафа (*иштрап*). А в то время, между прочим, за двадцать пять рублей можно было

[приобрести]^а целых две кобылы!⁴⁴ Так этого мало показалось наибу Хаджияву. Он ещё и засадил этих сильдинцев в тюрьму, которая находилась в Ботлихе: то ли на два, то ли на три месяца. По прошествии же названного времени, действуя по приказу князя Чавчавадзе, Хаджияв отправил их – арестованных тогда сильдинцев, – в Хунзах, где просидели они целых шесть месяцев, причём без проведения какого-либо суда (*диван-суд*) над ними.⁴²

Хунзахская крепость русских (XIX в.)

В конце концов, окружной начальник, сидевший в Хунзахе,⁴³ послал письмо князю Чавчавадзе, в котором говорилось: «Что мне делать с этими арестованными сильдинцами? Время, когда можно было бы организовывать суд над ними, уже ведь прошло». В ответ Чавчавадзе прислал на его имя, следующее письмо: «Дай вкусить яд этим сильдинцам, но такой, который убивает человека по прошествии небольшого промежутка времени, а затем отпусти их домой».

^а Лакуна в тексте.

Н.З. Чавчавадзе

Итак, сильдинцы, побывавшие ранее в Телави, двинулись теперь из Хунзаха к себе домой. Уже, однако, по прибытии их в селение Харахи,^а умер первый из них. Затем, по прибытии в Глох, умер второй, а по прибытии в Ботлих – третий.

^а В тексте: *Гьаракли*: чит. *Харахы*.

Ботлихский старшина (*бегавул*) обратился тут к князю Чавчавадзе с такими словами: «Как это, интересно, так получается: из тех сильдинцев-арестантов, что посланы были через наше селение в Хунзах, двое почему-то умерли, а вчера вечером еще один умер, но уже здесь?» Князь Чавчавадзе ответил тут старшине: «А те трое, что пока живы, тоже умрут. Они не дойдут до своего дома». И действительно, трое сильдинцев, остававшихся было в живых, также умерли вскоре, не дойдя до дому.

Благодаря тому, что князь Чавчавадзе проговорился, сказав: «И эти трое сильдинцев также умрут, не дойдя до дому», – люди наши узнали, что отравление их организовал именно он. Среди же тех отравленных тогда сильдинцев оказались: Курамухаммад (*Къурамухаммад*) – дядя по линии отца упомянутого выше Деньга-Мухаммада, одного из знаменосцев в войске имама Шамиля, и Джама-лудин – двоюродный брат Сагит-Мухаммада, бывшего ункратлинского наиба. Были в числе отравленных князем, естественно, братья, а также прочие родственники, и других сильдинцев.

Узнав о происшедшем, Деньга-Мухаммад собрал вместе с Сагит-Мухаммадом доверенных лиц из числа сильдинцев, и сказал им: «Насколько я знаю, ещё никто до сих пор не слышал о чем-либо постыдном, исходившем от кого-либо из сильдинцев; с другой стороны – причиной смерти шести известных вам наших земляков является, в конечном итоге, Хаджияв Каратинский, а поэтому, если его не убить, мы ещё услышим, как станут нас стыдить окружающие».⁴⁴

Была здесь, однако, кроме отравления сильдинцев, и ещё одна сторона – когда Хаджиява Каратинского, который был богатым скотовладельцем, назначили наибом, скот его был переведен на сильдинскую гору Игадах. Он стал-де кормиться на названной горе, причем Хаджияв построил там помещение для своих пастухов, а эти его пастухи стали не допускать скот сильдинцев кормиться с названной горы, пугая их словами: «Вы что, не знаете, что это скот наиба?» Далее, этот Хаджияв построил себе хутор в принадлежащей сильдинцам местности Беда-рохо (*Беда-рохьо*), посчитав последнюю удобной для зимнего выпаса своего скота. На названный хутор, расположенный в Беда-рохо, Хаджияв-наиб стал гонять на бесплатную работу всех совершеннолетних [сильдинцев], для чего была установлена им даже специальная очередь; и поныне названная

здесь сильдинская местность, где стоял когда-то хутор наиба Хаджиява, именуется «Хаджиясул чвадих» (*Хаджиясул чвадихъ*), что означает «Близ развалин, принадлежавших Хаджияву». Или вот ещё один факт – рядом с названной местностью находится принадлежавшая метрадинцам местность под названием «Талих хечеб бакда» (*Талих хечеб бакъда*). Гак вот, наиб Хаджияв установил там в своё время такие же порядки, что и описанные выше. За все это-де и возненавидели сильдинцы каратинского Хаджияв-наиба.⁴⁵

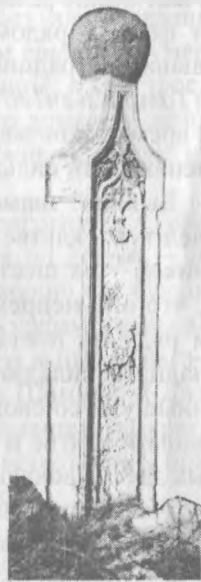
Бывший знаменосец [шариатского] войска Деньга-Мухаммад привел тут к клятве двенадцать человек из числа ближайших родственников⁴⁶ тех шестерых сильдинцев, что были изведены ядом, – на том, что они непременно убьют наиба Хаджиява, причем первым в этом ряду он поставил себя. В случае же нарушения клятвы, эти двенадцать сильдинцев брали на себя обязательство расторгнуть брачные узы со своими женами.⁴⁷ Следует при этом отметить, что о названной клятве и сути ее не знал в то время никто, кроме упомянутых здесь двенадцати сильдинцев. Эта была тайна!

По прошествии, после всего того, небольшого промежутка времени наиб Хаджияв выехал как-то в Хваршины, имея тут целью объезд [управляемых] селений. Узнав об этом, двенадцать сильдинцев, принеших тайную клятву убить Хаджиява, двинулись вслед за ним по направлению к упомянутому селению – в сторону Хваршины. Так же, как и сильдинцы, поступили тогда метрадинцы и хушетцы (*хушат*) – они прибыли в Хваршины и сделали это по той причине, что каратинский Хаджияв-наиб и в Метрада, и в селении Хушет совершил насилия и подлые делишки, подобные тем, что творил он по отношению к сильдинцам.⁴⁸

Рано поутру Деньга-Мухаммад, прибывший в Хваршины, отдал приказ своим сообщникам: «Окружайте дом, в котором находится наиб Хаджияв», – и те [сильдинцы, метрадинцы и хушетцы] окружили его. В доме же том находилось тогда четыре человека – сам наиб Хаджияв Каратинский, два его нукера и писарь (*писар*) по имени Дибир – сын Исы (*Исал Дибир//Г Исал...*) из селения Саситль.⁴⁹ Как только рассвело, эти четверо узнали, что они окружены. Первым делом они заперли тут дверь изнутри.

Хаджияв Каратинский, находясь внутри дома, в окружении [сильдинцев, метрадинцев и хушетцев], говорил-де своим нукерам и писарю, которые были там вместе с ним: «Вы давайте-ка выходите

наружу, а я останусь внутри этого дома. Здесь хватит и меня». Нукеры же и писарь ответили ему: «Никуда мы не пойдём. Умрём там, где суждено умереть тебе».

**Наиб Ункратля Хаджияв
Каратинский и его надгробье**

В связи с тем, что Хаджияв и его люди отказались выходить наружу, в двери, гда до того была лишь дырка для ключа, просверлено было отверстие, через которое Деньга-Мухаммад, подошедший к двери, заглянул внутрь дома. Вычислив, благодаря этому отверстию, местонахождение наиба Хаджиява, он – бывший знаменосец [шариатского] войска – приложил пистолет к дырке для ключа и выстрелил. Пистолетная пуля попала тут в большой палец на руке Хаджиява, после чего наружу выскочили оба нукера и писарь Дибир Саситлинский с криком: «Это кто там выстрелил в наиба?» Что же касается Хаджиява, то он успел тогда снова запереть дверь дома и сделал это прежде, чем те трое оказались на улице. Тут Деньга-Мухаммад закричал: «Жарьте эту лису прямо там, внутри», – после чего дом и находившийся под ним сарай были заперты снаружи, а затем – разожжен огонь.

В разгар пожара, когда огонь и дым стали особенно сильными, Хаджияв выскочил незаметно через окно наружу и, побежав в ту сторону, где бы его не смогли увидеть люди, заскочил, в конце концов, в один из сараев. И надо же, внутри него он наткнулся на одного совсем молодого человека, который «опорожнялся», поставив рядом с собой ружье. Заметив этого человека, Хаджияв направил на него свой пистолет, в надежде, что тот, по молодости своей, сразу выйдет из сарая. Юноша этот, однако, схватил резким движением ружье, которое стояло рядом, поднял его и, выстрелив в грудь наибу Хаджияву, убил его прямо на месте. Этим юношей, а скорее даже мальчиком, был-де сильдинец Шарип, сын Хадиса.⁵⁰

Бывший знаменосец Деньга-Мухаммад, бывший ункратлинский наиб Сагит-Мухаммад, а также их близкие люди и члены семей, домой к себе после тех событий не вернулись. Они говорили: «Отныне князь Чавчавадзе обязательно будет прилагать старания к тому, чтобы перебить нас. Поэтому мы пойдем сейчас в Тушетию (*Туш*), где есть у нас доверенные люди-кунаки (*гьобол*), которые непременно помогут нам».⁵¹ Итак, названные сильдинцы, порешив идти в Тушетию, выступили из родных мест и превратились, таким образом, в беглецов-разбойников.

А что же сделал после всего этого князь Чавчавадзе, которому было и так тяжело переносить то, что много представителей его народа погибло в водах Алазани из-за действий Шамиля, и еще то, что сильдинцы перебили на горе Игадах отряд тушинцев? Он, будучи тут охвачен ненавистью, подал соответствующее прошение на имя царя и на основании его получил возможность набрать из Москвы солдат с тем, чтобы захватить Ункратль.

По этому прошению князя Чавчавадзе пришло в Ункратль самое меньшее пятнадцать тысяч солдат, а сверх того – подошли вместе с ними все [служилые] мужи Андийского Округа.^{a52} И вот эта масса принялась жечь селения Ункратля, изгоняя предварительно ункратлинцев из селений – будь-то мужчин или женщин, малышей или стариков. Скот изгоняемых они резали, причем уничтожали его тогда более чем жестоко. Особенно же сильные насилия применялись ими по отношению к сильдинцам.

^a В тексте: «Анди и Округа».

Максуд Алиханов
(участник подавления Ункратлинского восстания)

В Сильди жил тогда царский (*никIалайш*) офицер (*атисар*) по имени Ахмадхан. Так вот, не считая этого Ахмадхана и пятнадцати домов из числа его родственников, все остальные сильдинцы были изгнаны тут из своего селения.⁵³ Точно так же поступили с метрадинцами, хваршининцами и жителями Хушета – ни один человек из числа их не был оставлен дома.

Эти ункратлинцы, изгнанные из своих обителей – одни из них, волоча на спине еще ходить не могущих своих малых детей, другие таща за собой детей, которые уже ходят, – в конце концов прибыли в Ботлих. Что же касается их скота, того, что не был поре-

зан и съеден у них на глазах, то его увели в качестве добычи жители Андийского округа, которые участвовали в походе на Ункратль.⁵⁴

Дагестанцы на российской службе («милиция»)

Ункратлинцев, прибывших в Ботлих, увидел наиб Араш (Глараш) Андийский,⁵⁵ который сказал тут князю Чавчавадзе: «Князь! Согласен, каратинского Хаджиява вероятно убили ункратлинцы, но в чем же вина конкретно этих людей! Почему их всех выселяют (висяют) из родных мест?» Князь Чавчавадзе ответил на это так: «Когда же, интересно, численность этих людей, [обреченных на верную смерть] сравняется с числом моих земляков, которых унесли когда-то воды Алазани?» Тут Араш сказал [про себя]: «Ах ты, цинандальский (цинандарисев)⁵⁶ ишак! Так вот почему ты уничтожаешь этих бедняг, поступая тут словно лиса, в зубы которой попал зайчонок!»

Всех тех ункратлинцев, которые были приведены тогда в Ботлих, доставили затем в Ставропольскую губернию (*убласт*), и причем пешим ходом, без каких-либо повозок и машин. Назад же, в родные места, не вернулся из числа их практически никто, разве что десять человек из ста ушедших.⁵⁷

Князь Чавчавадзе тем временем издал быстренько приказ (*пирказ*) касательно Деньга-Мухаммада и его товарищей, адресованный тушинцам. Содержание этого приказа было следующее: «От нас бежали люди, убившие наиба. Если удастся задержать их на тушинской земле, то, схватив, доставьте ко мне. Если же, после захвата, вы будете не в состоянии доставить их ко мне, то убейте».

Тут, выйдя в поисках Деньга-Мухаммада и его товарищей, по тревоге, объявленной [властями], жители тушинского селения Шенако (*шанагусел*) двинулись и дошли до самой горы Дагалда. Искали они их ещё и на той стороне Черойской (*Жиру*) реки. Наконец, эти тушинцы наткнулись на сильдинских беглецов, причем в таком месте, что сильдинцы, стоявшие внизу, не могли видеть их – тушинцев, а те их видели сверху.

Сидя там, тушинцы-шенакоевцы подумали и пришли к одному разумному выводу. Был же он таков: «Если сильдинцы узнают, что мы пришли для того, чтобы схватить их, то они будут оттуда, снизу, вредить нам. Поэтому давайте-ка мы подошлем к ним сначала кунаков, тех, у которых эти сильдинцы останавливались, когда приходили к нам в Тушетию для заключения мирного договора. Пусть сильдинцы думают, что эти кунаки пришли для оказания помощи им, и пусть те возьмут затем у сильдинцев их оружие. А вот уж как возьмут они у сильдинцев их оружие, то мы тут им покажем, что делают в такой ситуации».

Итак, шенакоевские тушинцы отправили тут к Деньга-Мухаммаду его кунака, с которым приходилось тому сживать ранее у камина, а также ещё двух человек, которых знал этот Деньга-Мухаммад и которые, в свою очередь, знали его. Когда же названные лица, покружив, подошли втроем другой дорогой к сильдинцам, находившимся внизу, то Деньга-Мухаммад и его люди сильно обрадовались, ибо подумали, что те пришли к ним с добром. А эти трое сказали тут сильдинцам: «Вам больше ни о чем беспокоиться не надо. Мы возьмем сейчас [самое тяжелое –] ваше оружие, а вы берите-

ка свой скарб и ведите за собой своих домочадцев. К вечеру мы с вами, без особого труда, доберемся до горы Дагалда». И тут, надо же, эти сильдинцы – и Деньга-Мухаммад, и Сагит-Мухаммад, – взяли и передали в распоряжение подошедших к ним тушинцев свое оружие.⁵⁹

Стоило, однако, этим сильдинцам только лишь подняться и сделать несколько шагов, как из лесу выскочили тушинцы-шанаковцы и, не взирая ни на что, начали бойню. Они-то и убили тогда бывшего знаменосца Деньга-Мухаммада, бывшего ункатлинского наиба Сагид-Мухаммада и всех мужчин, которые были там вместе с ним. В своем ожесточении эти шанаковцы, избивая безоружных, дошли до того, что один из них нанес саблей глубокую рану даже женщине-матери, которая с криком: «Не убивай моего мальчика!», – прикрыла телом своего трех-четырёхлетнего малыша.

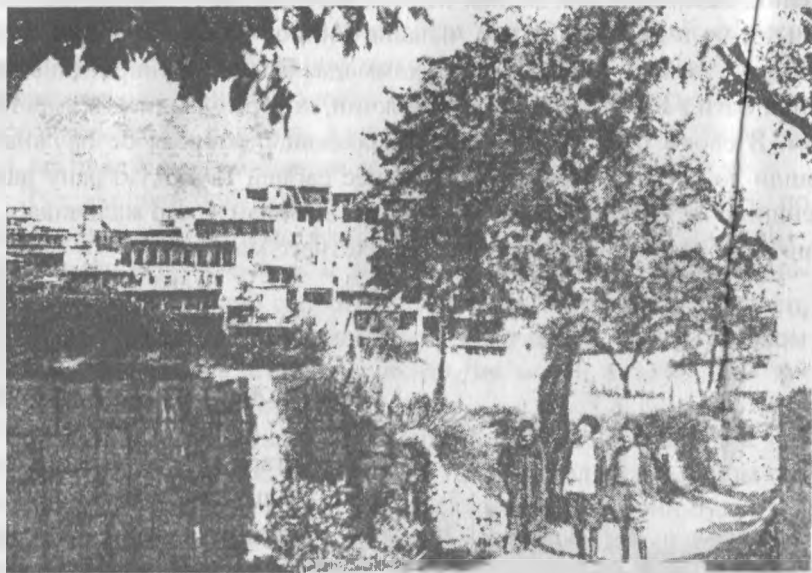
Всего в том месте тушинцы убили тогда пятерых (?)^a сильдинцев мужского пола, невзирая – малыш был то или старик. При этом тушинцы, словно бы не ограничиваясь совершённым убийством, еще и поотрубали всем им головы, а после того отрезали вдобавок руки у Деньга-Мухаммада и Сагид-Мухаммада,⁶⁰ и, связав руки женщинам-сильдинкам, заставили их тащить отрубленные головы назад [в Дагестан], причем не позволяя та-

«Солдаты»

^a Возможно, что текст здесь поврежден, к примеру, Амирхамзой, уставшим от переписки.

щить на спине. В результате женщины-сильдинки вынуждены были перекинуть свои платки вперед, спустив их при этом ниже груди, завязать отрубленные головы в косынки и двигаться в сторону Ботлиха. Вот в таком-то виде их и привели тогда в Ботлих и поставили перед князем Чавчавадзе.

Селение Ботлих

Чавчавадзе же, первым делом, крепко поблагодарил тут этих тушинцев за содеянное ими, дал каждому по десять рублей серебром и затем отправил их по домам. После этого князь Чавчавадзе занялся подготовкой людей, которые должны были бы доставить этих сильдинок в Ставрополь, но тут вмешались члены ботлихской общины, да и многие другие люди, которые испытывали чувство глубокой жалости к ним. Они-то и попросили князя, чтобы не отправлял он их туда, в Ставрополье, а послал бы их в какое-либо другое место. «Приняв» их просьбу, князь Чавчавадзе отправил тогда этих сильдинок в селение Гаквари, где они провели то ли пять, то ли шесть лет. Лишь после того смогли они, наконец, вернуться в родное Сильди.

II. Исхак Урминский-Али Салтинский
История шариатского восстания в Чечне и
Дагестане, и Имамата 1877 года

Перевод текста

[1. Алибек-хаджи и события в Чечне и Гумбете]

Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Хвала – Аллаху, Господу миров! Да будет для богобоязненных конец всех дел хорошим. Враждебность же пусть будет направленной только против насильников. Да благословит всевышний Аллах и да приветствует господина нашего – [лучшего]^a из посланцев Божьих, а также род его и последователей его, всех вместе!

А далее.

Это – описание только малого количества из тех событий, что произошли в различных округах горной страны (*Дагъистан*)¹. Составил же я его в качестве памятки для моих братьев по религии, как удивительный пример [мужества], о подобном которому в прежние времена никто и никогда не слышал.

Итак, когда началась война между *хункаром*² Абдулмаджидом³, с одной стороны, и падишахом⁴ русских⁵, с другой, когда уже произошло между ними несколько великих сражений, из Дагестанской области (*вилаят*)⁶ выступило, волей-неволей, большое количество милиционеров (*милици*) и других людей, которые двинулись затем в составе русского войска в сторону Карской (*Хъарс*) области, чтобы сражаться там с армией (*аскар*) хункара⁷. В том же [1877] году возвратился из священной Мекки⁸ чеченец Алибек-хаджи Зандакский (*Зандакъ*)⁹, находившийся ранее там, причём он знал уже, что между двумя названными падишахами начались битвы¹⁰.

В горную страну этот чеченец Алибек-хаджи заявился с намерением посеять в ней смуту-*фитна*. Поэтому-то, оказавшись в своей области, он вскоре устроил совет с лучшими из мужей, на котором сообщил им о начале войны между падишахом ислама и падишахом русских.¹¹ Алибек-хаджи сказал тут этим мужам: «С моей точки зрения для нас было бы хорошо, если бы оказался нарушенным до-

^a Пропуск-лакуна в тексте.

говор (ахд), заключённый с неверными,¹² и сделать это следует прежде, чем придут сюда [сакральная] сила *имама-хункара*¹³ и его армия».

Хункар (султан Абдулхамид II)

Жители той области согласились с наставлениями хаджи Алибека и приняли его советы. После этого они заключили соответствующий тут договор и присягнули ему.¹⁴ И вот результат: в месяце джумада ал-ахира тысяча двести девяносто четвёртого (1877) года,¹⁵

в начале весны, этот хаджи Алибек, встрепенувшись, зашевелился, чтобы показать, что возвращается эпоха *шариата*.¹⁶ Вокруг Алибека собралось при этом некоторое количество различных мужей, имевших целью оказание ему помощи в деле установления шариата.¹⁷

Первым делом хаджи Алибек убил старшину (*раис*) своего селения который, между прочим, был одним из его родственников. Затем хаджи Алибек и те, кто были тогда вместе с ним, захватили из [окрестностей] крепости Хасав-Юрт (*Хасай-юрт*) табун лошадей в качестве добычи¹⁸. Большинство чеченцев подчинились тут хаджи Алибеку¹⁹ и вступили они в большие сражения, которые стали происходить во многих местах.

Люди, которым можно верить, рассказали мне, что хаджи Алибек Зандакский обладал даром ясновидения, полученным от Аллаха. Одним из свидетельств и доказательств этого дарования является следующее:

Князь Накашидзе (*Накачиз*)²⁰ – глава русских, являвшийся правителем территории Авара и Анди (*Гландал*),²¹ пребывавший тогда в крепости Ботлих,²² отправил тайком к хаджи Алибеку некоего мужчину [родом] из Гумбетовского (*Гунбет*) участка,²³ и причём под видом беглеца, стремящегося к переселению-хиджре, да ещё так, что люди могли бы вообразить, что человек этот относится к числу любящих шариат. Последнее должно было бы позволить этому посланцу князя обмануть коварным образом хаджи Алибека и «подло» убить его, а затем – убежать оттуда к нему.²⁴ Посланцу этому названный здесь *начаник (начаник I)*,²⁵ князь Накашидзе, написал при этом документ, скреплённый своей печатью, в котором говорилось, что если он убьёт хаджи Алибека Зандакского и затем возвратится к нему, – князю Накашидзе, – то он, князь, даст ему за это знак, носимый великими людьми, который именуют офицерским чином (*атисар-чин*), а также запишет за ним доход (*харадж*), который будет поступать ему в таком-то количестве. Документ этот князь Накашадзе передал тогда же в руки определённого им для отправки человека, а тот положил его на хранение в карман своего халата (*джубба*).

Алибек-хаджи

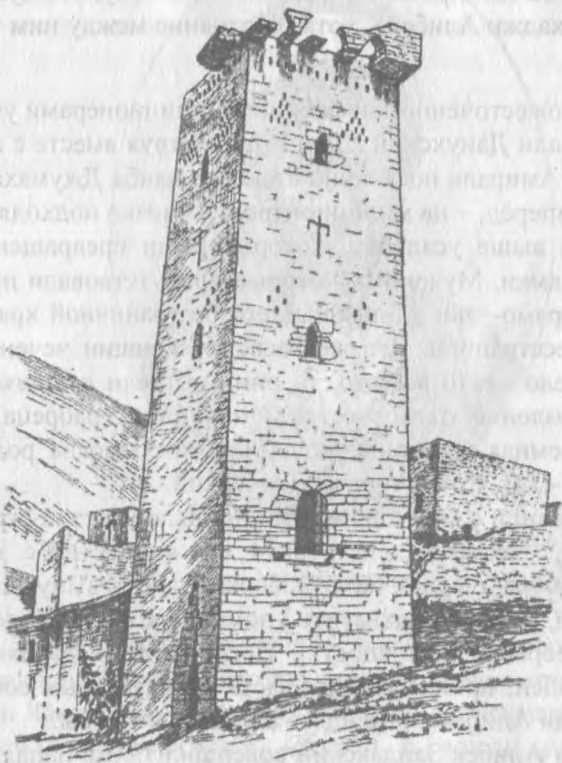
И вот после всего того, мужчина, направленный к хаджи Алибеку, заявился к последнему, демонстрируя свою великую радость тем людям, которые находились рядом.^а Что же касается хаджи Алибека, то он прямо сказал тут этому мужчине: «Ты зачем пришёл сюда? Что дал тебе русский глава для моего убийства? А ну-ка выкладывай, что там у тебя на сердце. Вытащи-ка документ, который лежит в кармане твоего халата!»

Люди, которые находились тогда около хаджи Алибека, удивились этим его словам. Названный же мужчина, присланный, как уже говорилось, князем Накашидзе, от сильного страха прямо-таки

^а Можно иначе: *продемонстрировали тут великую радость люди, которые находились рядом с Алибеком.*

затрепыхался и затем предъявил хаджи Алибеку упомянутый документ, после чего он был тот час же убит.

Чеченец хаджи Алибек убил также и тех, кого названный выше начальник подослал к нему из Чеберлоя (*Тлад-Бурти*)²⁶. Дело в том, что он, князь Накашидзе, подсылал к нему как-то двух мужчин [родом] из Чеберлоя для совершения подлого обмана и коварных действий. Хаджи Алибек постиг, однако, их замысел, охватил умом своим их коварство и затем убил одного из них. Второму же мужчине удалось тогда спастись бегством. Поистине, злобное коварство поражает ведь нередко самих коварных людей! И сколько же подобных событий произошло в жизни этого Алибека!

Башня в Чеберлое

Было в жизни хаджи Алибека и следующее, к примеру, событие, о котором рассказал нам человек, находившийся при нём во время сражений, происходивших в селениях Чечни (*Чачан*).²⁷ Так вот: хаджи Алибек, выйдя вперёд, встал как-то раз прямо перед войском неверных, состоявшим, однако, из милиционеров, которые выступили против него. Действовали же они тогда совместно с наибом Чеченского округа, которого звали Джумах (*Жумахъ*) Чеченский,²⁸ находясь в одном из селений Чечни. Так вот: засев в усадьбах селения, милиционеры эти вели стрельбу из ружей по хаджи Алибеку, стоявшему тут прямо перед ними, но ни одна пуля так и не поразила Алибека, кому бы из них она не принадлежала. Что же касается милиционеров, то они прямо-таки удивлялись тому, что пули их никак не касались хаджи Алибека, хотя расстояние между ним и ими было близким!²⁹

В том ожесточённом сражении с милиционерами участвовал и хаджи Амиралли Данухский (*Данухъ*), действуя вместе с хаджи Алибеком. Этот Амиралли постоянно атаковал наиба Джумаха и его войско, рвался вперёд, – на милиционеров, – близко подходя при этом к упомянутым выше усадьбам, которые были превращены в самые настоящие замки. Мужчины, которые присутствовали при том сражении, ну прямо-таки удивлялись его безграничной храбрости, его великому бесстрашию. Что же касается женщин чеченского селения, где имело место всё это, то они смотрели и, приходя в сильнейшее изумление от мужества названного храбреца, говорили: «Неужели земная женщина, подобная нам, смогла родить такого мужчину!», – как этот Амиралли Данухский.

В сражении с милиционерами приняла участие огромная масса чеченцев,³⁰ которые действовали там совместно с хаджи Алибеком. Несмотря, однако, на это, хаджи Алибек вынужден был вернуться назад, не сумев захватить упомянутое селение, которое наиб Джумах превратил [в крепость]. После этого подавляющее большинство людей, принимавших участие в названных событиях, покинуло хаджи Алибека, разойдясь в разные стороны.³¹

Хаджи Алибек Зандакский совершил также нападение на два города, один из *которых – Гехи, а другой – Мартан.³² Ему удалось

^a Не исключён и такой перевод: *которых находился при Гехи, а другой при Мартане.*

тогда дойти вплоть до крепости русских, расположенной в Гехи, именуемой «Крепость Хакку (*ХIакIу*)», причём вместе с огромной массой чеченцев. Жители двух названных городов выказали было тут повиновение хаджи Алибеку, но взять «Крепость Хакку» он всё-таки не смог, после чего повернул назад. Именно после того и разошлись воины его в разные стороны.

В те дни, когда происходило названное сражение, заключили соглашение с хаджи Алибеком хаджи Умма (*ГIумма*) Чеченский и его сыновья.³³ При этом следует отметить, что один из сыновей хаджи Уммы был тогда русским офицером.³⁴

Умма-хаджи

Когда хаджи Умма заключил соглашение с хабрецом хаджи Алибеком, заволновались те, кто находились тогда в крепостях Дарго (*Даргъи*) и Хакку, той, что в Гехи. Были же это главари русских, а также мусульмане-развратники (*фасик*) и вожди «лицемеров»-мунафигов,³⁵ которые находились там вместе с ними. Дело в том, что они здорово испугались того положения дел, которое создалось

через факт существования Алибека. Главари эти и те, кто сидели тогда вместе с ними в названных крепостях, попросили тут помощи у старшего из них – у лица, распорядившегося в крепости Владикавказ (*Бурав*), у того, кого люди именовали губернатором (*губурнатIур*).³⁶ Последний, однако, оказался сам сильно напуганным, причём до такой степени, что, можно сказать, находился он в страшном волнении. Затем, однако, этот генерал (*енерал*) всё же выступил из [Владикавказа] вместе со своим войском, продвинулся вперёд и, в конце концов, остановился в крепости Дарго.³⁷

В то время, когда в Чеченской области происходили упомянутые сражения и имели место смуты, генерал Меликов³⁸ отправил из крепости Темир-Хан-Шура военный отряд, составленный из солдат (*салдат*), для оказания помощи³⁹ упомянутому выше генералу. Вместе с ним Меликов отправил ещё и наибов, поставленных [русскими], причём с их отрядами – конницей и пехотой. Были же это такие лица, как Мухаммад Дженгутайский,⁴⁰ Мухаммад Гоцинский (*ХГоцо*),⁴¹ Парзулав Чиркеевский⁴² и Дибир Хунзахский (*Авари*) – сын Инквачилава (*Инквачиласул*).⁴³ Наибам этим Меликов приказал тут ни в коем случае не покидать отряд, состоящий из солдат, до тех пор, пока не придут дела в надлежащий порядок.

Темир-Хан-Шура в XIX в.

В том же месяце, показывая свою приверженность к шариату, нарушили договор с неверными жители следующих гумбетовских селений – Дануха, Артлуха (*ГПаркьухъ*) и Сиуха (*Сивухъ*). Это же

выказали тогда перед всеми жители города Буртуная (Буртина) и Алмаха (Алмахь).⁴⁴ По этой-то причине, кстати, войско неверных и вынуждено было пройти выше мест обитания жителей названных населённых пунктов.^a

В конце концов, произошло великое сражение и имело это место в селении Данух. Данухцы не смогли, однако, противостоять тут неверным, их помощникам из числа мусульман, которые находились тогда вместе с ними, и дагестанской знати. Произошло же это из-за многочисленности их.⁴⁵

Наиб Парзулав Чиркеевский – сын Даци

Итак, данухцы, сражаясь на своей территории, были побеждены и с потерями отступили. Затем, однако, эти данухские мужчины, а также их женщины и дети, были взяты в плен. Неверные же и те мусульмане, которые находились вместе с ними, разграбили тут имущество данухцев и разрушили селения – их [и других гумбетовцев], после чего отправили их в крепость Шура.⁴⁶ О, какое же вели-

^a Не исключён перевод: *войско неверных пошло на буртунайцев и алмахцев.*

кое горе поразило этих мусульман, которые вознамерились было возвысить Слово господ мира! Они оказались теперь в таком положении, что даже противники стали жалеть их и оплакивать. Не взирая, однако, на всё это мусульмане Гумбета уповали на всемогущего Аллаха. Они поэтому молили своего всеодаряющего Господа лишь о даровании им прелестей райских куш. Помощи просят ведь только у Аллаха и на Него опираются!

2. Глава о событиях, произошедших в Цунте

Примерно через неделю после названных выше событий проявили свою приверженность к шариату жители Цунтинского (Цунтла) участка,⁴⁷ которые собрались по приказу своего главаря Кара-хаджиява (Гъара-хаджияв) Цунтинского-Асахского (Гласа-хъали). Кара-хаджияв же – это человек, который находился ранее на османской (злусманлу) территории в качестве мухаджира, а затем вернулся оттуда к себе в Цунту, и имело это место после начала войны между падишахом ислама, с одной стороны, и падишахом русских – с другой. Целью прибытия этого Кара-хаджиява в Цунту была организация там смуты, той, которая произошла позднее.⁴⁸

Наиб Дибир Геничутлинский – сын Инквачилава

Кара-хаджияв Цунтинский-Асахский и жители его участка, показывая таким образом любовь свою к шариату, совершили тут поход с целью захвата овец тушинцев, что [пришли -?] из Грузинской (*Гурчи*) области. Вначале люди Кара-хаджиява захватили у тушинцев в качестве добычи большое количество овец – столько, что их с трудом можно было сосчитать.⁴⁹ Этим своим деянием, совершённым с помощью всемогущего и всемилостивого Аллаха, цунтинцы были сильно обрадованы, и вот в такой-то момент выступили против них русские, причём вместе со своими помощниками-милиционерами, этими людишками, которых именуют почему-то мусульманами. Были же тогда в числе последних – да не поможет им всевышний Аллах! – жители как гор, так и равнин.⁵⁰

Наибом Цунтинского участка был в то время учёный Дибир Хунзахский – сын Инквачилава.⁵¹ Когда поднялись в Цунте люди Кара-хаджиява, этот Дибир бежал от них и укрылся в каком-то селении, будучи не в силах удержать их от проявления любви к шариату. Люди же Кара-хаджиява, со своей стороны, оказались тогда не в силах взять Дибира в плен.

Когда к Цунтинскому участку приблизились, однако, войска неверных, жители его заключили с ними мирный договор. Цунтинцы пришли тут к этим неверным и попросили у них пощады,⁵² и лишь жители селения Асах (*Гласахъалиб*) не стали делать этого. Напротив, асахцы подготовились к сражению, сделав со своими усадьбами то, что нужно в таких случаях.

Неверные и их помощники-мусульмане атаковали тут этих асахцев.⁵³ В результате произошло сильное сражение, в ходе которого жители Асаха перебили большое количество русских, грузин и мусульман, которые в качестве помощников этих неверных находились там вместе с ними. Позднее, однако, когда асахцы потеряли, в конце концов, надежду на возможность успешного противостояния названным неверным и их помощникам-мусульманам, оттуда убежало большое количество мужчин. Среди последних, тех, кто убежал тогда из Асаха, и, таким образом, спас свою жизнь был и главарь асахцев – вышеупомянутый Кара-хаджияв.

Часть асахцев, однако, осталась в своём селении и после этого. Они вместе со своими жёнами и детьми сконцентрировались в одном из домов Асаха и начали оттуда страшным образом сражаться с врагом. Бок-о-бок с асахскими мужчинами воевали там и

их жёны. Когда же мужчины, в конце концов, всё же обессилели и в результате смелость их уменьшилась, женщины эти взошли на крышу дома и, расположившись там, принялись кружить и восхвалять Аллаха, произнося формулу единобожия – *ля иляха илла ллах*, желая, таким образом, возбудить в самих себе любовь к смерти, которую они хотели увидеть раньше, чем увидят её их мужа.

Конец.

Есть и такой рассказ:

Расположившись на крыше дома, о котором уже говорилось выше, асахские женщины, развернувшись в сторону неверных, кричали: «стреляйте – да проклянет вас всевышний Аллах! – из своих ружей в нас!» Вот так-то и были они там все перебиты.

После того, как неверные исчерпали свои хитрости и уловки, направлявшиеся ими против асахцев, которые находились в доме, зажгли они под этим домом огонь. Тут люди, остававшиеся ещё внутри дома, вышли наружу и бросились на полки неверных. В конце концов, все они пали там мучениками за веру!⁵⁴

Рассказывают, что в одном из углов дома, где сидели ранее воины-асахцы и который был в конце концов подождён неверными, найдены были два укрытых в [одеяла] ребёнка, часть мяса на телах которых была сильно обожжена. Дети эти плакали и кричали: «Папа! Мама!» Тут, однако, взял их тайком оттуда некий тушинец и затем унёс к себе домой.

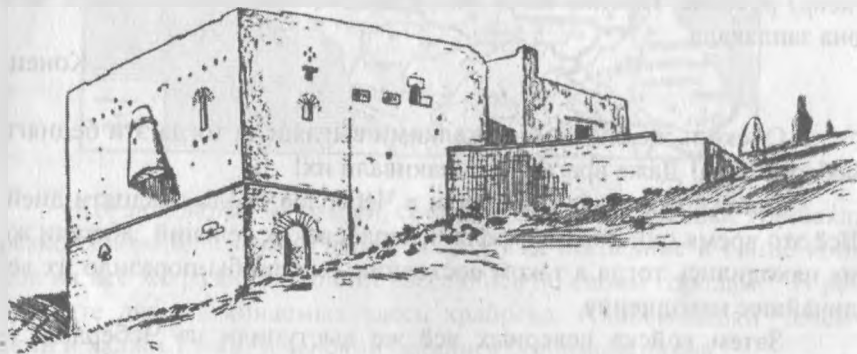
Что касается тех жителей селения Асах, которые во время боя остались за пределами упомянутого выше дома, то их – и мужчин, и женщин, и детей, – неверные объявили пленниками и отправили в крепость Темир-Хан-Шура, присвоив при этом их имущество.⁵⁵

После того неверные разрушили селение Асах и пожгли его остатки. В результате асахцы оказались в таком положении, что правоверные мусульмане лишь удивлялись ему и плакали, ибо по тягостности своей превосходило оно фактически все то, о чём рассказывают люди.

3. Глава о событиях, произошедших в Чеберлое

В месяце раджаб того же 1294/1877 года⁵⁶ вышеупомянутый хаджи Алибек Чеченский выступил против жителей Чеберлоя,⁵⁷ а

произошло это после возвращения из Цунты войска чеверных. Чеберлоевцы подчинились тут хаджи Алибеку и он, пробыв там около трёх дней, пошёл затем и встал на краю [горы], выступающей над селением Ансалта (*Ансалта*). Против хаджи Алибека выступил, однако, наиб Исмаил Ботлихский^{а58} вместе с теми людьми своего участка, которые находились под его дланью, а являлся этот Исмаил тогда наибом Технуцальского (*тлех1-нуцаллы*) участка. Итак, обе названные здесь группировки – люди хаджи Алибека Чеченского и люди наиба Исмаила Ботлихского, – вступили там в сражение, но было оно небольшим. Здесь же следует отметить, что с хаджи Алибеком мужей находилось тогда, можно сказать, мало.⁵⁹

Мечеть в Чеберлое

Затем на хаджи Алибека и его людей вознамерились двинуться русские воины, которые стояли тогда на горе андийцев,⁶⁰ а вместе с этими русскими на горе находились ещё и мусульмане, главарём которых был Мухаммад Дженгутайский. При виде этого хаджи Алибек и те *мюриды*, которые были там вместе с ним, повернув назад, ушли из Чеберлоя в свою обитель.⁶¹ В Чеберлоя же пришли теперь войска русских, которые разграбили имущество чеберлоевцев и взяли в плен чеберлоевских мужчин.

^а В тексте: *Болъухъ*.

Добавление:

Женщины одного из чеберлоевских селений были как-то раз собраны в кучку, вместе со своими детьми, на крепостной стене, стоящей в местности, расположенной поблизости от селения. Вокруг же них находились там мусульмане мужского пола – из числа тех, кто помогали неверным. И вот, когда они пребывали в таком положении, одна из чеберлоевских женщин встрепенулась. Она принялась кричать, плакать и даже проявила явное намерение вырвать кинжал у одного из тех мужчин, которые их окружали. Последние, однако, схватили её и больше уже не отпускали. Когда же эту женщину спросили затем относительно её поступка, она ответила: «Я увидела [в мыслях] моего брата: то, как брали его в плён (*ясир*) русские. Именно из-за него я так всполошилась», после чего она заплакала.

Конец!

О, сколь же слабыми и жалкими выглядели тогда эти бедняги чеберлоевцы! Даже враги тут оплакивали их!

Войска неверных простояли в Чеберлое около двадцати дней. Всё это время они портили поля чеберлоевских селений. Жители же их находились тогда в таком состоянии, словно бы поразило их величайшее наводнение.

Затем войска неверных всё же выступили из Чеберлоя *и, пройдя выше тех мест, где стоял тогда хаджи Алибек, двинулись в направлении^а крепости Дарго и далее – в Чечню. Сделали они это, однако, с твёрдым намерением: взять, в своё время, хаджи Алибека в плен, мюридов, которые находились вместе с ним, перебить, чтобы изничтожить у жителей тех мест всё живое и неживое.⁶³

Между этими неверными и мюридами, окружавшими хаджи Алибека произошло в конце концов великое сражение, но имело оно место в нескольких различных местах. В ходе него, между прочим, убитыми оказалось много добрых мужей, находившихся в составе войска неверных, в число которых попал, кстати, и Айдемир Андийский – сын Лабазана.⁶⁴ Неверные же, в свою очередь, нанесли тогда определённые повреждения некоторым селениям Чечни, после чего их армия возвратилась в крепость Дарго.

^а Можно иначе: *и двинулись на хаджи Алибека, в направлении.*

Когда положение людей, собравшихся вокруг хаджи Алибека, резко осложнилось из-за неверных,⁶⁵ когда последние в конце концов их всё же разбили, то они рассеялись по своим городам.⁶⁶ В результате два упоминаемых здесь храбреца: Алибек-хаджи Чеченский и хаджи Умма Чеченский остались без помощников.⁶⁷

Тут, однако, хаджи Алибек Чеченский и хаджи Умма Чеченский услышали, что смута началась на одном из участков Гунибского (*Гъуни*) округа, и произошло это стараниями главарей города согратлинцев (*сугъули*): Алибек-хаджи решил поэтому выступить из своей области и направиться в качестве *мухаджира* в названный город,⁶⁸ где, как уже говорилось, проживали согратлинцы.

Когда он, двигаясь, приблизился к селению Буртунай, то наткнулся на караульщиков. Поставлены они были на той дороге, что проходит вблизи Буртуная, русскими, и при том дан был им приказ убить его – хаджи Алибека, – либо взять в плен. Хаджи Алибек, однако, в ночное время прошёл между ними и, таким образом, оставил их позади себя. Дело в том, что Аллах прикрыл тут глаза тех караульщиков и они не смогли увидеть его. Таким-то вот образом хаджи Алибек и спасся от них, от их злобной силы, а они говорили потом: «Мы тогда абсолютно не спали, но увидеть хаджи Алибека так всё же и не смогли».

В направлении города согратлинцев двинулся, совершая *хиджру*, также и хаджи Умма Чеченский, причём вместе со своими людьми и членами своей семьи.⁶⁹ Поступил же он так по той причине, что подумал: уж кто-кто, а жители Согратля не отступят назад и не станут искать пощады-*аман* у неверных, до тех пор пока не изойдёт сам корень их, причём всех. Однако, как говорится, предположения наши остаются часто далеко позади действительности, а скрытое ранее раскрывается позднее совсем в ином свете. Об этом, однако, будет ещё сказано ниже подробно, при описании событий, произошедших в Согратле.

4. Глава о событиях, произошедших на Салтинском железном мосту

Когда об изложенных выше событиях, которые происходили в Чеченской области, услышали горцы, то стали они совещаться между собой по этому поводу и говорить друг с другом о желательности нарушения договора, заключённого с неверными. И вот, когда горцы эти находились в названном состоянии, прибыли к ним в качестве посланцев от Газимухаммада – сына имама Шамиля (*Шамуил*), – два человека. Через них Газимухаммад, проживавший тогда в стране османцев, направил к горцам приказ (*амр*), в котором говорил им о необходимости нарушить договор с неверными и причём ещё до прибытия к ним сил имама Абдулмаджид-хункара; об этих двух посланцах Газимухаммада будут даны соответствующие разъяснения ниже.⁷⁰

По прибытию названных посланцев Гунибский округ заволновался, население его зашевелилось. Учёные и лучшие люди стали тут совещаться о том, как бы лучше нарушить договор с неверными. В конце концов пришли они по этому вопросу к соответствующему соглашению, но при этом тщательно скрыли итоги своего тайного совета от прочих людей, ибо боялись неверных.

Учёные и лучшие люди Гунибского округа дали тогда обещание друг другу выступить против неверных первого числа месяца рамазан 1294/1877 года.⁷¹ И действительно, в оговорённое время, а именно – рано утром первого числа месяца рамазан 1274/1877 года, группа лиц, состоявшая из жителей Гергебиля (*Хьергеб*), Кикуня (*Кликлуна*), Хвартикуни (*Хвалтикуна*) и Салта (*Салтла*) выступила,

во исполнение обещания, в количестве сорока человек, для убийства солдат, обосновавшихся в крепости, что находится при железном мосте.⁷² Главарями их были Хаджали Салтинский – сын муллы (кади) Умара. – и хаджи Насиб Кикунинский.

Газимухаммад

Итак, названные сорок человек – гергебильцы, кикунинцы, хвартикунинцы и салтинцы, действовавшие под предводительством Хаджали Салтинского и Насиба Кикунинского, – двинулись, выставив при этом одного из своей среды в виде преступника, взятого под арест, руки у которого связаны сзади. Несколько лиц из числа их шли тут впереди того человека, – якобы арестанта, – а остальные

позади его. Сделано же это было для того, чтобы неверные не смогли заподозрить их в чём-либо.

Гергебиль в XIX в.

Подойдя к салтинскому⁷³ железному мосту люди эти вошли затем во внутрь крепости, которая представляла собой прочное сооружение, возведённое перед собственно мостом. Зайдя, таким образом, во внутрь названной крепости, они перебили тут всех солдат, которых нашли в ней, кроме одного. Последнему же удалось как-то спастись оттуда, и он убежал в крепость Гуниб, к начальнику крепости, которого называли *памуцник-начаник*, то есть помощник начальника Гуниба.⁷⁴ Солдат этот рассказал помощнику начальника крепости о том, что произошло с мостом, а именно – что случилось внутри его.⁷⁴

Тут этот проклятый человек – помощник начальника Гунибской крепости, – встрепенулся и заволновался от сильного гнева. Лицо его стало красным, и он выступил из крепости со своими солдатами и «прислужниками» из числа мусульман, взяв с собой при этом ещё и большие пушки. Что же касается упомянутых выше гергебильцев, кикунинцев, хвартикунинцев и салтинцев, которые засели на Железном мосту под предводительством Хаджиали Салтин-

ского и Насиба Кикунинского, то узнав, что на них идут неверные, засучили они рукава и подготовились к сражению с ними.

Салтинский железный мост (XIX в.)

Упомянутый же *памуцник*, узнав, что названные лица рукава засучили и к сражению с ним подготовились, написал тут письма наibu куядинцев (*кIуял*), а также жителям тех селений, которые расположены вокруг Железного моста. В письмах этих говорилось, чтобы они быстро прибыли к нему и затем либо задержали бы лиц, засевших на мосту, либо перебили бы их. И тут надо сказать, что жители этих селений подчинились тогда *памуцнику* и, согласно полученному приказу, прибыли к нему.

Помощник начальника Гунибской крепости приказал прибывшим к нему жителям селений, что расположены вокруг Железного моста, приступить к «охране» мостовой крепости с четырёх сторон, чтобы никто из тех гергебильцев, кикунинцев, хвартикунинцев и салтинцев, которые засели в ней, не смог бы спастись оттуда. После же того русские начали против них свою атаку и двигались вперед до тех пор, пока [с боем] не вошли было во внутрь названного моста-крепости. Всякий раз, однако, как русские вступали, в ходе наступления, в мост-крепость, их выгоняли затем оттуда и они в великом страхе бежали прочь, тесня друг друга. Дело дохо-

дило до того, что, убегая в очередной раз из внутренней части мостовой крепости, они кололи друг друга штыками своих же ружей, будучи тут в великом страхе.

Так проходило в тот день сражение у салтинского железного моста вплоть до восхода двух особых звёзд их созвездия Малой медведицы, и имело оно место между русскими и их «прислужниками» из числа мусульман, с одной стороны, и горцами – с другой. Звёзды же эти вызвали в [наших] людях состояние отвращения, а русские все били и били из своих пушек по мостовой крепости. Несмотря, однако, на всё это, пушки их так и не смогли сделать что-либо с крепостью и, как результат, убито было в том сражении около ста солдат и около пяти лиц, обладавших правом отдавать приказы. Был убит там также и главарь «прислужников» – Махач (*Махлач*) Чохеский (*Чохъ*). *а перед ним убит был ещё и Иманчулав Мурадинский.⁵

Что же касается тех гергебильцев, кикунинцев, хвартикунинцев и салтинцев, которые под предводительством Хаджали Салтинского и Насиба Кикунинского сидели внутри салтинского железного моста, то они не понесли тогда от неверных большого ущерба, хотя тех и было очень много, а их злобная сила была большой. Со стороны их был убит неверными всего лишь один человек и примерно ещё трое были ранены. В числе последних, то есть тех, кто получил рану в названном сражении, был и хаджи Закарня Салтинский – сын Умара. При всём том, однако, второго числа месяца рамазан,⁶ в ночь вторника, произошло следующее: те, кто сидели в Железном мосту, вышли оттуда, пользуясь ночной темнотой, тем, что неверные в это время потеряли бдительность, и рассеялись по разным местам. Куда же именно направились они, куда именно бежали – осталось неизвестным.⁷

Здесь следует отметить, что обитатели селений, расположенных вокруг крепости Гуниб, имели договор с *муродами*, которые совершили нападение на салтинский железный мост, и поклялись им, что окажут помощь, а именно – станут сражаться вместе с ними против неверных, как только услышат о вступлении их во внутреннюю часть моста. Они, однако, нарушили тот договор, заключённый

⁵ Текег повреждён, а поэтому возможен и такой перевод: а убит его Иманчулав Мурадинский.

с теми людьми, действовавшими под предводительством Хаджиали Салтинского и Насиба Кикунинского, как и клятвы свои, данные им ранее.

Что же касается здесь величайших людей из числа жителей города согратлинцев, то обещали они тем, кто напал на Железный мост, что в тот день, когда выступят они и начнут свою атаку на мост, они также выступят, причём рано поутру. Это обещание величайших согратлинцев осталось, однако, не исполненным. Они не выступили – вопреки договорённости, заключённой ранее с гергебильцами, кикунинцами, хвартикунинцами и салтинцами, которые засели в мостовой крепости – и, таким образом, не выполнили клятву, данную им. Впрочем, у согратлинцев этих не получилось выступить против неверных в день и момент, оговорённые заранее, по той причине, что были они заняты проведением *тайного совета*: по вопросу назначения *имам* и глав военных подразделений, чего требовал [военный] порядок-*низам*.⁸⁰ Вот именно потому-то согратлинцы и опоздали со своим выступлением.

5. Глава о «привязке» звания имама к хаджи Мухаммаду Согратлинскому – сыну накинбедийца хаджи Абдурахмана Согратлинского, – и о последующем вступлении этого имама и его людей на площадку под названием Апада

Второго числа месяца рамазан 1294/1877 года⁷⁹ во вторник жители города согратлинцев собрались в доме Умара Согратлинского, – сына Лабазана, – чтобы *показать любовь к^а шариату и, соответственно, нарушить договор, заключённый с неверными, а также «привязать» звание *имам* к хаджи Мухаммаду. Звание это они к упомянутому лицу тогда «привязали», затем торжественно присягнули ему⁸⁰ и повязали свои головные уборы чалмами. Были же последние жёлтого, белого и чёрного цветов.

О названном мероприятии, то есть о сборе-совещании, согратлинцы дали знать перед этим двум телетлинцам – Мургазаали⁸¹ и хаджи Хамзату, а также прочим особо влиятельным людям из ряда селений. Сделали они это, однако, в тайне от [простых] людей, ибо боялись неверных. Отметим также, что весть об этом совещании

⁸⁰ Можно иначе: *помочь*.

была дана согратлинцами ещё и особой группе мужей из Гидатлинского (*гъид*) и Карахского (*къаралал*) участков.⁸²

В соответствии с договором о действиях, одна группа людей выступила тут в направлении площадки Анада (*Гланада*), а другая – против русских, которые обосновались на Бец-оре (*Бецл-г1урухъ*), в местности под названием Хурдух (*Гъурдухъ*). Нападавшие перебили там, на Бец-оре, всех русских, кроме одного-единственного солдата, которого не стали они убивать по той причине, что оказался он мусульманином-казанцем (*гъазани*).⁸³

Когда люди прибыли на площадку Анада, к ним явились туда все те, кто обитал вокруг, а именно – жители следующих селений: Ругуджа (*Ругъжа*), Кулла и Бацада (*кула-бецл*). Приведены^а к ним туда были также жители Карахского участка и мукратлинцы (*муракъ*), которые произносили постоянно формулу единобожия: *ля иляха илла ллах* и открыто проявляли свою любовь к шариату.

Таким же точно образом, как против солдат, обосновавшихся было в Хурдухе, выступили затем [горцы] против тех солдат, что засели в местности Заиб (*Заг1иб*) и перебили их всех до единого.⁸⁴ Захватив в качестве добычи лошадей, принадлежавших тем солдатам, они повернули оттуда назад и двинулись победителями к местопребыванию своего имама – к центру, именуемому Анада.

Затем в течение примерно трёх последующих дней имаму Мухаммаду-хаджи подчинилось большинство населения, находившегося ранее под дланью начальника (*хаким*) Гуниба.⁸⁵ Пришли тут к имаму: Абдулла-Будай Кегерский (*К1игъури*), который был тогда наибом Гидатлинского участка,⁸⁶ далее – Абдулла Цулдинский (*Цулди*), который был кадием Гунибского суда (*махкама*),⁸⁷ далее – удостоверяющий истины учёный Газимухаммад Бацадинский (*Бац1ада*), который был кадием Великого суда, находящегося в крепости Шура (*Шурагъ*),⁸⁸ а также четыре члена-старшины (*ариф*) Гунибского суда.⁸⁹

*Группы людей приходили тут одна за другой,
И приходили они в обличии мюридов!*

В эти же дни пришёл в Согратль (*Сугъраль*) согратлинец Мухаммад,⁹⁰ – сын Хурша (*Гъуриши*),⁹¹ – тесть имама Мухаммада, сына Абдурахман-хаджи Согратлинского.⁹²

^а Не исключено, что здесь имеет место описка, и переводить следует: *Прибыли*.

Брат Абдулла-Будая – Парилав Кегерский

Названный Мухаммад был наибом участка, где обитают тленсерухцы (*кьенсер*) и карахцы, а пришёл он, отделившись от населения своего участка,⁹³ из-за той смуты (*гавга*), о которой упомянуто выше. *Дело в том, что он никак не соглашался в отношении необходимости того действия, которое собирались совершить, и [программы -?] вышеупомянутого совещания. Мало того – он приложил все силы к успокоению населения своего участка, к отвлечению его от участия в той смуте; всё правильно!^a Люди не подчинились, однако, Мухаммаду – сыну Хурша, – и не стали прислушиваться к его советам и увещаниям.⁹⁴ Он же не смог принудить их тут силой. Вот после того-то Мухаммад, отделившись от тленсерухцев и карахцев, и возвратился в своё селение Согратль, где провёл несколько дней. Затем, однако, он убежал из Согратля к неверным, стоявшим тогда

^a Эта фраза написана на полях.

на площадке Ходоб (*Хлодоб*), то есть к *начуцику* Гуниба. Там этот Мухаммад просидел рядом с русскими вплоть до захвата ими его родного селения.

В эти же самые дни выступили против [властей] жители селения куядинцев, которые направились на гору Гуниб и захватили там в качестве добычи лошадей, принадлежавших неверным, а также – быков «магазина» (*хатуви*). Вдобавок же куядинцы сожгли тут сено, находившееся на Гунибе, но принадлежавшее неверным.⁹⁵

Когда на салтинском железном мосту произошли описанные выше события, генерал Меликов направил к *начанику* Ботлиха,⁹⁶ который находился тогда со своим отрядом на Андийской горе,⁹⁷ двух «наблюдателей», чтобы посетили они тот край и передали бы *начанику* приказ возвратиться оттуда назад и заявиться затем к железному мосту.⁹⁸ *Начаник* этот действительно вернулся тут назад, причём вместе со своим отрядом и войском, состоявшим из койсубулинцев (*гьойсубуюн*), гумбетовцев (*бакъгьудал*), багвалинцев (*багулал*) и хунзахцев (*авар*), а также – вместе с «помощниками» неверных. В числе же последних были тогда такие лица, как Мухаммад Дженугайский, Мухаммад Гоцинский, Парзулав Чиркеевский и Дибир Хунзахский – сын Инквачилава.

Итак, названный *начаник* в конце концов прибыл с Андийской горы, вместе со своими людьми, к Железному мосту и встал там. Провели они там тогда целых три дня и всё это время прислушивались к тому, что говорят вокруг.

6. Глава о нарушении казикумухцами договора и об убийстве ими своего начальника

Когда жители Казикумухского (*Гъати-Гъумукъ*) округа услышали об открытом совершении другими того дела, а именно – смуты, и ещё о том, что жители гор⁹⁹ зашевелились с целью нарушить договор с неверными, заключённый ранее, то заволновалась тут молодёжь Казикумуха. Казикумухцы в итоге также пришли теперь к соглашению о необходимости нарушить договор с неверными и причём сделать это при главенстве следующих лиц: эмира¹⁰⁰ Фатаали – сына эмира Башира¹⁰¹ и эмира Абдулмаджида,¹⁰² которые были оба тогда русскими набами в Казикумухском округе, а также эмира Джафара¹⁰³ – сына эмира Аглар-хана (*Агълар-хан*),¹⁰⁴ учёного

хаджи Абдуллы Багиклинекого (*Бахрикли*) и некоторых других лиц.

instituteofhistory.ru

Казикумух в XIX в.

Первым делом казикумухцы убили тут своего *начаника* Чембера¹⁰⁵ и взяли в плен его жену и его детей. Убили они также *намущника* этого Чембера и ещё его писаря.¹⁰⁶

Затем, одиннадцатого числа месяца рамазан 1294/1877 года¹⁰⁷ в четверг, казикумухцы совершили атаку уже против крепости¹⁰⁸ и как следствие – у них произошло тут сильное сражение с людьми, находившимися в ней. Что же *касается юношей⁴ Казикумуха, то они влезли тогда в ту крепость через бойницы и перебили всех солдат, которых нашли там. Было же этих солдат около семидесяти душ.¹⁰⁹

Кстати, именно тогда был ранен Мухаммадшафи Казикумухский,¹¹⁰ – брат Харуна Казикумухского,¹¹¹ – тот, кто был главой солдат, находившихся в крепости. От раны этой Мухаммадшафи затем умер.

⁴ Первоначально было написано: ...касается казикумухцев, то...

Со стороны казикумухских юношей было убито в том бою около ста человек. Что же касается *мюридов*, то с их стороны был тогда убит удостоверяющий истины учёный Исмаил Казикумухский – кадий Кумухского суда.

Через некоторое время к казикумухцам прибыли группы мужей-согратлинцев. Они-то и захватили в качестве добычи имущество [неверных], взяли в плен членов их семей и затем отправили всё это в Согратль.¹¹² Следует при этом отметить, что именно в те самые дни Джафар-хан отправился с казикумухской конницей в сторону Кайтага и Табасарана, для того чтобы завертелись соответствующие события уже между кайтагцами и табасаранцами, чтобы устроить беспорядки среди них и довести это вплоть до самого Дербента,¹¹³ чему будут даны ещё соответствующие разъяснения.

7. Глава о нарушении договора с неверными, имевшем место со стороны цудахарцев и акушинцев

Жители Цудахара (*Цудакъар*) согласились нарушить договор с неверными, причём сделать это при главенстве Ника-кади (*Ник Iа-къади*).¹¹⁴ Что же касается цудахарского наиба Курмана (*Къурман*)¹¹⁵ и Кади-Мухаммада – отца Ника-кади, – то они убежали тогда от цудахарцев к русским.

Договор с неверными нарушили и жители Акушинского (*Ахъ-уша*) участка. Они, однако, сделали это при главенстве Чарака¹¹⁶ – сына кадия Нурмухаммада Акушинского.

Итак, в тот день группа людей выступила с территории Цудахарского участка и Акуша и двинулась по направлению к селению Леваши (*Леваща*). Прибыв туда, они разграбили имущество *начаника* левашинцев, которое имелось в его доме,¹¹⁷ *начаник* же сам находился тогда на салтинской почте (*поч*), возле того *начаника*, который прибыл из крепости Ботлих.¹¹⁸ Люди эти – цудахарцы и акушинцы, заявившиеся в Леваши, – разграбили ещё и имущество «магазина», которое находилось в лавке (*дукан*) названного начальника, а между прочим в том магазине (*ханут*) имелось, говорят, весьма много имущества. Да вот ещё: рассказывают, что в казне (*хазина*) того левашинского *начаника* имелась рубашка его супруги, чья стоимость равнялась ста туманам.¹¹⁹

Когда *начаник*, стоявший на салтинском железном мосту услышал, что Цудахарский участок и акушинцы нарушили договор, который был у них с русскими, а также об убийстве *начаника* Казикумуха, то забеспокоился он, разволновался, лицо его от сильного гнева, с одной стороны, и от сильного страха – с другой, покраснело. Вот тут-то он и выступил от местонахождения моста, вместе со своей армией и с теми наибами и их войсками, что принимали ранее участие в сражении с Алибеком-хаджи Чеченским.

Старый Цудахар до (1877 г.)

Когда всё это войско прибыло в селение Куппа (*Хьуппа*), то *начаник* и люди, бывшие вместе с ним, обнаружили там отряд *мюридов*,¹²⁰ которые заняли уже куппинские усадьбы и превратили их в настоящие замки для своей защиты. Мюриды эти преградили, таким образом, дорогу *начанику*; они ведь имели твёрдое намерение вступить в бой с ним и его людьми, и затем воевать и воевать.

Начаник, шедший со стороны салтинского моста, закричал тут жителям селения Куппа: «Дайте дорогу этой армии, не вступайте в сражение. Вы не сможете противостоять армии падишаха. Делайте так, как я советую, чтобы не пришлось вам терпеть потом вред от неё, причём большой», – так говорил и говорил он куппинцам. Ни-

кто, однако, не обратил тогда внимания на его слова и в результате между теми, кто сидели в Купна, с одной стороны, и русскими – с другой, начался бой. Неверные сделали тут залп из больших пушек по домам купчинцев и как следствие – разрушили их. После же того русский *начшик* бросил на купчинцев и мюридов, которые находились тогда вместе с ними, отряд, состоявший из солдат и милиционеров.

С обеих сторон было убито в Купна уже много мужей. Когда же, однако, бой усилился ещё более, когда сидящим в селении стало совсем уже тяжело, группа купчинских мужей закричала, и попросила пощады у милиционеров. Люди эти выбежали тут из Купны и прибыли к главарю русских. Последний же, то есть *начшик*, не позволил своим задержать прибывших, а те дали ему возможность успокоиться, сказав, что они – люди из его округа.¹²¹

При всём том, однако, в плен взято было тогда некоторое количество мюридов, а милиционеры захватили в качестве добычи имущество купчинцев и сожгли вдобавок их соборную мечеть.¹²¹

Главарём тех, кто сидели тогда в Купна, был устанавливающий истину хаджи Абдулла Багиклинский. Люди эти оставались внутри названного селения вплоть до того времени, пока не раскинула тьма над ними крылья свои. Затем же во тьме ночи они, вместе с хаджи Абдуллой, вышли из Купны и рассеялись по своим [родным] местам: сражение это, произошедшее, как сказано уже, в селении Купна, имело место в понедельник восьмого числа месяца рамазан 1294/1877 года.¹²²

Русская армия прибыла затем в Хаджалмахинскую (*Хважалмахы*) крепость, где она провела ночь, а рано на заре выступила оттуда и двинулась в сторону Левашин. Когда же эти русские и милиционеры, сопровождавшие их, прибыли к краю ущелья Хурхур, то в его самой верхней части они увидели группу мюридов. Это был Чарак, который как раз подходил туда с акушинским войском, чтобы взять в руки свои верхнюю часть названного ущелья, говоря при этом воинам-акушинцам: «Армию неверных мы встретим здесь, нападём на них неожиданно, пользуясь их беспечностью». Последние, однако, вместе с милиционерами, сами атаковали тут Чарака и его

¹²¹ Не исключено, что при обнаружении иных списков разбираемого сочинения, перевод отмеченного предложения придётся уточнять.

людей. В результате между двумя группировками произошло сражение, в ходе которого *мюриды* разлетелись как птицы, и было перебито большое количество [достоинных] мужей. Большое количество их попало тогда также и в плен.

В числе тех, кто были убиты в названном сражении с неверными и милиционерами, произошедшим в ущелье Хурхут, оказался и испытанный в деле храбрец – эмир Фатаали.¹²³ Рассказывают также, что наиб Цудахара по имени Курман убил тогда двух мюридов, а говорят, что даже трёх. Вот и думай тут! Рассказывают также, что этот наиб Курман стрелял непрерывно из своего ружья, и, уложив кого-либо из противников, говорил с издёвкой: «Вставай, тебе ничего не будет». Вот здесь и поразмысли.

Русская армия, продвигавшаяся от салтинского моста, остановилась в конце концов в Левашах и поставила там свои палатки.¹²⁴ В тот же самый день прибыл в Левашу, но перед этим, отряд русских, выдвинувшийся из Шуринской крепости.¹²⁵ Вместе с этими русскими в Левашу явилось вдобавок ещё и триста милиционеров¹²⁶ с целью оказания помощи им.

На следующий день неверные, увидели на заре большое скопище мюридов перед селением Кутиша.^a Неверные эти двинулись тут прямо на них.¹²⁷ Мюриды^b же, когда увидели, что против них идёт армия неверных, вступили было в небольшой бой с ними, но затем разлетелись как птицы.

Не убежало тогда из всего состава мюридского войска лишь два человека – сограждане хаджи Умар и Мухаммад, сын Вахабилава (*Вагъабиллава*). Эти двое стали тут убивать милиционеров, которые были вместе с неверными, и наносить им раны. Так сражались они до тех пор, пока не одолела их слабость. В конце же концов оба названных согражданина – хаджи Умар и Мухаммад, – пали там мучениками за веру. Убили их обоих милиционеры, да лишил их помощи всевышний Аллах!

Хаджи Умар Соградинский, ослабев от множества ран, полученных в том сражении, что имело место при Кутиша, упал на землю, будучи не в силах воевать далее. Находясь в таком положении,

^a С точки зрения грамматики перевести следует иначе: *неверных увидело большое скопище мюридов*

^b В тексте: *Мюридов*.

однако, он говорил: «Убейте же меня, – о, «лицемерь», – как вам того хочется». Рассказывают, кстати, что перед этим хаджи Умар выходил неоднократно вперёд и даже врывался в самую гущу милиционеров, имея намерение убить их главаря Мамалава Чохского¹²⁸, но прежде чем он сумел добраться до этого Мамалава, убили его самого милиционеры.

Что же касается упомянутого здесь Мамалава, то он был тогда наиболее злостным лицемером-мунафи́ком и настоящим врагом мусульман. Да и прочие милиционеры были мусульманами лишь с виду или, как-то говорят, «напоказ», но никак не нутром своим. Следует это прежде всего из их поступков, совершавшихся ими против мусульман – из взятия мусульман в плен, из убийств последних, совершаемых ими, из разгрома домов, и, наконец, из того, как подвергали они разграблению имущество мусульман.

Мамалав Чохский

В том бою, произошедшем в Кутиша, пал мучеником за веру – наряду с упомянутыми выше согражданами – ещё и наш зоркий брат Абдулла-хаджи Багиклинский. Что же касается тех мусульман, которые находились вместе с неверными, будучи их помощниками, то из числа их в Кутишинском сражении 1294/1877 года убиты были: Усман Араканский (*Гьараклуни*), «товарищ»¹²⁹ Мухаммада – сына Доногоно (*Доногъонол*),¹³⁰ и ещё хаджи Закария Хуштадинский (*Хушдуди*). Убил же их обоих некий кумухец, который сам позднее пал там в качестве борца за веру, – да помилует его Аллах!

После всех этих событий войска мюридов отошли со своих позиций назад и таким оставалось там положение дел вплоть до утра.

8. Глава с разъяснением о сражениях, произошедших в Кишили, Леваши и в Кутиша

Первого числа месяца шаввал 1294/1877 года¹³¹ имам Мухаммад-хаджи, сын накшбендийского шейха Абдурахмана-хаджи Согратлинского, приказал своему *вакилю*¹³² Мухаммаду, сыну Али (*Глалил*),¹³³ отправляться в сторону земель Равнины и, вступив туда, установить среди обитателей тех мест [шариатскую] систему управления, *при помощи имеющихся многочисленных войск^a. В соответствии с этим-то приказом вакиль и выступил тогда в поход со своими войсками.

В конце концов, вакиль имама, выступивший в направлении Равнины, остановился лагерем. Сделал он это в селении Мекеги (*Миклакли*), оставив, однако, один отряд из состава своего войска над селением Леваши. Что же касается неверных, то они находились тогда внутри последнего, причём припасов (*сурсам*), да и вообще провизии, было у них мало. Вот поэтому-то главарь русских и отправил тут триста солдат для взятия припасов из селения Урма, а вместе с ними он послал Мухаммада Гоцинского – сына Доногоно, – и ещё Парзулава Чиркеевского, которых должны были сопровождать их всадники.¹³⁴

^a Фраза эта подчёркнута, причём так, что она, возможно, предназначена была переписчиком к изъятию из текста.

В Урма находилось тогда тысяча пятьсот повозок с сухарями (*сухари*), которые были складированы там неверными на случай нужды. И вот, когда названные триста солдат, а также Мухаммад и Парзулав, вместе с всадниками, взяв сухари, стали возвращаться из Урма, то, подойдя к ровному пространству (*майдан*), известному как Дибха (*Дибъа*), увидели они войско, состоящее из мюридов, которое спускалось с горы Хакунак (*Хакунак*). Главарь русских¹³⁵ заторопился тут с устройством укрепленного лагеря в каком-нибудь подходящем для этого крепком месте.

В конце концов, солдаты [и всадники], идущие из Урма, расположились на возвышенности, лежащей над пещерой, соорудив вокруг себя стену из повозок, что были заполнены сухарями. В результате, когда мюриды начали затем было свою атаку, то не смогли они даже приблизиться к ним из-за ружейной стрельбы, которую вели солдаты, засевшие за той стеной.¹³⁶

Когда слух об этом нападении дошел до *начаника*,¹³⁷ сидевшего в Левашах, когда узнал он о том, что дорога перед принасами, двигающимися из Урма, перекрыта, то выступил он из Левашей вместе с солдатами и своими «прислужниками» из числа мусульман.¹³⁸ Поступил так этот *начаник* с целью оказать помощь тем, кто укрывались за повозками. При всем этом, однако, он оставил тогда в Левашах часть своих солдат и милиционеров.

Леваша в XIX в.

Когда солдаты и «прислужники» *начатика*, двигавшиеся из Левашей, вступили в ущелье, именуемое Кишили (*Kişicili*), то обнаружили там войско мюридов, которое перекрывало им путь. Вследствие этого в Кишилинском ущелье произошел сильный бой между двумя названными, противостоящими друг другу сторонами.

Начатик, * которого звали *Накачиз* (*Бикашачин*).^а покинув дорогу, по которой он продвигался ранее, поднялся на вершину горы. На вершине той он провёл ночь, а затем рано поутру направился со своим отрядом, состоявшим из солдат и «прислужников»-мусульман, по направлению к вышеупомянутой оказии (*аказия*), продвигаясь по верхней части горы. При этом, однако, он оставил некоторое количество своих солдат и одну пушку на горной вершине.

Когда *начатик* добрался до местонахождения оказии, то приказал он солдатам тянуть руками повозки, что были заполнены сухарями, ибо [персонал -?] ^б этих повозок убежал к тому времени в Урма, в страхе от происходящих событий. *Начатик* приказал также одной группе солдат идти тут впереди повозок и сражаться за них, если это будет нужно. Другая же группа солдат должна была идти позади повозок и делать в случае нужды то же самое. Итак, люди *начатика* пошли вперёд с обнажённым оружием в руках, и, в конце концов, спустились с горы в ущелье. Тут группа его солдат, заметно осмелев, напала на мюридов и – надо же – нанесла им сильнейшее поражение. И вот результат: солдаты смогли перебить тогда большое количество мюридов, от которых осталось на земле целых пятнадцать флагов.¹³⁹

В ходе боя, протекавшего в названном ущелье, *начатик* услышал вдруг звуки сражения, которое, оказывается, в то же самое время происходило в Левашах. Это те воины-мюриды, которые оставлены были ранее вакилем в той стороне, напали на солдат и милиционеров, сидевших в названном селении.¹⁴⁰ Они уже окружили их там и с боем шли на них со всех сторон. Русские же и милиционеры, которые были там вместе с ними, сконцентрировались к тому

^а Отмеченная фраза выделена при помощи надчёркивания.

^б Арабское слово текста разобрать не удаётся: не исключено, что слово это является по-своему приращению *аджамским* – русским или дагестанским, или каким-либо в этом роде.

времени на левашинском холме; собранные в том месте, они, надо сказать, никак не могли воспрепятствовать действиям мюридов, а тем более – отогнать их от себя.

Тут, однако, у Левашей появился вышеупомянутый *начаник* со своими солдатами, которых он быстро расставил в соответствующие ряды. Затем ударили военные барабаны, и он отдал солдатам, прибывшим вместе с ним, приказ о нападении на мюридов.

Солдаты набросились тут на мюридов, которые действовали тогда в Левашах. Войско этих мюридов было ими разбито и обращено в бегство. Враги, то есть солдаты, не остановились, однако, а бросились вслед за мюридами и стали убивать их и брать в плен. Всего же в итоге того сражения убито было со стороны мюридов около ста мужей и ещё – осталось от них на земле пять флагов. Правда, столько же людей было убито тогда и со стороны неверных.

Начаник, следует отметить, отправил перед этим в селение Кутиша Мамалава Чохского, вместе с тремястами милиционерами. Он должен был стоять там, ибо *начаник* боялся, что мюриды займут это селение. А тут – надо же – к Кутиша подошёл Ника-кади Цудахарский вместе со своим войском.

Вступив в названное селение, Ника-кади перебил многих засевших там милиционеров. Были среди последних, естественно, и пленные. Что же касается Мамалава, то он вместе со своими товарищами укрепился тогда в усадьбе, которую построил Лазарев (*Лазаруф*), когда был он *начаником* в Акуша.¹⁴¹

Начаник, находившийся в Левашах, послал оттуда в направлении Кутиша группу солдат и милиционеров, чтобы вывели они Мамалава Чохского и его «товарищей» из названного селения. Имела же место эта отправка вечером того самого дня. Затем между этими солдатами и милиционерами, с одной стороны, и Ника-кади Цудахарским – с другой, произошло при Кутиша сражение.

Неверные и милиционеры оказались не в силах войти в селение Кутиша и вывести оттуда Мамалава с его «товарищами». В конце концов, они возвратились поэтому назад – в Левашу. На следующий день, однако, рано на рассвете из Левашу выступил уже сам *начаник*, со своими солдатами и милиционерами, имея тут целью нападение на Ника-кади и его людей.

И.Д. Лазарев

Ника-кади Цудахарский занял к тому времени несколько кутишинских домов и превратил их в настоящие замки, имея тут намерение сражаться с наступающим врагом. Итак, на кутишинской территории началось теперь сильное сражение. Несмотря ни на что, неверным, которые пришли из Леваши во главе с самим *начаником*, никак не удавалось войти в селение и вывести оттуда Мамалава с его людьми. Поэтому они пошли на хитрость, чтобы осуществить последнее: подожгли дома, расположенные вокруг того дома, где засел Мамалав, и, таким образом, создали стену густого дыма между ним и его людьми, с одной стороны, и мюридами – с другой. Получилось в результате так, что невозможно было увидеть ни входящего в те дома человека, ни выходящего из них. Вот применив здесь такую только хитрость, эти неверные и смогли вывести Мамалава и его людей из домов, что стоят в селении Кутиша.¹⁴²

Рассказывают, что Мамалав Чохский, неоднократно говорил потом: «Я никогда не испытывал страха в каком-либо из сражений,

кроме как в происходившем в ту ночь, когда находился я в доме, что стоит в селении Кутиша». Мамалав постоянно удивлялся храбрости Ника-кади Цудахарского и считал его настоящим героем.

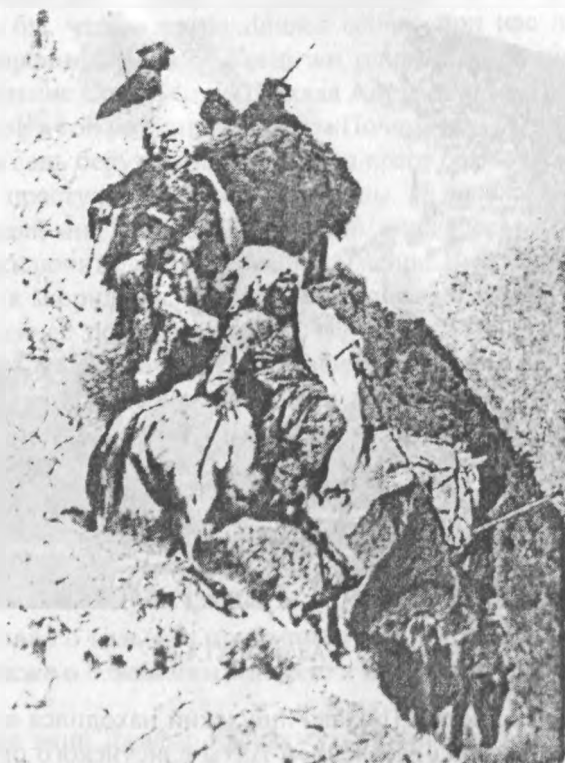
В то время как неверные еще сражались с людьми, засевавшими в Кутиша, другие неверные, которые возвращались назад, увидели вдруг войско, стоявшее перед селением Какамахи (*Къакъа-махы*). Неверные выступили тут против этого войска и вступили в сражение с ним. За войском этим, которое отступило, они пошли следом с боем, и двигались так до тех пор, пока не подошли к земле Цудахара. После, однако, эти русские повернули оттуда назад и двинулись к Левашу, но и Ника-кади Цудахарский, оставив селение Кутиша, также возвратился теперь назад.¹⁴⁵

[9. О Шахаве Анцухском]

Когда генерал Меликов узнал, что положение осложнилось, что смута усилилась, то организовал он тут приход к себе Шахава Анцухского (*Шагъав Ансухъи*), который был тогда русским офицером,¹⁴⁴ и сказал ему: «Ты неужели не слыхал, что наделали там эти горцы», – и затем сообщил ему обо всё, что произошло в Дагестане. После же этого генерал Меликов сказал Шахаву: «Ты должен вернуться сейчас назад, в свой участок, и постараться там: вывести из домов ваших людей и затем направить их куда-нибудь в другие места – якобы для оказания помощи [делу мятежников], чтобы таким образом отвлечь их от объединения. Так надлежит действовать тебе до тех пор, пока не соберём мы всю нашу армию, ибо у нас нет сейчас достаточного количества солдат, имею в виду такого, чтобы можно было бы нам выступить и присоединиться к уже сражающейся армии. Дело в том, что мои солдаты ушли в сторону Карса, на войну, которая возникла между нашим падишахом, с одной стороны, и вашим падишахом – с другой». Затем этот генерал дал Шахаву тридцать туманов наличностью, с тем, чтобы тот мог тратить их на свои нужды.

Когда Шахав Анцухский прибыл после всего того в свой [родной] участок, его поставили главарём над всадниками тех мест.¹⁴⁵ Шахаву было приказано при этом отправиться вместе с ними в сторону округа Ахты-Елису (*Ахти ва Елису*)¹⁴⁶ и по прибытию

туда взять на себя управление (*саса*) людьми, которые проживают на названной территории

Шахав Анцухский

Когда Шахав, выступив из своих мест, в конце концов прибыл с многочисленными владниками в округ Ахты-Елисеу, то стали приходить к нему – группа за группой люди из всех участков, расположенных в тех местах. Одни из них при этом выказывали Шахаву своё согласие с ним, а другие просили у него пощады.

Тут поставлены были над ахты-елисейцами кадни и соответствующие главари для проведения в жизнь шариятских предписаний и установления в их среде надлежащего порядка. Что касается *начаника* округа, то он, бросив свою паству, убежал тогда в крепость Нуха (*Шаху*). Так же поступили и те мусульмане, которые

имели чины и награды (*чин ва шафакъат*), полученные от русских.¹⁴⁷

Ахты в XIX в.

Тут, однако, когда Шахав Анцухский находился в описанном положении – управлял населением Ахты-елисуйского округа, получил он тайную весть, что генерал и его армия захватили Цудахарский участок и вошли в пределы Казикумухского округа.¹⁴⁸ О поступлении такой информации этот Шахав не дал знать никому из людей, которые находились тогда рядом с ним, да и вообще никому другому. Он лишь пригласил к себе главарей Ахты-елисуйского округа и сказал им: «В соответствии с полученным мною важным приказом я отправляюсь сейчас к имаму Мухаммаду-хаджи. Вы поэтому будьте, пожалуйста, настороже и наблюдайте за складывающейся ситуацией. Что же касается нас, то – даст Аллах – через несколько дней мы вновь прибудем к вам».¹⁴⁹

Итак, Шахав Анцухский и его товарищи, покинув Ахты-Елису, пошли теперь назад. Когда же они подошли к Казикумуху,

то обнаружили, что прямо перед этим городом, обителью казикумухцев, стоят генерал, который упоминался выше, и его армия. Генерал выразил тут Шахаву своё удовлетворение им и затем сказал: «Хотелось бы, чтобы ты находился сейчас при нас и был бы при этом совершенно спокоен». Когда же, однако, этот генерал захватил позднее селение Согратль, то Шахава Анцухского он арестовал.¹⁵⁰

Шахав в той ситуации сказал: «Почему эти люди задерживают меня? Они ведь берут меня сейчас под арест без совершения тут какого-либо преступления с моей стороны. Я делал лишь только то, что приказали мне Вы, а следовательно, вина здесь – если она есть – ложится исключительно на Вас, ибо именно Вы, дав деньги, отправили меня к мюридам». В ответ генерал заявил Шахаву: «Я арестовал тебя сейчас по той причине, что ты имел скрытое намерение упорядочить положение дел, слагавшееся у мюридов, и, таким образом, укрепить их. Ты был с нами лишь для виду. Сабля же твоя была рядом с саблями мюридов. Ты поступал всё это время вопреки нашим приказам, которые даны были тебе ранее».

Итак, генерал, не обратив никакого внимания на слова Шахава Анцухского, отправил его арестованным в крепость Гуниб. Позднее же его сослали в Сибирь.

10. Глава о том, что произошло с эмиром Махди-ханом, а также о сожжении Каякента и селения башлынцеv

Когда эмир Джафар Казикумухский прибыл вместе со своими всадниками в округ, именуемый Кайтаг-Табасаран, то устроил он там совещание с эмиром Махди.¹⁵³ В ходе его эмир Джафар рассказал эмиру Махди о происшедших сражениях и о том, что уже сделали горцы. После этого Махди также согласился нарушить договор, заключённый с неверными, и взялся проводить шариат в своём краю.¹⁵² Вот тут-то к эмиру Махди и пришли все те люди, которые услышали названную весть, причём из всех окрестных участков.¹⁵³

Приходили люди с участков, группа за группой. Целью же их было установить мир и согласие между мусульманами. Над людьми этими были поставлены главари, чтобы проводить в жизнь необходимые дела и устанавить соответствующий порядок. Вот тут-то, кстати, и убежал в крепость Дербент *начаник*, которому подчинялись Куба (*Гъуба*), Табасаран и Кайтаг, пребывавший ранее среди

населения участков.¹⁵⁴ Таким же образом убежали из названной среды и те мусульмане, которые имели чины и награды, полученные от русских.

Дербент в XIX в.

Эмир Махди, собрав свои войска, выступил теперь открыто против неверных. Он и его воины разграбили имущество неверных и христиан (*наسرائи*),¹⁵⁵ которое находилось тогда на равнине и в том числе на хуторах (*зариба*), располагавшихся в стороне, прилегающей к Дербентскому морю. Они сожгли также все почтовые отделения русских, которые находились на дорогах, и арестовали милиционеров, сидевших в этих отделениях. Вдобавок к тому ими было сожжено сено, принадлежавшее русским, которое находилось в степи, что раскинулось у дешлагарской (*теишлагар*) крепости.¹⁵⁶

Когда обо всё этом услышал *начаник*, сидевший в Левашах,¹⁵⁷ то отправил он в крепость Дешлагар отряд солдат, причём вместе с милиционерами.¹⁵⁸ Туда же пришёл затем ещё и тот отряд солдат, который вышел из крепости Шура.¹⁵⁹ После этого русские – солдаты и милиционеры выступили из крепости Дешлагар и двинулись на селение Каякент (*Гъаякент*), где находился тогда эмир Махди и где сидели его воины.¹⁶⁰

Д.Б. Тер-Асатуров
(подавлял восстание в Даринском и
Кайтаго-Табасаранском округах)

В Каякенте произошло тут большое сражение, в ходе которого от огня, вырывавшегося из пушек и ружейных стволов, загорелись усадьбы каякентцев, превращённые как бы в замки. Когда же положение в названном селении стало в конце концов особенно тяжёлым, эмир Махди и его воины вышли оттуда и пошли прочь, а неверные с боем стали преследовать их. В заключение следует здесь

отметить, что в том бою воинам эмира Махди были нанесены немалые потери, а кроме того неверные и милиционеры расхитили имущество, принадлежавшее им и каякентцам, и сожгли само селение Каякент.¹⁶¹

На третий день, однако – после того, как случились названные события, Махди выступил с многочисленными войсками против армии, состоявшей из солдат и милиционеров. Когда же он приблизился к этой армии, случилось так, что к нему перебежало несколько милиционеров. Русские после того оставили, практически сразу, селение Каякент и побежали: одна часть их – в направлении Дербента, а другая – в Дешлагар. Что же касается Махди, то он и его войско засели теперь в городе Башлы (*Башлиб; башлар*).¹⁶²

Когда неверные услышали о прибытии Махди и его полков в город Башлы, то опять выступили против него, причём так поступили как сами эти неверные, так и милиционеры. В результате в Башлах произошла тогда большая битва.

Когда бой, который вели неверные против эмира Махди, усилился чрезмерно, последний оставил Башлы и пошёл оттуда прочь. Что же касается неверных, то они вступили тут в названный населённый пункт и принялись убивать людей и уводить их оттуда в плен. Они также разграбили тогда имущество башлынцев, а затем сами засели в их селении.¹⁶³

Махди собрал тут воинов своих в третий раз, имея намерение двинуться против армии из неверных, которая встала в Башлы. Что же касается этих неверных, то они – когда услышали, что Махди выступил с великим войском и имеет при том чёткое намерение напасть на них, оставили названный населённый пункт и пошли назад. И надо же, к этому Махди, сражавшемуся так упорно с неверными [при поддержке Джафара Казикумухского], пришла тут весть, что генерал и его армия захватили Цудахарский участок и вступили в Казикумухский округ.¹⁶⁴

Когда названную весть услышал Джафар, то вместе со своими всадниками пошёл он в свой округ – в Казикумух. После этого войска, собранные Махди, потерпев поражение от неверных, обратились в бегство. Воины его, в результате, рассеялись тут по своим обителям, а затем каждое селение отправило соответствующих мужей к главарю русских для заключения мира и необходимого в таких случаях соглашения.

Что же касается самого Махди-бека, то он, вместе с небольшим количеством слуг, от тех людей сбежал. Намерением его было при этом: перебежать в сторону Стамбула (*Исламбул*) или в Иран (*Гъизилбаи*).

Когда Махди-бек, продвигаясь, остановился в конце концов в лесу Табасарана (*Табасаран*), один из числа слуг его сбежал оттуда и пришёл к русским. Человек этот сообщил главарю русских, что Махди и его товарищи расположились сейчас в таком-то месте, что находится в табасаранском лесу. Что же касается главаря русских, то он отправил тут группу своих прислужников-мусульман и приказал им арестовать Махди и его людей или же перебить их.

Когда названная группа прибыла в указанное ей место, то увидела она Махди и его людей, и то, что поступили они беспечно – распустили коней своих погнаться. Тут эти мусульмане-прислужники закричали эмиру Махди: «Тебе дали прощение самые великие люди из числа русских. Преступление-*таксир*, которое совершил ты, они тебе простили. Эти великие люди, однако, требуют от тебя, – о, эмир Махди! – чтобы пришёл ты к ним». Махди же сказал им в ответ: «Я дал клятву именем Аллаха, что на меня не посмотрит лицо неверного никогда, что не буду я жить рядом с неверными, а поэтому уходите-ка подальше. Если вы посмеете приблизиться ко мне, я стану сражаться с вами». Вот тут-то между этим Махди, с одной стороны, и мусульманами-прислужниками, которых отправил против него главарь русских – с другой, и произошло сражение, в ходе которого Махди получил опасную для жизни рану на теле, после чего только и были арестованы этот Махди и его товарищи – теми, кого прислал главарь русских.

Названные мусульмане-прислужники, отправленные против эмира Махди, положили его теперь на носилки, сделанные в виде лестницы, и затем доставили в Дербент на своих собственных плечах. Говорят, что при этом тяжело раненный Махди повторял тут постоянно: «Убейте вы меня прямо на этом месте! Сделайте это прежде, чем сможет увидеть меня лицо неверного». Так вот и умер, в конце концов, этот Махди от упомянутой выше раны.¹⁶⁵

Да помилует Аллах эмира Махди-бека!

11. Глава о выступлении генерала Меликова из Шуринской крепости, вместе со своей армией, и о сражении в Цудахаре

Когда генерал Меликов узнал, что начавшаяся смута приобретает всё более и более опасный характер, то послал он весть своему падишаху, сообщая ему, таким образом, о происшедшем – о том, что натворили дагестанцы. Генерал попросил тут помощи у падишаха и сделал он это несколько раз – генерал просил отправить армию на помощь ему.

Когда весть, посланная генералом Меликовым, дошла до падишаха русских, последний собрал армию, начиная аж с берегов Чёрного моря, и послал её в Дагестан. Когда же армия эта прибыла к генералу Меликову, стоявшему тогда в Шуринской крепости, выступил он вместе с ней из названной крепости. Произошло это выступление одиннадцатого числа месяца шавваль тысяча двести девяносто четвёртого (1877) года.¹⁶⁶ в субботу.

Целью генерала Меликова было тут: захватить в свои руки нахшбендийского шейха Абдурахмана Согратлинского и соответственно – потушить, таким образом, свет шариага в Дагестане. При этом следует отметить, что русские, выступив сами, вывели в поле и на этот раз всадников и пехотинцев из числа мусульман, которые находились в их деснице. Они также двинулись тогда вместе с генералом Меликовым. Мало того – русские вывели вместе с ними ещё и мудрецов, учёных и хаджиев, которые должны были подводить мюридов к мысли о необходимости просить тут пощады.

Когда генерал Меликов прибыл в Левашу, то к нему явились туда и попросили для себя пощады жители акушинских селений.¹⁶⁷ Занимаясь их вопросом, Меликов вынужден был просидеть тогда в Левашах около трёх дней, и вот в это-то время он и получил весть о взятии крепости Карс,¹⁶⁸ вследствие чего между неверными распространилась тут радость и они активизировались. По случаю этого события неверные даже забили, кетати, в свои барабаны, демонстрируя, таким образом, свою радость, имевшую место в данной связи.

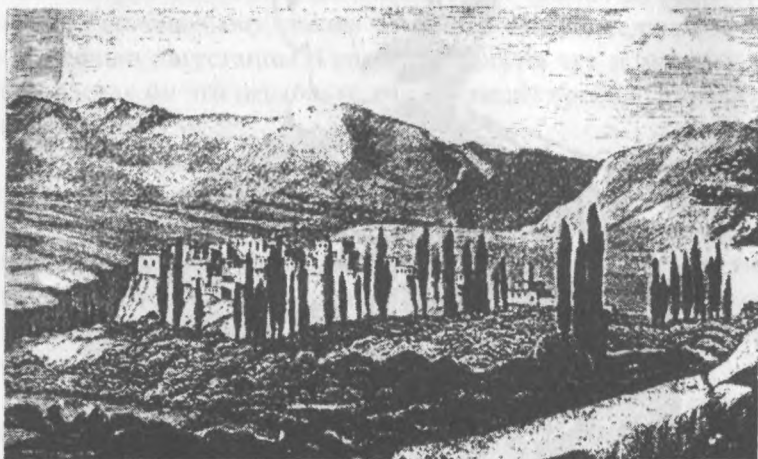

Л.И. Меликов

Затем генерал Меликов выступил вместе со своей армией из Левашей и, продвигаясь, в конце концов, остановился на площадке, именуемой Барди (*Бардигь*). Тут к этому генералу заявили с просьбами о пощаде жители следующих селений: Салта, Кудали (*кудел*) и Чоха.¹⁶⁹

На площадке Барди генерал Меликов простоял около двух дней и именно тогда отдал он приказ об отправке всадников и пехотинцев, собранных с Акушинского участка, на хутор именуемый Карекадани (*Къарекъадан*), чтобы устроили они там засаду. Всадников этих и пехотинцев акушинцы в Карекадани тогда направили, как то было им приказано.¹⁷⁰ В ту же ночь, однако, этих акушинцев

атаковал храбрец Ника-кади Цудахарский. Совершил он своё нападение вместе с отрядом мюридов. Итогом же было то, что этот Ника-кади и его люди убили там большое количество акушинцев. Часть их они, кроме того, взяли в плен, а часть переранили и в конце концов изгнали с упомянутого хутора.¹⁷¹

Селение Салта в XIX в.

Селение Чох в начале XX в.

Генерал Меликов, вместе со своей армией, двинулся оттуда в сторону города Цудахара. Подойдя к площадке иргалинцев (*ирхъ*), расположенной вблизи Цудахара, генерал этот, сделав там вначале привал,^a отправил затем отряд русских для охраны моста и перекрытия, таким образом, дороги перед теми, кто в принципе могли бы прийти [против него] из названного города. Там, однако, эти русские обнаружили воинов-мюридов, поставленных с целью охраны того места, которые скрывались за небольшим возвышением. Тут между русскими, посланными Меликовым, и теми мюридами произошло сильное сражение.¹⁷²

Когда положение дел, по отношению к мюридам, чьей задачей была охрана упомянутого места, сильно осложнилось, когда пропала у них всякая возможность противостоять неверным и их в конце концов разбили, то они побежали оттуда в направлении горы. Неверные же бросились тут следом за ними. Они убивали и убивали этих мюридов, а также брали их в плен. В конце концов неверные перебили тогда всех тех мюридов, за исключением одного. Только он-то и спасся оттуда.

Следует, впрочем, отметить, что в той ситуации два мужа, а именно – Шахумилав (*Шагъумилав*) Казикумухский и Мухаммад Цудахарский бросились в самую гущу неверных. С криками: «О, Аллах! О, Аллах!», – эти двое перебили тогда большое количество последних, но затем и сами стали мучениками за веру. Произошло это событие в том же самом месте.¹⁷³

Генерал Меликов беспрестанно призывал жителей Цудахара к заключению мира, к установлению соответствующего соглашения с ним.¹⁷⁴ Для этого он прекращал и прекращал сражение и затем направлял и направлял к цудахарцам посредников, но Ника-кади Цудахарский не принял тут ни мира, ни самой возможности заключения соглашения с неверными. Люди его лишь укрепляли тем временем все удобные для обороны места, имеющиеся вокруг Цудахара.

Ника-кади Цудахарский постоянно выступал тут с проповедями перед мужами-цудахарцами, давал им свои советы и говорил: «Мы должны быть сейчас готовы к тому, чтобы умереть. Мы просто обязаны теперь вести священную войну-*газават* на нашей земле, ибо на эту землю вступили неверные. Они пришли, чтобы изгнать

^a Вероятно, речь идёт об укреплённом лагере.

нас отсюда и разрушить наше селение. Второй же вариант, возможный тут для них – взять нас под арест и затем уничтожить наше имущество». Ника-кади говорил также цудахарцам: «Неужели вы не видите, как воюют эти неверные, как сражаются они – ну прямо до смерти. Делают они это ради своего падишаха, подчиняясь его приказам, и это в то время как видят его лишь в качестве сугубо материального объекта. Мы же с вами сражаемся ради Аллаха, следуя тексту Корана и *хадисам* Его пророка – такова специфика нашего с вами положения. Как же тут нам не возбуждать в себе любовь к сражению с неверными, при том, что Аллах пообещал нам райские кущи – тому из нас, в первую очередь, кто станет мучеником ради религии».¹⁷⁵

Такие вот проповеди вёл и вёл тогда Ника-кади Цудахарский среди своих людей. Этим он усиливал их и побуждал сражаться с неверными.

Затем произошло следующее: на цудахарцев резко двинулись русские и их пособники из числа мусульман. Они тут первым делом полностью окружили Цудахар, а затем обстреляли цудахарские форты (*сар*) и укреплённые усадьбы из больших пушек. Обстрел этот продолжался до тех пор, пока от пушечного огня не загорелись названные усадьбы. Отряды солдат раз за разом набрасывались на мюридов, засевших в Цудахаре, но те пока отражали их. Мюриды эти убивали их своими саблями, что продолжалось до тех пор, пока цудахарские базары (*сук*) не заполнились трупами солдат.¹⁷⁶

Затем неверные ворвались-таки в Цудахар. Сделали они это как с верхней, так и с нижней частей селения, практически одновременно. Тут, однако, на них бросился один цудахарец – мягкосердечный суфий Мухаммад, сын Газинайна (*Гъазинлайн*), но векоре он пал мучеником за веру. После этого на неверных бросилось уже большое количество мужей, которые и обратили их в бегство, и выгнали за пределы селения.¹⁷⁷

Среди нападавших находился и главарь *мюридов* Мухаммад Согратлинский – сын Али (*Алиш Мухаммад*), который являлся *вакилем* имама Мухаммада-хаджи, прибывший с небольшим войском для оказания помощи Ника-кади Цудахарскому, будучи прислан со стороны имама. Когда, однако, война, которую вели неверные, затем усилилась, этот Мухаммад из Цудахара убежал. Что интересно: во время его бегства оттуда один цудахарец нанёс ему ра-

ну, от которой позднее он, Мухаммад – сын Али, умер в Согратле, до захвата этого селения русскими.

Ника-кади и эмир Абдулмаджид Казикумухский остались в Цудахаре, однако, и после бегства Мухаммада Согратлинского. Они продолжали воевать с неверными.

Война, таким образом, продолжала разгораться всё больше и больше. Неверные и их пособники из числа мусульман в очередной раз напали тут на людей Ника-кади Цудахарского и эмира Абдулмаджида Казикумухского, и давление на них со стороны этих неверных продолжалось до тех пор, пока не исчезли какие-либо возможности к противостоянию и соответственно – к защите от них. В конце концов Абдулмаджид Казикумухский отделился от цудахарцев и убежал с их территории, но произошло это уже после окончания сражения. В результате в ту ночь остались в Цудахаре лишь герой Ника-кади, его жена и его сыновья.

Когда неверные узнали, что Ника-кади все же остался в Цудахаре, что находится он в таком-то доме, то приказал генерал Меликов наibu Цудахара отправить против Ника-кади специальную группу, чтобы она либо пленила его, либо убила, если он сдаваться не будет. Что же касается того наиба, то послал он против Ника-кади жителей двух цудахарских селений: Куппа и Хаджалмахи. Им-то наиб и приказал, чтобы они либо пленили Ника-кади Цудахарского, либо убили его. Здесь же, видимо, следует отметить, что главарём группы, получившей упомянутый приказ, был Мама Куппинский¹⁷⁸ – старшина селения Куппа.

Когда указанная группа приблизилась к дому, где находился Ника-кади Цудахарский, её главарь – куппинский старшина Мама закричал ему, что он либо пленит его сейчас, либо убьёт, но спастись не позволит. При этом ещё он, как бы издеваясь, сказал тут Ника-кади Цудахарскому: «Если у тебя есть силы, чтобы спастись, то спасайся».

Когда Ника-кади услышал голос этого негодяя Мама, то выстрелил в него из ружья. Пуля попала прямо в грудь и, в результате, был он убит на месте. Что же касается группы, которая пришла было с этим Мамою, то она отошла тут подальше от него.

После всего того Ника-кади вышел во тьме ночи из Цудахара, вместе со своей женой и сыновьями, покинув дом, в котором он сидел ранее.¹⁷⁹ Он сам побежал тут в направлении одного из казику-

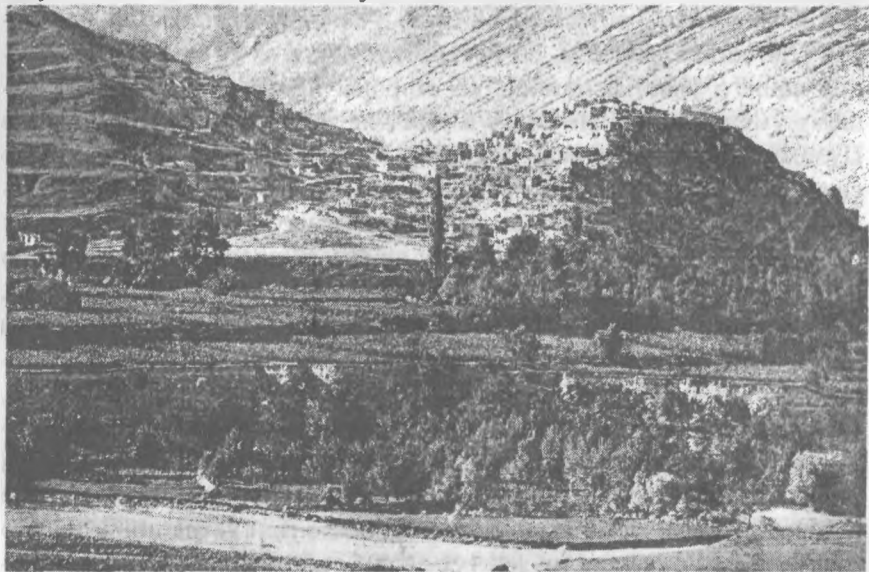
мухских селений, а уже оттуда прибыл позднее в Согратль. Что же касается жены и сыновей, то их Ника-кади оставил тогда в селении Шара (*Кара; чит. Хъара*), ибо на теле его жены имелись две раны. Поступил так этот Ника-кади по той лишь причине, что жена его не могла идти рядом с ним пешим ходом, но никак не из-за страха.

Абдулмаджид-бек Казикумухский

В цудахарском сражении было убито со стороны неверных несчётное количество воинов. Далее, было ранено ещё около ста мужей из числа тех мусульман, которые находились тогда на стороне неверных и всё время помогали им. Что же касается мюридов,

находившихся внутри города Цудахара, то было убито с их стороны порядка всего двенадцати мужей.¹⁸⁰

Цудахар разрушенный в 1877 г.

После взятия Цудахара войско неверных сожгло большую часть цудахарских усадеб. Цудахарские мужчины были при этом взяты в плен, а имущество цудахарцев – расхищено. Что же касается соборной мечети, то её неверные сжигать не стали, но зато разрушили её старинный минарет.¹⁸¹

[12. Последствия взятия русскими Цудахара]

Перед началом названных выше событий Ника-кади Цудахарский неоднократно обращался за помощью к имаму Мухаммаду-хаджи. Много раз этот Ника-кади просил имама отправить к нему войска, сформированные из горцев.¹⁸² Он говорил: «Нам нужна помощь. Генерал Меликов пришёл против нас с великой армией, «против которой»^a не устоять. Если ты – о, имам! – опоздаешь сей-

^a Коран /пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1986, XXVII, 37.

час с присылкой войска и доставкой, таким образом, помощи нам, цудахарцам, то участок наш уйдёт из рук наших. Дела наши пойдут тут совсем «наоборот», а это в свою очередь сделает остальной народ [Дагестана] мягким, он потеряет стойкость. В случае разрушения нашего участка помощь со стороны прочего народа делу нашему уменьшится». Имам же в ответ на такие призывы отправил в Цудахар всего лишь вакиля своего Мухаммада Согратлинского – сына Али, которого сопровождало небольшое войско, сформированное из жителей окрестных селений и казикумухцев.

Больше имам к тому вопросу не возвращался. Он совершенно не приложил тогда стараний к проблеме сбора войск и отправки их на помощь к Ника-кади Цудахарскому, а также к «выведению» из домов всех тех, кто ему подчинялись. Случилось же это по той причине, что имам Мухаммад-хаджи был человеком мягкого характера, не понимал ничего в мирских делах, как и в вопросах [тактики] установления порядка-*низама* среди людей, имеется в виду: так, чтобы порядок этот подошёл бы им. С другой стороны – главари [внешне подчинявшиеся этому имаму] постоянно делали тогда лишь то, что сами хотели, руководствуясь тут своим собственным видением вопроса, а со стороны имама каких-либо расследований в отношении их не проводилось. Вот именно из-за того-то и пошло подавляющее большинство дел, предпринятых ими, как говорится, «задом-наперёд».

Через день после взятия города Цудахара к генералу Меликову, – прежде чем двинулся он оттуда, – прибыла группа людей из селений Казикумуха. Явились они в Цудахар с целью получения пощады из рук его, а затем к этому генералу прибыла такая же группа, но с Гидатлинского участка, и ещё жители карахских селений, тленсерухцы и другие люди.¹⁸³ Лишь со стороны жителей Телетля (*Телекь*) и Согратля никто не пришёл тогда к Меликову за пощадой.

Здесь же следует отметить, что ещё до этих событий генерал Меликов отправил на Гергебильскую гору Мухаммада Дженгутайского вместе с отрядом русских и с мехтулинскими (*магьдиулу*) всадниками. Они все должны были тогда стоять на названной горе. Далее, этот же генерал одновременно отправил на Ирганайскую (*Иргъана*) гору Мухаммада Гоцинского с отрядом русских и всадниками, собранными из селений Равнины, которые должны были

призывать жителей Койсубулу просить пощады у неверных и, таким образом, побудить их к заключению мира с последними.

Видя складывающуюся ситуацию, койсубулинцы [и гергебильцы] дали Мухаммаду Гоцинскому и Мухаммаду Дженгутайскому положительный ответ на их призывы и затем самолично прибыли к ним. Оба же названных лица, разрешив названную проблему, возвратились тут в Цудахар, где они заявили к генералу Меликову.¹⁸⁴

[13. События, произошедшие на земле Казикумуха]

После всего того, что изложено выше, генерал Меликов двинулся со своими войсками в направлении города Казикумуха. По прибытии на казикумухскую территорию генерал встал лагерем, а имело место это перед городом, в ожидании: когда же наконец будет отремонтирована колёсная дорога, ведущая к городу согратлинцев. За это время, кстати, он успел собрать с жителей казикумухских селений сено (*хашиш*), необходимое ему для кормления коней своей армии, а также быков, чтобы резать их для своих бойцов.¹⁸⁵ Далее, генерал Меликов приказал тогда же старшинам названных селений, чтобы они отправляли бы к нему^a всех людей, раненных в предыдущих сражениях. Он при этом сказал тем старшинам: «У нас есть врач, который осмотрит раны и станет затем лечить ваших людей, а когда раны их он окончательно исцелит, то их вам возвратят». И надо же – эти старшины действительно направили тут к Меликову всех тех, у кого имелись раны, полученные в сражениях как то и было им приказано. Названный же генерал и его окружение отправили этих раненных, родом из казикумухских селений, после того как были все они собраны, в Шуринскую крепость.

В то время имело место ещё и следующее событие: главари Казикумухского округа написали, оказывается, письмо на имя Его величества Абдулмаджид-хункара, величайшего имама, в котором просили у него помощи и одновременно разъясняли, что именно произошло среди дагестанцев, а также требовали у него оказания содействия и поддержки. Письмо это было запечатано личными печатями ста мужей,¹⁸⁶ а для доставки его названные главари подгото-

^a В тексте: *к нам*.

вили одного человека из своей среды – он должен был быть отправлен к хункару с той бумагой в руках. Казикумухские главари пообещали при том выдать указанному человеку тысячу рублей (*гъуруш*), чтобы он тратил их на свои нужды.

Крепость Темир-Хан-Шура в XIX в.

При таком-то вот положении дел и прибыл к казикумухцам генерал Меликов, вместе с армией, а произошло это ещё до выхода упомянутого мужчины с казикумухской территории. И тут – надо же – один из казикумухцев дал генералу весть о существовании вышеназванной бумаги, сказав: «Наши главари, между прочим, написали письмо на имя Его величества хункара – нашего величайшего имама. В нём они, сообщив хункару о происходящих событиях, требуют от него поддержки и оказания содействия». Что же тут касается генерала Меликова, то он, позвав того мужчину, который подготовлен был к отправке, попытался было разузнать у него о письме. Мужчина этот, однако, ответил, что о таком письме ничего не знает и что он даже не слышал о нём.

Когда те казикумухцы, которые наложили свои печати на упомянутое письмо, узнали о беседе между генералом Меликовым и мужчиной, подготовленным для отправки к хункару, то сказали они, что если не передаст он это письмо в руки генерала, то: «мы дадим

тебе тысячу пятьсот рублей!» Генерал Меликов, однако, призвал к себе того мужчину вторично и сказал ему: «если ты не отдашь сейчас же это письмо, мы отправим тебя в Сибирь, вместе с членами твоей семьи, да так, что оттуда ты никогда не вернёшься назад». Мужчина этот испугался и отдал тут искомое письмо в руки генерала.

Из-за названного письма великая беда постигла тогда жителей Казикумуха, особенно казикумухских главарей. Они были отправлены в Сибирь, можно сказать, поголовно, ибо не было оставлено на казикумухской земле, в результате, ни одного более или менее именитого человека.

В эти же самые дни пришёл к генералу Меликову с просьбой о даровании пощады Джафар-хан Казикумухский, – сын эмира Агалар-хана, – вместе с которым заявилось около сорока мужей.¹⁸⁷ Что же касается генерала, то он в ответ дал Джафар-хану возможность отдохнуть возле себя и, таким образом, успокоиться, но продолжалось это только до времени взятия города Согратля, после чего он отправил его «товарищей» в Шуринскую крепость в качестве арестантов.

Прибыв в Шуринскую крепость, причём со связанными за спиной руками, они были затем высланы оттуда в Сибирь. Что же касается самого Джафар-хана, то после захвата города Согратля он был также арестован, но отправили его тогда в крепость Гуниб. Оттуда Джафар-хан был препровождён позднее в крепость Шура, чему ниже даны будут необходимые разъяснения. Там-то в Шуре этот Джафар-хан потом и умер.¹⁸⁸

[14. События, произошедшие на Тиндинском участке и в Телетле]

В то время, когда ещё происходили бои и сражения в городе Цудахаре, прошёл слух о взятии крепости Карс армией неверных. Этим были пресечены надежды на приход помощи со стороны величайшего *имама-хункара*, которые имели место ранее, и в результате положение дел у мюридов, а также у тех, кто любят шариат, приняло «обратный» характер. Душевный настрой людей приобрёл тут какую-то рыхлость, шеи главарей потеряли свою прежнюю твёрдость, а высокие намерения, существовавшие в среде народа,

осели. Самообладание ослабло, цвет лиц изменился, народная сила, проистекавшая из единства, как бы сломалась. В конце концов большинство людей из-за страха, который овладел ими, волей-[неволей], склонилось тут на сторону неверных. Они возвратились в свои обители, а после отправились к главарю русских просить у него пощады.¹⁸⁹

Нашлись тогда, однако, и такие, кто в той ситуации предпочёл убежать в город Согратль. Это были люди, которые в происходивших делах выступали главарями, те, кто прилагали старания к проведению в жизнь норм шариата. Таковые лишь укрепились тут в своих убеждениях.

Когда генерал, который главенствовал во Владикавказской (*Бурав*) крепости, услышал о том, что случилось в области, находящейся под управлением Меликова, то выступил вместе со своей армией для оказания помощи ему.¹⁹⁰ Поступил он тут фактически так же, как и Меликов-генерал, который помог ему ранее, при сражениях, имевших место в Чечне.

Когда генерал, который главенствовал во Владикавказской крепости, прибыл со своей армией в Тиндинский (*Тиндиб*) участок, то увидел, что перед его армией перекрыта дорога, и сделали это тиндинцы, к которым присоединилось тут население Багвалинского участка. В результате в местности, где имела место названная акция, произошло сражение, в котором приняли участие армия генерала, с одной стороны, и тиндинцы с присоединившимися к ним багвалинцами – с другой. Вторая из сражавшихся сторон была тут, однако, обращена в конце концов в бегство, не сумев противостоять. Мало того, неверные с боем преследовали затем этих тиндинцев и багвалинцев, обстреливая их из пушек и ружей. В итоге же неверные убили в том сражении около ста мужей из числа тиндинцев и багвалинцев,¹⁹¹ у которых руководителем дел был тогда Абдулла Цулдинский.¹⁹²

Сильное сражение между мусульманами, с одной стороны, и тем генералом – с другой, произошло ещё и в селении Телетль. Имело же место это событие тогда, когда он прибыл туда^a со своей

^a С точки зрения сугубо грамматики арабского языка, здесь не может идти речь о населённом пункте.

армией, причём следует отметить, что захват селения был осуществлён им примерно за два дня до захвата Согратля.¹⁹³

Среди [телетлинцев и их помощников] было перебито большое количество мужей, а люди, оставшиеся в живых, убежали из селения, причём они рассыпались как по равнине, так и по горам. Что же касается вышеупомянутого Муртазаали и членов его семьи, а также других лиц из числа главарей, руководивших этим делом, то они убежали тогда в Согратль.¹⁹⁴

15. Глава о событиях произошедших в Согратле и о взятии его

Проведя неделю в городе Казикумухе, Меликов выступил оттуда в направлении Согратля со своими многочисленными войсками, состоявшими из неверных и мусульман. Остановился же он тогда вместе с этими войсками на горе, что возвышается со стороны *киблы* над городом согратлинцев.¹⁹⁵

К тому времени, следует отметить, большое количество мухаджиров и согратлинцев успело уже засесть в маленьком замке, который располагался на холме, находящемся перед Согратлем.¹⁹⁶ Холм же этот – немного ниже той горы, где стоял генерал Меликов.

Последний отправил тут несколько отрядов, сформированных из солдат, в местность, находящуюся поблизости от упомянутого замка, чтобы оттуда вступили бы они в сражение с мужами, засевшими в нём.¹⁹⁷ Отряды же, состоящие из мусульман-милиционеров^а он отправил в окрестности города Согратля, чтобы они начинали осаду его, действуя тут со всех сторон.

Солдаты, присланные генералом, вступили в сражение с мухаджирами и согратлинцами, засевшими в маленьком замке.^б Война, которая пошла против них,^в приобрела со временем такую тут силу, что можно даже сказать: «разгорелось пламя» этой битвы. Солдаты, однако, при всём том так и не смогли тогда раздавить противостоявших им **мюридов* из числа мухаджиров^г и согратлинцев.

^а В тексте: *мусульман и милиционеров*.

^б Не исключено, судя по тексту, что солдаты атаковали этот замок сверху.

^в Можно иначе: *со стороны их*.

^г Можно иначе: *мюридов, а также мухаджиров*.

Среди тех, кто находился в маленьком замке, что стоял тогда на холме перед Согратлем, был и испытанный в деле герой Никакади Цудахарский. Три раза выходил он лично на бой с солдатами и возвращался затем назад без единой раны. Сидел в том замке и наш благовоспитанный ученик Саджид Хаджалмахинский, который в подходящий момент вышел наружу и сразился с солдатами. Бой, однако, оказался тут тяжёлым, но, как бы там ни было, Саджид не показал спины противной стороне и в конце концов был убит. Таким-то вот образом этот хаджалмахинец и стал мучеником за веру.

Из того замка вышел, чтобы сражаться против солдат, ещё также и учёный-установитель истин по имени Хаджияв, сын совершенного учёного Дибера Гунухского (*Гьунухъ*) – лучшего из наших шейхов. Хаджияв сумел возвратиться из той вылазки, но, правда, раненым. Таким образом, этот гунухец тогда не умер.

Далее, находясь в замке, получил рану Джавадхан Телетлинский, испытанный в деле храбрец – сын Муртазаали. Впрочем, этот Джавадхан затем всё же умер, но в Согратле и имело это место уже после взятия его неверными. Далее отметим, что мучениками за веру стали, из числа сидевших в том замке, и те, кто поимённо не названы здесь, а был среди них, например, наш учёный брат Мухаммад Телетлинский, установитель истин – сын Мирзы (*Мирзал Мухаммад*).

Когда ночь раскинула свои крылья, *муджахиды*, сидевшие в вышеупомянутом замке, обратились с просьбой о помощи к тем, кто находились в самом Согратле. Точнее, они высказали пожелание, чтобы те отправили к ним некоторых мужей в качестве помощи, для того, чтобы «мужи эти сражались бы против неверных вместе с нами, ибо у нас большая часть людей превратилась уже в мучеников за веру». Однако те, кто находился в городе, и сами не пришли в замок, чтобы сражаться, и не прислали в качестве помощи ни единого человека со своей стороны.

Муджахиды, находившиеся в замке, который, как уже говорилось, стоял на холме, вознамерились тут выйти из него по названной причине, и перебраться в город Согратль. Итак, в подходящий момент они из замка вышли и атаковали русских, которые, в свою очередь, выступили тогда против них. Муджахиды вступили тут в сражение с этими русскими и в конце концов обратили их в бегство, нанеся им при том большой ущерб.

Рассказывают: солдаты, которым пришлось вступить в сражение с мухаджирами и согратлинцами, вышедшими из замка, бросали свои ружья от сильного страха.

БОЖИЕЮ ПОМОЩИЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,

И ПРОЧАЕ, В КРОНАХЪ И ВЪСЛАХЪ

*Нашему брату, чеченскому князю
Алибек-хаджи Чеченскому Мамалаву
сын Мамалаву 1857*

*За то что вы и ваши предшественники
всегда оставили свои в рабство
пришедшие к вам, робкая и суровая,
и продолжали в том же состоянии 1857 году.
Также не забывайте и жаловали **МЫ** брата
Мамалаву, в 25 день 11 апреля 1857 года. Наш
императорский Высочайший **ИМПЕРАТОРСКОГО**
и **ЦАРСКАГО** Ордена **НАШЕГО** Святого*

Царская грамота, выданная Мамалаву

Итак, замок муджахиды оставили неверным, а сами перебежали, в конце концов, в селение – обитель согратлинцев. Надо, однако, отметить, что часть их неверные сумели сжечь прямо в замке, подложив в подходящих местах огонь.¹⁹⁸

В тот день, когда произошла перебежка-передислокация бойцов из замка в Согратль, находилось в городе том триста мухаджиров-мужей, в числе которых были там и два совершивших *хаджж* храбреца, а именно Алибек-хаджи Чеченский и Умма Чеченский. На них-то всех и двинулись тут атакой неверные и [отмобилизованные] мусульмане, которые находились тогда вместе с ними, а также милиционеры.

Мухаммад Гоцинский – сын Доногоно

Вскоре приблизились они к городу Согратлю, причём с четырёх сторон. Сверху, к примеру, шёл к нему Мухаммад Гоцинский, вместе с которым были Дибир Хунзахский – сын Инквачилава и Парзулав Чиркеевский, а снизу шёл Мамалав Чохский с милиционерами. Также примерно дело обстояло и с двух других сторон – с той, что находится позади города и с той, что впереди его. Затем несколько раз нанёс удар по Согратлю отряд, состоявший из солдат, но против них вышло тут большое число мужей, которые часть этих солдат перебили, а остальных, отразив, прогнали из селения, куда они уже было проникли, причём большинство отражённых солдат было при возвращении убито.

Наиб Дибир – сын Инквачилава

Когда Меликов увидел, что тех людей, которые засели в Согратле, он не может ослабить никакой военной хитростью-уловкой, что взять этот город возможно для него лишь перебив большую часть своей армии, то испугался он кидать тут и дальше своих солдат против них – и во второй раз, и в третий; дело в том, что армия его была там относительно малочисленна.¹⁹⁹ Поэтому-то обстоятельства и повернули его теперь в сторону мысли о засылке в город агента (*джасус*), снабдив последнего наличными деньгами для передачи их согратлинским главарям.

Меликов устроил тут совет с Мухаммадом, сыном Хурша. В ходе его он сказал этому согратлинцу: « Ты по отношению к нам – человек искренне преданный, хороший. Поэтому ты должен найти сейчас благоразумного и надёжного человека, и отправить его в Согратль с деньгами в руках. Человек же этот должен будет доставить

деньги, данные ему, в руки наилучших главарей, стоящих над вашими мужами».

Наиб Мухаммад – сын Хурша

Мухаммад – сын Хурша – подобрал тут агента и отправил его с тридцатью *туманами* в руках к Мухаммаду сыну Пира (*Пирил МухАммад*).²⁰⁰ Когда же агент заявился к тому с названной суммой, последний, [взяв её], пригласил к себе затем лучших мужей и юношей Согратля. В компании этой Мухаммад – сын Пира – сказал приглашённым: «Я обдумал сложившуюся к настоящему времени ситуацию и понял, что у нас нет сил для сопротивления армии падишаха, ибо мы являемся всего лишь малочисленной группой, которая не имеет настоящих помощников. Как же можем мы продолжать сражение против его армии! Итак, с учётом всего, что имеет место, я полагаю, хорошо было бы для нас прекратить битву с неверными. Если посмотреть на наше положение трезвым взором, то прекраще-

ние сражения – наиболее приличная возможность избавить себя от великой беды, которую несут с собой неверные». В конце концов, приглашённая к Мухаммаду – сыну Пира группа согратлинцев, а именно – лучшие мужи и юноши из числа их, согласились с советами этого Мухаммада и увещаниями его, после чего население города Согратля как бы заволновалось, причём изнутри. Взгляды согратлинцев на складывающееся положение дел разошлись, единое слово по вопросу о ситуации теперь у них исчезло.

У умелого храбреца Алибека-хаджи Чеченского зародились тут сомнения насчёт позиции членов согратлинской общины. Он заподозрил, что согратлинцы возымели намерение заключить перемирие (*худна*) с русскими, и причём сделать в тайне от него и его сподвижников. Поэтому-то хаджи Алибек и сказал тогда жителям селения Согратль: «Мухаджиры укрылись у вас потому, что положились на вас. А вы что тут ныне замыслили? Какую-такую позицию вы теперь избрали? Как, интересно, будем мы теперь сражаться с нашим врагом?» Согратлинцы же, со своей стороны, дали ему такой ответ: «Мы в сложившейся ситуации считаем добрым делом, подходящим для нас – создание смешанных групп, которые будут состоять каждая из двадцати согратлинских юношей и десяти мухаджиров, и последующую расстановку их затем во всех удобных для сражения местах. Мы, например, намерены поступить так». Что же касается хаджи Алибека, то он заявил тут согратлинцам: «Ваша позиция по названному вопросу не кажется нам хорошей. Она нам, скажем прямо, не подходит. Другое вот дело – смешать двадцать мужей из числа мухаджиров с десятью вашими юношами».

Согратлинцы, которые беседовали тогда с хаджи Алибеком, не приняли, однако, его увещаний и не согласились с его словами, после чего хаджи Алибек заявил им: «Если вы не одобряете сказанное мною, то есть другая позиция – передайте две крепости, расположенные в нижней части Согратля, в руки мухаджиров и не пришивайте к ним тут ни одного человека из числа согратлинцев. Итак, я прошу, оставьте две ваши крепости в распоряжении исключительно мухаджиров. Ведь если встанут они там – в нижней части селения, то вам будет легче защищать его». Согратлинцы, однако, соглашались на передачу двух крепостей в руки мухаджиров при том только условии, что рядом с ними будут находиться там же согратлинские юноши. В то же время, в ходе названной беседы, они

соглашались на то, чтобы юноши эти находились бы в нижней части Согратля без какого-либо смешения с мухаджирами.

Итогом того разговора было то, что умелый в делах хаджи Алибек постиг истинные мысли согратлинцев, узнал, что лежит у них на душе, а именно – что желают они заключить перемирие с неверными. Что же касается тут генерала Меликова, то он, узнав, что между его противниками возник теперь «беспорядок» (*гьалмагьар*), приказал своим наибам, тем, которые находились вместе с ним, закрепиться в селении согратлинцев, сделав это при помощи своих войск. Так, например, Мамалаву Чохскому он приказал закрепиться в нижней части Согратля и тот, кстати, был первым, кто вошёл в это селение вместе с милиционерами. Поэтому-то, когда неверные узнали, что Мамалав вошел, наконец, с милицией внутрь Согратля и что дела у мюридов пошли в результате как бы «наоборот», то выразили они тут своё удовлетворение им.²⁰¹

Через некоторое время закричал глашатай: «Эй, люди! Подходите сюда!», – и тут к неверным заявили все те, кто находились в городе согратлинцев, за исключением нескольких групп мухаджиров. Последние же пока ещё продолжали сидеть в двух укреплениях, что расположены были в верхней части Согратля, где, кстати, и находились тогда оба вышеупомянутых хаджия – Алибек и Умма. Однако на исходе ночи, рано-рано поутру, названный здесь богобоязненный аскет, а именно *Алибек-хаджи, из Согратля убежал*.

Рассказывают: когда хаджи Алибек убежал из Согратля, перед городом этим находились специальные наблюдатели, а вокруг – великое войско, состоявшее из неверных и мусульман. Так вот, ни один человек не увидел тогда Алибека, никто из них не смог понять: по какой-такой дороге убежал он, куда именно пошёл из Согратля.

Можно, впрочем, предположить здесь, что хаджи Алибек сумел укрыться от глаз чужих благодаря своим познаниям в вопросах религии, подобно главе суфиев Абулкасиму ал-Джунайди,²⁰² у которого это имело место тогда, когда привели его на казнь, о чём говорится в повествовании, посвящённом этому Абулкасиму, и к которому можно обратиться, если будет нужда.

В тот день к *Мухаммаду Гоцинскому* заявили с просьбой о пощаде следующие лица: имам *Мухаммад-хаджи Согратлинский*, сын накшбендийца *Абдурахмана-хаджи*; опытный герой *Ника-кади Цудахарский*; хаджи *Хамзат Телетлинский*, причём вместе с чле-

нами своей семьи и *со своим* учёным братом Мухаммадом Телетлинским, сыном Мирзы. К этому Мухаммаду Гоцинскому заявили также, с той же просьбой – о пощаде, все те мухаджиры и [мюриды] согратлинцы, которые находились в Согратле. Прибывали они к нему группа за группой.

Не поступили тогда так, как они, лишь некоторые из мухаджиров – те, кто находились вместе с хаджи Уммой Чеченским в двух вышеупомянутых укреплениях. Этим мухаджиров, не ставших просить пощады, атаковали, однако, мусульмане, стоявшие на стороне неверных, а именно – Мухаммад Гоцинский, его приверженцы (*хизб*) и милиционеры. Что же касается мухаджиров, то они, со своей стороны, вступили тут в сильнейшее сражение с нападавшими, которое продолжалось затем вплоть до середины ночи.

Итак, мухаджиры были уже окружены в своих согратлинских укреплениях. Далее, получил рану в локтевую часть руки один из них, а именно – хаджи Умма, а кроме того был ранен его сын, да причём так сильно, что не было надежд на его выздоровление. Когда же, в конце концов, положение этих всех мухаджиров стало уже явно «слабым», то одна часть их из укреплений сбежала, а другая, оставшись на месте, попросила пощады у Мухаммада Гоцинского.

В том-то вот месте, при названных обстоятельствах и были *взяты в плен Умма-хаджияв Чеченский и все те мухаджиры*, которые находились вместе с ним.²⁰³ Что же касается тех согратлинцев, которые ходили ранее в личине мюридов, то в ту ночь, о которой сказано выше, они старательно сражались против мухаджиров и при возможности брали их в плен. Говорят даже, что хаджи Умме и его сыну раны, упомянутые выше, нанёс некий согратлинец, который находился тогда вместе с ними в качестве мюрида. Вот так!

Селение согратлинцев было захвачено девятого числа месяца зу-л-када тысяча двести девяносто четвёртого (1877) года, в пятницу.²⁰⁴

Рассказывают: ещё до того как русские подошли к городу согратлинцев, Хаджи-Алибек Чеченский говорил мухаджирам, и причём неоднократно: «Клянусь Аллахом, эти согратлинские мужи в своё время возьмут вас в плен и затем передадут в руки русских». Что же касается мухаджиров, то они всякий раз отвечали ему: «Нет

и ещё раз нет! Согратлинцы не попрекнут нас куском хлеба,^a не станут они вступать в соглашение с неверными, а напротив – будут сражаться с ними до тех пор, пока те не перебьют их – согратлинцев, – всех до единого и не превратятся они, таким образом, в мучеников за веру». Хаджи-Алибек говорил также мухаджирам: «Эти согратлинцы не сделают вреда мне, но вас – вы это ещё увидите – они передадут в руки русских». Так оно и случилось, в конце концов, с этими мухаджирами, а именно – точно так, как сказал ранее Хаджи-Алибек.²⁰⁵

Будем считать приведённые выше слова Хаджи-Алибека Чеченского результатом откровения, снизошедшего на него. Читатель, поразмысли над этим!

В числе лиц, сидевших в одном из двух упомянутых выше укреплений, что стояли тогда в верхней части Согратля, были те, кто в ту ночь *спасли свою жизнь*, а именно – хаджий *Хаджиали Салтинский*, хаджий *Насиб Кикунинский*, а также *другие мухаджиры*. Следует здесь, однако, отметить, что всех их согратлинцы сдали в руки неверным.²⁰⁶ Таким образом, они нарушили своё обещание данное им, проявили вероломство, отреклись от своей клятвы.

[16. Глава об арестах и казнях]

После всего того неверные вдруг начали проводить аресты среди мужей селения Согратль!

Постигла такая судьба первым делом семерых *главарей совета*, вызвавшего описанные здесь беспорядки (*гавга*), а были это следующие лица: наш учёный брат хаджи Абдулла – установитель истин; сведущий в науках брат наш по имени Абдулхалим – понятливый, проницательный человек, являвшийся благом для учеников; совершенный во многих отношениях человек, которого люди именовали *имамом*, а именно – зоркий Мухаммад, сын хаджи Абдурахмана; богобоязненный учёный Мухаммад – сын покойного кадия Ахмада; Махдимухаммад – кадий города Согратля; породистый смельчак по имени Умар – сын Лабазана.²⁰⁷

Затем неверные расширили сферу своей деятельности. Они теперь подвергли аресту уже *большую часть мужей города Со-*

^a Можно иначе: ... не ослабят.

гратля, причём брали их *вместе с членами их семей*.²⁰⁸ В тот же день арестован был, кстати, и накшбендийский шейх Абдурахман Согратлинский, которого принесли к генералу Меликову на деревянном предмете, похожем на лестницу.

Названный предмет, на котором находился шейх Абдурахман, был тут опущен вниз и положен около генерала. Шейх не стал, однако, говорить с генералом мягко [чего ожидали многие], а лишь переложил всё положение дел своих на милость всевышнего Аллаха, как то было в его обычае. Генерал же, со своей стороны, сказал этому накшбендийцу: «Я буду вешать твоего сына. Что скажешь ты по этому поводу?» Шейх ответил: «Такой поступок в отношении его не является дозволенным, [с точки зрения шариата], но если он будет всё же повешен, то таково, значит, «... установление великого и мудрого».^a После этого он продолжил речь свою следующими словами, взятыми из Корана: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к Нему мы возвращаемся».^b

После беседы с генералом Меликовым Абдурахман Согратлинский был отправлен из Согратля в Гунибскую крепость, где он в течение некоторого времени находился в здании мечети вместе с другими арестантами.²⁰⁹ Позднее, однако, Меликов передал его в руки своего переводчика (*тарджуман*) Абдулкахира Казанищенского (*Гъазануш*),²¹⁰ на основании просьбы со стороны последнего, обращённой к нему. Что же касается названного здесь Абдулкахира, то он отослал тут шейха Абдурахмана в Казанище, чтобы жил он там под соответствующей защитой, пользуясь заботой в его – Абдулкахира – доме.

В доме переводчика Абдулкахира шейх Абдурахман пребывал в самом что ни на есть отличном состоянии. Его посещали там достойнейшие, самые передовые люди. В конце же концов этот шейх – да освятит Аллах тайны его! – умер в названном доме и произошло это в ночь на пятницу в месяце раби ал-ахира 1299/1882 года,²¹¹ из-за бездействия (?) тут со стороны Аллаха.

Далее, некоторую *часть согратлинцев*, из числа оставшихся в живых, неверные *братъ под арест тогда не стали*. Их лишь вывели

^a Коран, VI, 96.

^b Коран, II, 151 (156).

за пределы города, после чего был он подожжён и в результате, в конце концов, сгорел, можно сказать, дотла.

Абдулкахир Казанишенский
(Абдулкадыр Даитбеков)

Самым удивительным из всего того, что видели мы, было следующее – согратлинская соборная мечеть оказалась на мгновение как бы поднятой на воздух, для чего под неё был заложен порох в объёме полных четырёх мерок (*кайл*). Что же касается в данной связи конкретно нас, то мы боялись тогда за себя, а именно – того, что будем мы изуродованы, и что земля наша провалится. На всё, однако, есть Божье предопределение!

Что касается *телетлинцев*, то из числа их взяли тогда под арест большое количество мужей, попавших в плен, причём брали вместе с членами их семей. Затем были разграблены принадлежавшие им имущества.²¹²

Взяли много пленных также и из числа *куядинцев*. Всего в руки [неверных] попало тогда, следует отметить, около шестидесяти мужей. Из них тридцать душ были взяты под арест вместе с членами их семей, а тридцать – без таковых, и причём было разграблено имущество всех этих куюдинцев.

Согратль разрушенный в 1877 г.

Вдобавок укажем здесь, что были *сожжены усадьбы* всех тех лиц, которые убежали в Согратль из двух названных селений - из Телетля и Куяда, а числились тогда в числе беглецов из Телетля в Согратль следующие фигуры: хаджи Хамзат и его учёный брат Мухаммад – сын Мирзы, причём оба они прибыли туда вместе с членами своих семей; Муртазаали Телетлинский и сын его по имени Джавадхан. Далее, здесь же следует отметить, что были сожжены тогда усадьбы и всех тех, кто бежали в Согратль в качестве *мухаджиров* и из других селений, из какого бы селения они ни были.

После взятия города Согратля, сожжения его, а также ареста определённого количества лиц из числа согратлинских мужей и представительниц женского пола, генерал Меликов двинулся со своими полками в направлении крепости Гуниб. С собой он оттуда потащил притом и пленных-арестантов.

В названной крепости Меликов простоял в течение достаточно долгого времени. Занимался все эти дни он арестами мужей, [изымая их] из различных селений Дагестанской области. Брал он их оттуда в большом количестве и, что следует отметить, как вместе с членами их семей, так и без них. В деятельности этой дотягивались руки генерала Меликова до города Ахты, до Кубы и Табасарана, с одной стороны, и вплоть до земель, начинающихся от Чеченского округа – с другой.

Люди, *взятые под арест в Ахтах, Кубе и Табасаране*, отправлены были тогда *в крепость Дербент* к тому, кто распоряжался делами обитателей тех мест.¹⁹⁹ Мухаджиры Чечни были отправлены в направлении крепости Владикавказ к тому, кто распоряжался там.^a Остальные же пленные-арестанты отправлены были в конце концов в Шуринскую крепость, за исключением примерно двадцати мужей. Последние были оставлены в Гунибской крепости – в качестве задержанных, а поступили так в отношении их для того, чтобы можно было разобраться: кто же именно из этих примерно двадцати человек виновны (*таксир*) особенно сильно, и затем повесить таковых.

Из числа мужей, оставленных *в крепости Гуниб* в качестве задержанных, *пятнадцать человек повесили* позднее на площадке *Салануб*. Были же это конкретно *следующие лица*:

умелый храбрец Муртазаали Телетлинский; устанавливавший истины учёный Хамзат Телетлинский; учёный Абдулла Цулдинский – кадий Гунибского суда; проверенный в деле герой Ника-кади Цудахарский; три богобоязненных согратлинских учёных, каждый из которых был подобен луне – хаджи *Абдулла, учёный Абдулхалим и хаджи Мухаммад,^b *сын хаджи^b Абдурахмана; эмир Абдулмаджид Казикумухский; Налди Багиклинский, который являлся братом устанавливавшего истины учёного Абдуллы-хаджи Багиклинского, того, что пал в Левашах мучеником за веру; умелый храбрец Умар Согратлинский – сын Лабазана; Али-Умар (*ГалигУмар*) Куллаский (? *ал-К-ли*).

Вместе с названными лицами повешен был и Аббас-паша Анцухский²¹³ – посланец Газимухаммада.

^a В тексте: *кто распоряжался правителем-хакимом владикавказцев.*

^b В тексте: *Абдулла, мягкосердечный (ал-халим) учёный хаджи Мухаммад.*

^b В начале было написано: *сын имама хаджи*, но затем слово *имам* зачеркнули.

Что касается Хитинаваса (*Гьитинавас*) Гочатлинского (*Гьоцлаль*),²¹⁴ то был он повешен в *Шуринской крепости*, и имело это место по прошествии трёх месяцев после того, как была произведена акция повешения на площадке Салануб. Дело в том, что этот *Хитинавас* сумел в своё время убежать из города Согратля и скрывался в доме одного гочатлинца. В конце концов, однако, обстоятельство это раскрылось и его арестовали, а затем – повесили.

Названные лица, а именно Аббас-паша Анцухский и Хитинавас Гочатлинский, являлись посланцами Газимухаммада, сына имама Шамиля. Газимухаммад отправил их обоих к лучшим людям страны, где обитают горцы-дагестанцы, имеются в виду те, которые находились *под властью его отца^a в эпоху Имамата. Он при этом приказал им – Аббас-паше и Хитинавасу – сказать лучшим дагестанцам следующие, примерно, слова: «Мы оба – посланцы Газимухаммада, сына имама Шамиля Гимринского (*Гимира*)-Дагестанского. Присланы мы к вам с сообщением, что наш величайший *имам*, то есть *хункар-хан*, начал войну с русским падишахом и теперь он уже всюду сражается с ним. Вскоре к вам на помощь будут приведены его победоносные армии, и произойдёт это в строго определённое время. На основании всего этого, вы – дагестанцы, – обязаны сейчас приложить старания к разжиганию смут, для чего следует первым делом нарушить договор, заключённый с неверными и сделать это надо ещё до прибытия к вам вооружённых сил имама-хункара».

Итак, Аббас-паша Анцухский и Хитинавас Гочатлинский, выйдя из мест своего пребывания, заявили в Джаро-Белоканский (*Чар-у-Билкан*) округ, где, однако, их заметили наблюдатели, находившиеся тогда там. Наблюдатели эти сидели прямо на дороге, проходящей по горам, покрытым снегом и грелись вокруг разожжённого костра. Аббас-паша и Хитинавас подсели тут к ним и в конце концов разведали о положении дел, которое имело место, о том, почему именно поставили их в данном месте. Сделали они это, сказав наблюдателям: «А почему вы расположились на этой узкой дороге, да ещё в таком холодном месте?» Наблюдатели же ответили им: «Нас поставили в этом месте наши начальники (*хаким*), в качестве наблюдателей. Дело в том, что в сторону Дагестана отправлены

^a В тексте: *в руках их*.

два посланца и сделано это Его превосходительством Газимухаммадом, который обитает ныне в стране османцев. Оба они должны когда-то появиться и прийти сюда». Начальники наши сказали нам: «Если заметите этих двух посланцев или случайно наткнётесь на них, то вы должны либо задержать их, либо убить». В заключение наблюдатели сказали: «Вот поэтому-то мы и встали сейчас на данной дороге».

Аббас-паша и Хитинавас сказали тут наблюдателям: «Да как могут по этим дорогам прибыть посланцы Газимухаммада, когда имеется в этих местах большое количество городов, находящихся под дланью неверных, когда стоят тут многочисленные крепости, принадлежащие неверным. Ещё один момент – дорога здесь очень уж узкая для них. Одним словом – по всему этому, просто невозможно, чтобы посланцы Газимухаммада пошли бы в Дагестан отсюда. Такие вести – несомненная ложь». Затем Аббас-паша и Хитинавас рассказали тем наблюдателям о себе: «Мы-де ходили в Джарский округ в поисках средств пропитания, с целью последующего приобретения их. Сейчас-де мы возвращаемся в свои дома. Мы ведь из страны горцев, мы дагестанцы», – после чего, проведя ночь рядом с наблюдателями, что поставлены были на той дороге, Аббас-паша и Хитинавас встали рано-рано поутру и, покинув их, пошли дальше.

Говорят, что Газимухаммад заключил перед тем договор с Аббас-пашой Анцухским, согласно которому если совершит он дело, «если достигнем мы, в результате, предмета наших желаний», то я, Газимухаммад, «поставлю тебя правителем (*вали*) Дагестанской области». Затем тайну эту, известную ранее только им обоим, передал Аббас-паша по секрету жителям гор и те принялись тут разжигать описанную выше смуту, а потом вступили в бой с целью изгнания неверных со своей земли. Когда, однако, эти горцы-дагестанцы услышали, что дела у султана Абдулмажид-хункара пошли «задом наперёд», что взята из рук его Карсская крепость, то поникли тут головы у их главарей, осели возвышенные намерения у рядовых бойцов, ослабло самообладание.²¹⁵ В результате дагестанцы как бы растерялись, стали похожи на дроф в степи, ибо не находили они теперь укрытия для себя ни с какой стороны. Они больше не могли уже сражаться с неверными, не находили для себя аргументов в пользу мысли о необходимости защищаться от них. Да, «когда Ал-

лах захочет разрешить какой-либо вопрос, то никто из людей не сможет никак предотвратить этого!».^{а0}

Теперь коснёмся тех лиц из числа вышеупомянутых двадцати, кто находились под арестом в Гунибской крепости, но не были повешены на площадке Салануб, а следовательно, остались в живых. Так вот – они были позднее сосланы в Сибирь.

Следует здесь отметить, что при совершении акции повешения, проведённой на площадке Салануб, присутствовало большое количество мужей из различных селений Дагестана. Дело в том, что русские главари привели туда по два, по три и более мужей из каждого селения, чтобы смотрели они на проводимую акцию и видели бы повешенных. Окриками своими они должны были бы удерживать в будущем тех, кто попытаются творить дела подобные тем, что совершили повешенные. Далее, укажем, что присутствовало тогда на площадке ещё также и огромное количество русских главарей, да и вообще русских военных.

Рассказывают, что русские главари ну прямо-таки плакали, когда упомянутые выше правоверные мужи приведены были для совершения в отношении их акта повешения.

Добавление:^б князь Орбелиани (*Орбийян*), когда был он начальником Гунибской крепости,²¹⁶ рассказал нам,²¹⁷ что, к примеру, за один только раз из Казикумухского округа взято было под арест тысяча два мужчины, являвшихся представителями казикумухской элиты, которых отправили позднее в Шуринскую крепость.

Далее, из селения Салта было взято под арест около ста человек – представителей как мужского, так и женского пола. Такие же аресты проводились и в других селениях.

Арестованные были собраны русскими в крепости Гуниб, где провели они тогда много дней. Будучи лишены прелестей мирской жизни, они тосковали и, как следствие, находились там в таком состоянии, что их собственные враги сочиняли плачи про них, а их давние противники лили над ними слёзы. В конце концов, этих арестантов отправили оттуда несколькими потоками в Шуринскую крепость.

^а Хадис - ?

^б В арабском тексте данное слово написано в сильно искажённой форме.

И.Д. Орбелнани

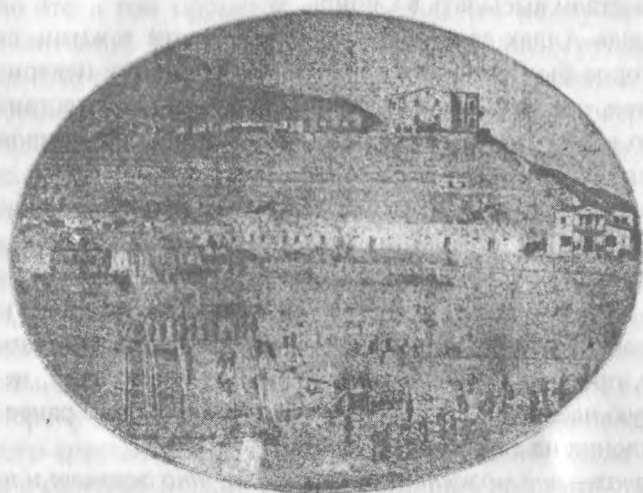
Когда беда нападает, то нападает она вся сразу.

Когда же беда уходит прочь, то уходит она постепенно.

Часть арестантов, прошедших ранее через Гуниб, умерла затем в той Шуринской крепости, а были в числе их следующие, к примеру, личности: правовед (*факих*) Газимухаммад Бацадинский,²¹⁸ учёный Хаджиалилав Чохский²¹⁹ и учёный *суфий* Хаджиалилав Салтинский. Умерло тогда же в Шуре большое количество, кстати, ещё и других лиц.

Люди, оставшиеся в живых, были затем высланы в Сибирь. В числе же их – тех, кого отправили в Сибирь, оказались, между прочим, и совершенные в своих познаниях учёные, хаджи и особо

усердные богомольцы. Так, к примеру, *из числа учёных в Сибирь попали*: богобоязненный учёный Хаджияв Гунухский,²²⁰ сын Дибера – учёного, устанавливавшего истины; понятливый и остроумный Абубакар Цулдинский;²²¹ установитель истин своего времени Мухаммад Телетлинский,²²² сын Мирзы; искусный и зоркий Мухаммад Игалинский (*Игъали*),²²³ сын Саида. Все они, в конце концов, поумирали там, в Сибири, кроме Мухаммада Игалинского, который со временем вернулся назад – к себе домой, где он позднее и умер.

Укрепление Гуниб в XIX в.

Здесь же, видимо, следует отметить, что по причине описанных событий *выслано было в Сибирь всего тридцать тысяч семьсот пятьдесят душ из числа дагестанцев*²²⁴ – представителей как мужского, так и женского пола. Произошла эта высылка в том же 1294/1877 году.²²⁵

Затем началось *всеобщее рассеяние дагестанцев*. Они теперь, покинув свои края, распространялись повсюду, словно саранча, которая покрывает всё и вся: часть их бежала в Стамбул, часть в Иран, а часть в Англию (*Ингилис*). Что же касается тех, кто попадали в руки русских, то их отправляли тут в Сибирь – *не было оставлено здесь ни учёного, ни хаджия, ни человека, который бы слыл храбрецом*. Всех их высылали в Сибирь. Дагестанцев как бы просеивали

через сито и делали русские это до тех пор, пока в сите их не осталось ничего крупнее ячменного зёрнышка.

Арестантов из числа *дагестанцев* *ссылали тогда в Сибирь*, не указывая им срока их возможного возвращения. Сделано же было это для того, *чтобы поселялись они там навсегда*.²²⁶ Далее, отметим, что они, то есть неверные, построили для части названных арестантов два населённых пункта в Салатавском участке, которые называли *Малли-Дагистан*, что означает «Маленький Дагестан». ²²⁷ В этих-то двух пунктах они и поселили тогда ту часть арестантов, которых не стали высылать в Сибирь.

Когда Аллах захотел, наконец, провести в жизнь своё решение, которое было принято Им заранее, то дела у неверных повернулись так, что произошёл отпуск арестованных дагестанцев на волю. Дело в том, что эти неверные не стали тут сопротивляться приказу исходившему от Аллаха, в чём было, кстати, благо для них же самих, и, в конце концов, отпустили тех дагестанцев. Произошло же это событие в 1297/1879-80 году.²²⁸ Правда, здесь следует отметить, что часть их так и не вернулись из Сибири – эти люди поумирали, каждый в своё время, на дорогах, по которым они шли, и в местах своего тамошнего проживания.²²⁹ Таким образом, названное мероприятие, проведённое неверными в 1297/1879-80 году, не избавило названную часть дагестанцев от того, что начертало ранее перо предопределения на скрижалях судеб!

Аллах – всё может, делает Он то, что желает и принимает решения такие, какие хочет!

Бывает, что человек отчаивается в некоторых ситуациях,

Но вот милость Аллаха приходит, да причём оттуда, откуда её не ждут.

*Повествование об удивительном событии, подобия которому не было в прошлые времена и не будет в последующем*²³⁰

Так как русские начальники отдали приказ о доставке пленных-арестантов в Шуринскую крепость, то группа цудахарцев выступила, чтобы доставить туда одного такого арестанта. Когда, однако, люди эти приблизились к селению Верхний Дженгутай, то, посоветовавшись между собой, решили они «сокрыть» своего арестанта, после чего отправили к старшине одного человека из своей среды, чтобы сказал он ему: «Мы вели с собой арестанта, которого

следовало доставить к русским начальникам. Арестант этот, однако, умер по пути и мы желаем похоронить его. Пусть поэтому ваши юноши выкопают здесь могилу для него». Тут названный старшина, откликаясь на высказанную просьбу, отправил несколько лиц мужского пола, чтобы вырыли они для того – якобы покойного – арестанта могилу на кладбище.

После того как верхне-дженгутайцы могилу вырыли, один из тех цудахарцев сказал им: «Да умножит Аллах воздаяние вам в значительном размере! Возвращайтесь теперь по своим домам», – а произошло это в том промежутке времени, что между вечерней и ночной молитвами. Затем цудахарцы приблизились группой к могильной яме, которую подготовили им люди, присланные старшиной, забросали её землёй и в конце концов, сравнив с поверхностью земли, уподобили это своё произведение уже имевшимся в Верхнем Дженгутае могилам. Совершив всё то, что сказано здесь, цудахарцы эти возвратились затем в своё селение вместе с арестантом.

Вскоре, однако, *когда стали собираться мудрые люди из числа пленных-арестантов,^а весть о факте отправки того арестанта-цудахарца, которого якобы похоронили тогда на верхне-дженгутайском кладбище, направлена была в крепость Шура. Тут сделан был запрос о нём и в ответ та группа цудахарцев, которая вела его в своё время в сторону Дженгутая, заявила: «Мы вели запрашиваемого вами пленного-арестанта в Шуринскую крепость, но, когда приблизились мы к селению Верхний Дженгутай, он – арестант – умер прямо на дороге, и мы поэтому вынуждены были похоронить его на верхне-дженгутайском кладбище». У русских начальников, однако, возникли тут сомнения в том, что названный пленный-арестант действительно умер и похоронен на упомянутом кладбище. Поэтому они отдали приказ раскопать ту могилу, чтобы рассмотреть её содержимое.

Итак, могила была раскопана и там нашли одну только землю. Тут русские начальники заявили членам той группы цудахарцев, что вели в своё время пленного-арестанта в крепость Шуру: «Ну что же, в Сибирь мы отправим вас вместо того арестанта, если только вы не передадите его в наши руки». В ответ цудахарцы вновь задержали

^а Не исключён перевод: *когда стали собирать начальники-хакимы арестантов.*

упомянутого здесь человека и затем под арестом отправили его к начальникам в Шуру.

Да вот ещё: сколько раз было так, что в местах заключения отец оказывался отлучённым от своих малых детей – от сынов и дочерей, муж – от жены, тот или иной человек – от своих братьев!

После²³¹ проведения арестов, что имело место в различных селениях, *русские и их пособники стали отягощать жителей селений*, расположенных в окрестностях крепости Гуниб – тех из них, *кто остались не подвергнутыми задержанию и арестам*. Их они заставили таскать в Хубитль (*ХИубикъ*) лес, траву и ячмень – солдатам, которые находились там, и их лошадям. Людей этих выводили вдобавок ещё и на работы по ремонту государственных (*началихъ*) дорог. *Отдыхать спокойно в своих домах им не давали*. Дело здесь доходило до того, что те уже мечтали о смерти, предпочитая её реалиям жизни, завидуя, таким образом, покойникам.

Мы также слышали, как некоторые из людей – оставленных в Дагестане без каких-либо задержаний и арестов – говорили, и причём многократно: «Лучше бы уж отправили нас в Сибирь, как тех, что ушли туда». Происходило же это, как видится, из-за сильного вреда, исходившего со стороны русских, который действовал на жителей названных селений, а также – от мерзости русской мощи, которую ощущали они на себе.

Как же велико бедствие, что свалилось на этот край! Подобное, как мы слышали, поражало в древности лишь племена, именуемые *ад* и *самуд*, а также *людей колодца и канавы*.^а Я лично, правда, полагаю, что все эти несчастья постигли жителей [дагестанских] селений из-за распространения ненужных «новшеств» (*бида*) в их среде, а также – лести в отношении наглецов, именуемых начальниками-*хакимами*. Однако истинное положение дел у обитателей земли и небес лучше всего знает всевышний Аллах!

После всех тех событий умножились беды и смуты среди мусульман, возросли противостояние и темп распада [социальных] связей между людьми. Поверхность земли заполнилась насилиями. Мир по отношению к мусульманам стал в результате как бы тёмным. Начальники дошли в своих действиях ну прямо-таки до края – в сфере насилия и тирании. Для регулирования же человеческих

^а Коранические образы.

взаимоотношений в ходу осталось теперь одно только местное право (*расм*).²³²

После свершения тех событий, о которых сказано выше, в руки русских попало большинство людей, сумевших убежать из селения Согратль. Это, однако, не коснулось хаджи Алибека Чеченского: куда именно он пошёл из Согратля, так и не узнали тогда.

Итак, укажем: часть лиц, относящихся к категории убежавших из Согратля, позднее пришли к русским сами, с просьбой о предоставлении им пощады. Другую часть их арестовали со временем наизбы или сдали свои же собственные приятели. Ещё одна часть их бежала прочь и никто не знает, куда они пошли.

Что касается, например Абдулкарима-хаджи Дженгутайского, учёного устанавливавшего истины, то он убежал рано-рано утром, причём в тот самый день, когда пришли «прислужники» генерала Меликова, чтобы задержать его и отдать затем под арест. Этот хаджи Абдулкарим сумел, таким образом, спастись от людей Меликова – не попал в руки их – и куда именно пошёл он, никто так вначале и не узнал. Люди были в состоянии ну прямо-таки изумления по поводу тех действий Абдулкарима и положения дел, которое тогда сложилось у него.

Затем от него пришло письмо с разъяснением, что он, хаджи Абдулкарим Дженгутаевский, прибыл живым-здоровым в Стамбул. Там, однако, этот человек прожил недолго. Как сообщило другое письмо, поступившее от людей, которые находились рядом с этим Абдулкаримом, он там же в Стамбуле и умер. Да помилует Всевышний этого дженгутайца!²³³

17. Концовка:

Человек, который был в своё время письмоводителем у Алибека-хаджи Чеченского, рассказал нам,²³⁴ что тогда, когда сам он находился в заключении в крепости Кизляр (*Гъизлар*), заявился в названное место хаджи Алибек, будучи уже арестантом со сбритой бородой. «Я – продолжал этот бывший письмоводитель, – узнал Алибека, как только увидел его. Используя беспечность, допущенную караульщиками, я спросил тут хаджи Алибека об обстоятельствах его прихода в Кизляр, и он рассказал мне следующее: я-де находился в одном из селений Чеченского округа и там услышал, как

мужчины говорили: «Вот если бы этот Хаджи-Алибек сдался русским, то они отпустили бы из тюрем задержанных и, таким образом, позволили бы им наконец обрести покой в своих домах»; я начал тут размышлять о том, что может быть стоит принести себя в жертву ради них – самому уйти в могилу и через это дать покой людям находящимся в заключении; вот ради этого-то я и сдался русским».²³⁵

Старый Кизляр (XIXв.)

В один из дней неверные вознамерились повесить часть заключённых, находившихся тогда в Кизляре,²³⁶ а остальных сослать в Сибирь.²³⁷ Вот тут-то русские караульщики и вывели хаджи Алибека Чеченского из его тесной камеры, чтобы доставить к виселице, но хаджи Алибек вытащил тут нож, который, оказывается, был у него тогда, и нанёс им раны солдатам, что находились около него. Последние, однако, сумели там же забить его своими штыками. Да простит всевышний Аллах этого хаджи Алибека!

В числе тех, кто повешен в Кизляре, был и хаджи Умма Чеченский. Вышеупомянутый письмоводитель рассказал, что хаджи Умма, когда шёл он к виселице, говорил – практически как настоящий проповедник – следующие добрые слова: «Я полностью согласен с решением всевышнего Аллаха, которое пришло ко мне при таких вот обстоятельствах. Я иду сейчас в место, которое находится близко, а вы пойдёте в места, что лежат далеко. Оставайтесь и там

богобоязненными. не противоречьте Его приказам и запретам. Терпите поэтому то положение, в которое вы попали, ведь в Коране сказано «Всякая вещь гибнет, кроме Его лика. У Него решение, и к Нему вы будете возвращены».⁸ Хвала Аллаху, я лично доволен решением, исходящим от всевышнего Аллаха. Он великий и мудрый!»¹³⁸

Когда мы увидели атаку целых армий, состоявших из неверных, направленную на шейха Абдурахмана-хаджи Согратлинского, то начали горевать по нему. Поэтому-то, находясь тогда над комнатой нашего богобоязненного брата Мухаммада Дженгутайского, и произнесли мы нараспев ряд стихотворных строк, чтобы послужили они примером для грядущих поколений.

Алибек-хаджи Алдамов в тюрьме

⁸ Коран, XXVIII. 88.

Когда прекратились описанные выше беспорядки, произошло следующее:

потеряли свою целостность наука и ряды учёных;

возвысились местное право и те, кто судили-рядили по его нормам (*русам*);

все люди склонились на сторону русских и, опустив головы, подчинялись им;

был укреплен статус их тетрадей (*дафтар*) и самого их содержания, при том, что коранические тексты оказались отброшенными без всякого уважения назад;

со стороны главарей-старшин умножился гнёт в отношении людей бедных и жалких, в результате чего стали те растерянными, похожими во многом на пленных-арестантов; а как же иначе!

учёные мужи приблизились к начальникам-*хакимам*, *ради привлечения их на свою сторону.^a

А может быть, всё это условия грядущего прихода Малого Судного дня и симптомы приближения великой катастрофы, о чём есть повествование в хадисах нашего Пророка, то есть – условия и симптомы наступления конца света? Ну так что же, «Поистине мы принадлежим Аллаху и к Нему мы возвращаемся».^b Мы надеемся только на Аллаха, ибо «Решение»... «у Аллаха высокого, великого».^c Аллах всё может и поэтому именно за Него держимся мы в своём противостоянии злу, которое кроется в нас, а также – нашим гнусным деяниям и поступкам.

Когда увидели мы затем подчинение наших самых великих людей приказам, исходящим практически от сатаны, эти попытки их украсить себя одежаниями сатанистов, да ещё так, что вообще начинаешь сомневаться: имеется ли на них какая-либо одежда?, – то тут обратились мы с жалобой на это к всевышнему Творцу. Жёстко предостерегая тех, кто, отступив с [наших позиций], повернулись в другое направление, я признёс несколько двустий – может быть, это позволит подвести итоги тому, что свершилось, и убрать с глаз то, срок чего уже прошёл.

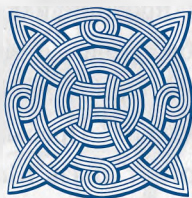
^a Не исключено, что в наличном списке арабского текста имеет место описка и соответственно он имеет следующее значение: *ради переноса на себя права на вынесение постановлений-хукм*.

^b Коран, II, 151 (156).

^c Коран, XL, 12.

Далее, когда я^а увидел, что наши учёные и мудрецы стали заседать в судебных присутствиях, созданных неверными, – с целью прекращения споров, возникающих между людьми, но действующих, однако, по нормам местного права и существующему в их среде обычаю (*адат*), причём в согласии ещё и с русским законом (*закон*), – то произнёс я ряд двустий, чтобы послужили они назиданием им, а одновременно и предостережением для мудрецов и людей, способных мыслить.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

^а В тексте: он.

III. Хасан-эфенди Алкадарский
О состоянии Дагестана после сдачи
Шамиля-эфенди Российской державе
(из «Асари-Дагестан»)

Перевод текста

После сдачи Шамиля-эфенди водворено в Дагестане Россией спокойствие и облегчение. В каждом округе из рядов самого населения [Дагестана] образованы ныне сельские суды,¹ расставлены кадии² и наибы, и, таким образом, осуществляется правосудие. Однако, среди дагестанского населения и в таких условиях возникали иногда движения против существующего порядка, и тогда виновные подвергались соответствующему наказанию.

В Джарском округе³ выступил, к примеру, человек по имени Хаджимуртуз.⁴ Он убил там одного генерала,⁵ но был всё же под конец арестован и сослан в Россию.⁶ Вред, произошедший от его [акции], затронул там многих лиц.⁷

В одно время выступил в Чечне некто по имени Кунта-шейх.⁸ Он собрал вокруг себя народ, но был арестован ввиду совершения им такого преступления, а затем сослан в Россию.⁹

В 1283/1866 году провинились жители некоторых селений Кайтага и Северного Табасарана – они, подняв восстание, совершили нападение на русское окружное управление (*диван-хана*), открытое в селении Маджалис.¹⁰ Пребывавший в то время в Темир-Хан-Шуре генерал-адъютант князь Меликов, правитель Дагестана, заявился поэтому туда с войсками. Он арестовал тогда виновных в восстании, повесил трёх-четырёх человек из числа главарей, разрушил селение Шиляги (*Шилагьи*), бывшее очагом этого зла, и ещё селение Нижний Гасик (*Гьасикъ*), служившее местожительством для многих лиц, виновных в соучастии, а затем переселил жителей их в Россию.¹¹

حاجی مورتوز بلوکانسی
Хаджи Муртуз — глава восставшего населения За-Кавказья.

Хаджимуртуз Белоканский

Шейх Джамалудин Казикумухский, вдохновитель Джаро-Белоканского восстания 1863 г.

Шейх Кунта-хаджи

М.Г. Джемарджидзе
(подавлял восстание 1866 г. в Кайтаге и Табасаране)

В 1294/1877 году произошло событие, которое хуже всех тех, что упомянуты выше. Дело в том, что когда возникла война между Россией и Османской державой, дагестанское население подняло на этой стороне восстание и в результате подверглось многим лишениям и бедствиям, причём ввиду остроты момента, во многих слу-

чаях нельзя было установить истину, и, как говорят, «в пламени сухих дров стали гореть и сырые».¹²

Некоторые подробности тех событий проясняются [для читателей книги] из следующего письма, составленного мною и направленного сыну моему Абумуслиму, находившемуся в то время на службе в Петербурге, при Его величестве императоре, в его собственном конвое:

Абумуслим мой дорогой, ☼☼☼ голубчик добронравный мой!
Будь долговечен, жив и цел, ☼☼☼ да будет счастлив твой удел,
А покровителем в делах ☼☼☼ тебе пусть будет Лулак-шах.¹³
Затем, вся суть мечты моей ☼☼☼ в счастливой лишь звезде твоей.
А если спросишь обо мне, ☼☼☼ и нашей сей родной стране,
Хвала – Аллаху, жив и я, ☼☼☼ и дяди, братья, мать твоя,
Родные все за ними вслед. ☼☼☼ Но много нас постигло бед.

Сверкнуло колесо судьбы, ☼☼☼ сойдя с дороги правды прочь.
Картины смуты и борьбы ☼☼☼ изобразить мне здесь невмочь.
Порвалась вдруг событий нить, ☼☼☼ ослёнок вздумал львом зажить.

Завеса тайны сорвалась ☼☼☼ с лица судьбы, и началась
Кровопролитная война, ☼☼☼ и горе всем несла она.
И в прах презренья вдруг упал ☼☼☼ и чванный бек, и генерал.¹⁴

Ведь был наш Дагестан родной ☼☼☼ беспечно спавшею страной
Под властью русского царя. ☼☼☼ Народ жил лучше, чем теперь.
Нежданно согратлинцы (*сугърак*) зря, ☼☼☼ ошибкой злу открыли
дверь.

Подняли шум, что Гумри взял,¹⁵ ☼☼☼ в нагорье турок уж пойдёт.
Сегодня-завтра, рать собрав, ☼☼☼ Шамиля сын в Гуниб придёт,
Шуру возьмёт Албек-хаджи, ☼☼☼ очистят русские страну.
Сплели *хабары* так из лжи, ☼☼☼ что уж не веришь ничему.
До глупости такой дошли, ☼☼☼ что главаря себе нашли:
Хаджи Абдурахмана сын ☼☼☼ восстанья центром сделан был.
Халифа, мол, заменит он, ☼☼☼ на всё есть у него закон.

Таким примером увлеклись ☸☸☸ Кумуха (*Гъазигъумукъ*) также жители.

И скопищем обрушились ☸☸☸ они на крепость. И пошли, Убив начальника [Чембер], на сход, ☸☸☸ где выбран ханом был Джафар.

Избраньем ослеплённый, тот ☸☸☸ повёл войска на Цудахар (*Зудакъар*),

Вовлѣк Сюргинский (*Сурх/и*) край в борьбу,¹⁶ ☸☸☸ Муги (*Мух/и*) и прочих сѣл гурьбу.

Проникло пламя и в Кайтаг,¹⁷ ☸☸☸ где злее каждый стал бедняк, Где пыл борьбы не угасал, ☸☸☸ Башлы же центром смуты стал, Начальник округа сбежал ☸☸☸ с людьми в Дербент из Маджалис, А Махди-хан *уцмием* стал,¹⁸ ☸☸☸ не зная, как от масс спастись.¹⁹

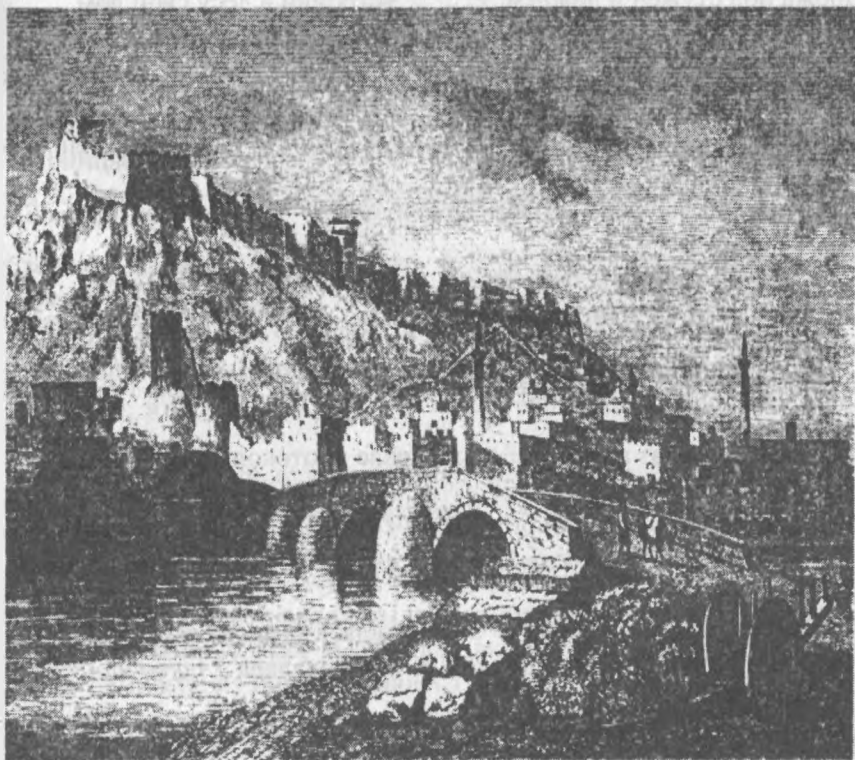
Селение Маджалис

В Табасарани Северной ☸☸☸ на власть был выбран Кумалат (*Къумалат*),²⁰

А из Кюры в беде такой ☸☸☸ сбежал в Баку начальства штат.²¹

Кюринцы тут в восторг пришли, ☼☼☼ в долинах свой уют нашли.
Находкой стала воля там, ☼☼☼ предались смело грабежам,
Пошла резня, но срок спустя, ☼☼☼ избрал народ себе вождя:
Стал ханом Мухаммадали,²² ☼☼☼ и стар, и млад, за ним пошли.

А Южная Табасарань ☼☼☼ одобрить это всё спешит:
Ох, без майсума (*maglsum*) каждый хан ☼☼☼ нас, дескать, всюду
пристыдит.
Майсумом бедный Аслан-бек²³ ☼☼☼ стал, как достойный человек.
Ахтынцы также в бунте том ☼☼☼ участие приняли потом.²⁴
Газиахмад их ханом стал²⁵ ☼☼☼ и в новом сане ликовал.

Карс и его цитадель

Он славу приобрести решил, ☼☼☼ в Кубу с войсками поспешил.²⁶
О горе! О беда нам всем! ☼☼☼ Как много зла везде опять!
Меж ними не нашлось совсем ☼☼☼ толковых личностей хоть
пять.
Спокойно не сидел никто, ☼☼☼ всколыхнулось воров гнездо.

Кюра примерно без властей ☼☼☼ осталась пятьдесят лишь дней,²⁷
И облик потеряв людской, ☼☼☼ волкам подобно, с волей злой
Все стали грабить, воровать, ☼☼☼ почти друг друга поедать.
В поля бежали бедняки, ☼☼☼ и с ними там в стадах быки
Ревели в унисон совсем. ☼☼☼ А вдовы, сироты меж тем,
Дрожа под стужей и дождём, ☼☼☼ устроили в лесу свой дом.
Ютились люди под скалой, ☼☼☼ в пещере находя покой.
В Нютюге (*Нутугъ*) властный Абакар ☼☼☼ скакал верхом, как
славный царь.

Стал вождь воров – Мукуц (*Мукут1*), и с ним ☼☼☼ был Чилихар-
ский (*Чиликъарлу*) вор Мирим,
А в Куге (*Кугъ*) вор – Ашур-злодей ☼☼☼ и Хаджихан-прелюбо-
дей.

Мазан злодеем стал в Заза, ☼☼☼ и там же стал лисой Мирза.
Судьёй Самад в Яраге (*Ярагълар*) стал, ☼☼☼ хан в Хаки-кенте
стал Устар (*Уст1ар*).

В Кабире (*Къатир*) стал Вали как царь, ☼☼☼ в Испике Исрафил –
хункар.²⁸

Афат и Шахнамаз ведут ☼☼☼ в управе протоколы тут.²⁹

В Дербент, в Кубу пошли опять ☼☼☼ лезгины толпами бежать.³⁰
И в Астрахань (*Х1аджит1архан*) семейные ☼☼☼ поехали ведь
многие,³¹

А часть из них на кораблях ☼☼☼ осталась здесь на якорях.
На всякий случай я сбежал ☼☼☼ из Алкадара (*Алкъадар*) сам в
Дербент,
Мой дядя тоже прискакал ☼☼☼ с бежавшими из разных мест.
Нас встретили упрёками, ☼☼☼ болтун нас каждый осуждал.
Потом в тюрьму попали мы, ☼☼☼ а кой-кто дело выяснял.

В конце же буря разрослась, ☼☼☼ как вихрь холодный, против нас.

Войска в ряды построили ☼☼☼ и пушки приготовили.

Князь Меликов Шуринский сам ☼☼☼ приказ своим дал агентам, Чтоб Цудахар весь истребить, ☼☼☼ Согратль же в мусор превратить.

Джафар и чохцы схвачены,³² ☼☼☼ юнец *имаом* названный, И много лаков (*ахл гьумукь*)³³ и других ☼☼☼ все испытали злую месть.

С семьёю многие из них, ☼☼☼ покинув дом, ушли с сих мест.

Газиахмад с детьми бежал ☼☼☼ в Аварию, но в плен попал.³⁴

А Комаров же генерал ☼☼☼ в Юждаге уж поджѐг Башлы,³⁵ Дюбек (*Тлубак*) и Янги-кент он взял, ☼☼☼ в кострах сгорели и они,³⁶

Его приказом казнены ☼☼☼ Махди и Кумалат с людьми.³⁷

Буянов всех он разогнал, ☼☼☼ потом народ весь обласкал.

Кюринцы же с самурцами ☼☼☼ к нему с раскаяньем пришли.

Ах, много было всяких дел, ☼☼☼ но очень боязно писать.³⁸

Смягчит Аллах лишь наш удел, ☼☼☼ Его б лишь милость нам снискать.

Ведь Он причина всех причин, ☼☼☼ Он волен, снизить и поднять.

Сердцами правит Он один ☼☼☼ и волен силу ль, слабость дать.

Надеемся, что даст властям ☼☼☼ Он склонность к добрым лишь делам.

Мой сын, закон наш исполняй ☼☼☼ и зла не делай никогда.

Мамнуну³⁹ вести посылай, ☼☼☼ мой свет очей, хоть иногда.

В общем, в результате той смуты многих виновных повесили, а кроме того много народу было выслано в Россию вместе с семьями. Большинство этих высланных людей умерло там же, и лишь очень немногие из них, оставшиеся в живых, были возвращены оттуда в Дагестан, на основании всемилостивейшего манифеста, выпущенного при восшествии на престол Его императорского величества Александра Александровича Третьего, государя-императора российского. С тысячью лишений предались они здесь заботам об

обретении средств к жизни и стали понемногу оживать, и я, несчастный Мамнун, состою в числе их. Какая в этом, однако, польза, когда разрушена Басра.⁴⁰ Впрочем, то, что является правильным, лучше всего ведаёт Аллах.

Александр III

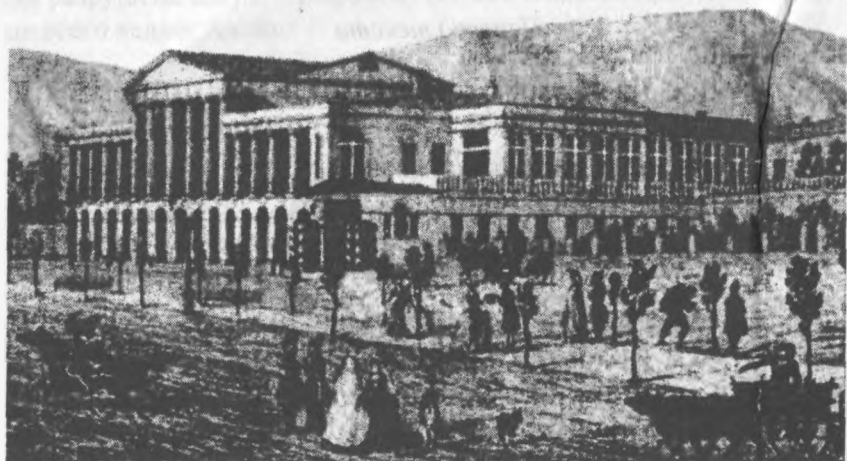
IV. Захват Цудахара
(аварская песня)

Перевод текста

Эй, люди, послушайте! Давайте-ка, я вам кое-что расскажу!

Со дня своего зачатия во чреве матери,
С оружием на улицу не выходивший,
С того времени, как сочли его совершеннолетним,
К лошади не подходивший и никогда не джигитовавший (*гьунар гьаби*),
Один человек встал вдруг в Анада,
И объявил себя *беком* Дагестана.¹
Он отправил затем письма в Тленсерух и Карах,
А тут ещё привели [к нему] главарей томуральцев (*тIомурал*).
Тем временем тленсерухское войско подготовилось к войне,
И, наконец, уселось на коней, грызущих железные удила.
Одев на себя оружие, которое хвалили даже черкесы,²
Воины прибыли в Анада отрядами и встали там.

Услышав вести об этом,
К командующему (*салдар*), который пребывает в Тифлисе,³
Направил Меликов (*Маликон*) письма следующего содержания:
«И те, кто получали от нас жалование, сразились против меня,⁴
И судейские чины (*диван-бег*) подло схитрили,⁵
И *солдаты* мои лишены сейчас провианта,
А сам я всего абсолютно лишён.
Так что же тут сможет «вылечить» этот Дагестан?»
Командующий, получив от Меликова письма такого рода,
Провёл совещание (*диван*), на которое пригласил попов, •
А также с чинами судейскими он думы свои тогда разделил.
Сразу же по завершению этого совещания, выйдя на улицу,
Взял сей проклятый командующий в руки Евангелие, а подмышку –
крест,
И трижды – да будет он убит! – отбил следующую телеграмму:
«Пока жив Мухаммад Гоцинский,

Дворец наместника Кавказа в Тифлисе

Разве оставит он солдат твоих без провианта?
Пока койсубулинские (*хьиндалал*) войска находятся под рукой,
Как же ты, Меликов, можешь быть лишён всего?
А поэтому, если уйдет сейчас гордый Дагестан из рук твоих,
То на трон твой я поставлю солдат,
А тебя просто засуну в их среду».

По получению таких вестей от командующего,
Русский Меликов приготовился воевать:
Взяв пушки, чьи громкие выстрелы сотрясают небеса,
Поведя за собой конницу, которая продвигается как бы с шелестом,
И ещё – *казаков*, пользующихся особой известностью на берегах
Терека (*Терк*),
А также – русских [солдат], которых повыбирал он тут из крепостей.

Взял он также и ружья, те с которыми ходят по почтовым дорогам,
И полные повозки денег.

Итак двинулся теперь этот Меликов на Дагестан:⁶
Маленькие села, он тут просто под ноги свои подмял,
На большие же города руку свою наложил.
Лишь только один красивый город не капитулировал тогда перед
ним!

Тут Меликов, расположившись у входа в этот населенный пункт,
Написал следующие письма, которые переданы были затем Ника-
кади:

«Приходи-ка ты для заключения мира, эй, Ника-кади!

Тут за [должностью] кадия вашего я жалование сейчас запишу.

Тому же, кто станет этим кадием, дам я ещё и погоны (*чин*),

Без орденов-медалей (*килас-...*) никого не оставляю.

Если же, однако, не согласишься ты на такие условия мира,

То направлю я гордых казаков, чтобы «поучили» они ваших деву-
шек;⁷

Ваши большие улицы, на которых базар проводят,

Я попорчу, для чего приведу дружины (*дуржина*),⁸

Большую мечеть вашу, где проводят в два приёма пятничный мо-
лебен,

Я испачкаю, для чего во дворе её лошадей привяжу».

Козаки, вторая половина XIX в.

Швырнув эти письма Меликова в огонь,
Ника-кади написал тут новые письма, следующего содержания:
«От таких речей, что ведешь ты, пользы тебе не будет.
Выходи-ка ты лучше на бой, эй, русский Меликов!»

Итак, началось на рассвете между ними сражение.
Однако, не успел рассеяться дым, выходящий из пушечных стволов,
Как бросилось бежать томуральское войско.⁹
Прежде, чем застыла кровь на сабельных клинках,
Сели на коней люди, которые находились в разных местах,
И вот результат: наши большие улицы, на которых проводят базар,
Портят уже, для чего привели названные выше дружины;
Большую мечеть, где проводят в два приёма пятничный молебен,
Пачкают уже, для чего во дворе её лошадей привязали;
Гордых наших девушек, которые раньше только что по воду-то и
ходили,
«Приручают» ныне гордые казаки.
Ой, надеюсь, не умер Чарак,¹⁰ не умер этот Чарак!
Наверное, он просто заснул в седле.
Ой, если Чарак не умер, если Чарак не умер,
То почему же повернули назад томуральские войска?

Стихи о восстании 1877 года

1. «Бунту 1877 года»

Перевод текста

Изъято всё: и дом, и скот...
Изъята радость навсегда.
О, сколько плачущих сирот
В чужбину погнала беда.

Не страшно за свободу пасть,
Куда страшней зазря пропасть.
Мирзы-Хасана¹ нет – напасть,
Какая к нам пришла беда!

За правду ты, Хаджимурад,²
Терпел нужду и боль утрат.
Семья твоя разбита, брат,
Достойных извела беда.

О, подожди, имперский гнёт,
Расплаты час к тебе придёт.
Всему на свете свой черёд:
Нас к бунту привела беда!

По К.Х. Акимову

Страшное зло исходящее от России
Когда-нибудь повернётся против неё самой.
Брат, ты размышляй:
Это ведь каждому известно.

Конвой ударил Шихбубу,³
А он лишь прикусил губу.
Нет, мы не бросили борьбу,
Хотя нас в плен взяла беда.

Абдулхамид, ты был пророк,
Немало нам оставил строк.
Но вдруг, нагрянув словно рок,
Тебя во тьму свела беда.

Защитник бедных и кумир,
Агамирза покинул мир.
Кюра, Самур – сплошной пустырь:
Как суховой, прошла беда.

Друзья мои, вы где сейчас?
Эмин обнять мечтает вас.
Мы ждём: придёт желанный час –
Сочтёмся мы с тобой, беда!

По К. Х. Акимову:

Казиахмад-хан⁴ – львиное сердце,
Единомышленник обитателей рая,
Во главе *шахидов*-мучеников за веру,
Ушёл он в вечность от этой беды.

Поддержка для отца Нура,
Ставший братом Абдулвахид,
Защитник обездоленных,
Остался без богатства ты.⁵

2. «Где же – ?»

Перевод текста

О, люди! Не конец ли это света
Настал для непокорных мусульман?
Где *хан* Кюринский?⁶... Не слышать ответа...
И где учитель наш Мирза-Хасан?

Земля да будет пухом для джигитов,
В кровавой схватке наповал убитых.
Спит Умалат-бек,⁷ саваном укрытый.
О, где теперь наш шумный годекан?

В Россию сослан Аслан-бек⁸ навеки,
Хамида-эфенди закрыты веки,
Попала пуля в ногу Махди-бека,⁹
Хаджимурада¹⁰ не спасёт Лукман.¹¹

За что Аллах послал на них напасти
И не сберёт от бремени несчастья?
Душа, как лист, разорвана на части,
Неужто справедливость лишь обман?

Где *тарикат*, где *шариат*, где правда?
Где прежних лет наследственное право
И подвигов воинственная слава?
Где дерзкий дух, что предками нам дан?

Аулы почернели от печали,
В края чужие соколов сослали.
Надели вдовы траурные шали,
Окутал горы сумрачный туман.

Етим Эмин не спит ни днём, ни ночью,
Скупые слёзы застилают очи,
Но сердце, как поток в горах, грохочет.
О, где же милосердие, тиран?!¹²

3. «Наибу Хасану»

Перевод текста

Эй, дорогой наиб Хасан,¹³
Постигший смолоду Коран,
Учёностью ты осиян,
Могучий, как султан, наиб.

Когда твоих придворных круг
Противиться не станет вдруг,
Я о случившемся, как друг,
Тебе поведаю, наиб.

Повествованья вещей плов
Сварить правдиво я готов.
Кляня *хакимов*, как врагов,
В бой поднялась Кюра, наиб.

Сумели горцы в свой черёд
Оставить, кинувшись вперед,
Дыру от крепостных ворот
Во славу мятежа, наиб.

Бунт разгорался как пожар,
Об этом огненный *хабар*
Летел, всё ставя под удар
Перед отставшими, наиб.

Под власть огня и топора
Попала разом вся Кюра.
А тут уже не жди добра,
Сам понимаешь ты, наиб.

Бунт ярость нёс в своей груди,
Поставив горцев впереди,
А твой, сраженья посреди,
Приказ не слышен был, наиб.

Земля от ненависти нас
Укрыть не может в грозный час,
А до небес нам всякий раз
При жизни далеко, наиб.

Когда безумствует толпа,
От кровожадности слепа,
То от закона лишь щепя
Летит, как водится, наиб.

Бездельники впадали в раж,
Абреков прославляя блажь,
Чтоб из чужих напиток чаш,
Чужой лаваш прибрать, наиб.

Бежали тысячи от них,
Чтобы среди земель степных,
Хоть нищими, зато в живых
Остаться под луной, наиб.

От совершавшегося зла
Урону не было числа.
Теперь закона удила
Ты должен натянуть, наиб.

Хакимы, прав иль виноват,
Судить всех принялись подряд.
А суд такой, как говорят,
Рождает ненависть, наиб.

Одни бежали, а других
Едва ли отыскать в живых,
А третьи – от скорбей людских
Слезами изошли, наиб.

Легко под пыткой умереть,
И спины разрывала плетью.
И, чтоб не бунтовали впредь,
На всех нагнали страх, наиб.

Одних отправили в острог,
Других в Сибирь, а третьим Бог
Своею милостью помог.
Последним повезло, наиб.

Етим Эмин давно не юн,
И бед его тяжёл *хурджун*.
Став одиноким, как Меджнун,¹⁴
Тебе он написал, *наиб*.

1. От наиба Мухаммада – сына Хасана, – имаму

Перевод текста

Я¹ несколько раз приказал воинам, собранным здесь, чтобы не подходили они к крепости² и не стреляли бы по ней. Карахцы, однако, подошли к ней всё-таки, и в результате русскими убито было пять человек из числа их.

Я полагаю в данной связи, что над этими воинами нужно назначить одного человека в качестве старшего начальника, который бы и удерживал их от беспорядков.

8-е число месяца рамазан.³

2. От араканца Усман-хаджи и салтинца
Бац-Мухаммада – Мусе-хаджияву и Мухаммадкади,
жителям селения Ирганай

Перевод текста

Хитинавас-кади Гоцатлинский, приехавший из Турции с хорошими вестями от Газимухаммада, обрадовал весь народ, результатом чего и стало то, что казикумухцы и даргинцы поднялись на это восстание. Назначив над собой старших: казикумухцы – Джафара, цудахарцы – своего Маленького-кади,⁴ а акушинцы – Чарака, начали они действовать против русских. Так, к примеру, Джафар разрушил уже казикумухскую крепость, перебил всех русских, а женщин забрал в плен.⁵

А вот вам другая весть: Газимухаммад прибыл с войском в пределы Грузии⁶ и расположился около реки Куры. Это верное известие и вы поэтому начинайте действовать.^а

19-е число месяца рамазан.⁷

^а Имеются приписки, сделанные, возможно, начальником Дагестанской области: *Бац-Магомед арестовать, Осман Гаджия дать под полевой суд; 30 ноября отправлен в ссылку Бац-Магомед.*

Газимухаммад

**3. От великого наиба Мухаммада Чохского –
сына Давуда, – имаму**

Перевод текста

По Вашему приказанию я немедленно отправил войско в назначенное Вами место, а также выслал нарочного в селения Обох и Мегеб.

29-е число месяца рамазан.⁸

4. От наиба Мухаммада Цунтинского – сына Кара-хаджи, – имаму

Перевод текста

2-го числа месяца шавваль⁹ у нас убито 80 человек, а кроме того, есть и раненные. У неприятеля, однако, потери больше этого.

Наши люди дрались отчаянно, невзирая ни на что. Духом они после таких потерь не упали, готовы и дальше драться до последней капли крови.

5. От кадия Амиралилава – имаму

Перевод текста

Несколько человек, из числа наших, имели стычку с русской командою на Георгиевском мосту.

Следует отметить, что между русскими они заметили тогда известного Вам человека по имени Андалав и ещё одного всадника.

Я слышал также, что жители Дарада-Мурада помогают русским с доставкой провизии им. Прошу удостовериться в этом и, если нужно, наказать их.

4-е число месяца шавваль.¹⁰

6. От наиба, учёных и от всего Тиндинского общества – имаму

Перевод текста

К нам прибыл Ваш *вакиль* Абдулла Цулдинский¹¹ в сопровождении ста пятидесяти человек, чему мы очень обрадовались. Дело в том, что наши соседи цунтинцы потерпели большой урон от русских и больше не в состоянии оказывать помощь, между тем как дошли до нас слухи, что идут по направлению к нам русские войска.

Мы сейчас поэтому посылаем к Вам человека, а именно – предьявителя сего письма, с тем, чтобы к нам была бы прислана через него соответствующая помощь, и мы смогли бы, таким образом, купить порох.

Если Вы откажетесь предоставить нам названную помощь, то мы, с помощью Бога, все равно будем драться с русскими войсками, хотя бы и пришлось нам делать это в одиночку.

11-е число месяца шавваль.¹²

7. От Мухаммада Гоцатлинского – сына Хасана, – Хаджиали Чохскому

Перевод текста

Махама – сын Доногоно, – идёт¹³ сейчас с войском в направлении Койсубулу (*Койсубоюн*). Ты со своей конницей приезжай [поэтому] в Салта, к завтрашнему утру, а письмо это отправь имаму.

16-е число месяца шавваль.¹⁴

8. От Цудахарской общины – Мухаммаду Согратлинскому – сыну Али

Перевод текста

Мы имеем по отношению к Вам несколько просьб:

а) Не освобождайте из-под ареста 6-х человек, выданных Вам нами, до тех пор, пока не победим мы русские войска, которые сейчас находятся в Левашах.

б) Левашинский отряд русских укрепляется. Поэтому наши войска, после соединения с Вашими, должны двигаться именно туда. От имама же потребуйте Вы дополнительные войска, чтобы, однако, выступили они в направлении Кутиша. Иначе же, а именно – если названный русский отряд останется на своём месте до зимы, то трудно будет нам содержать в названное время года нашу скотину.

Сделайте распоряжение, чтобы войска имама не трогали собственности жителей тех мест.

18-е число месяца шавваль.¹⁵

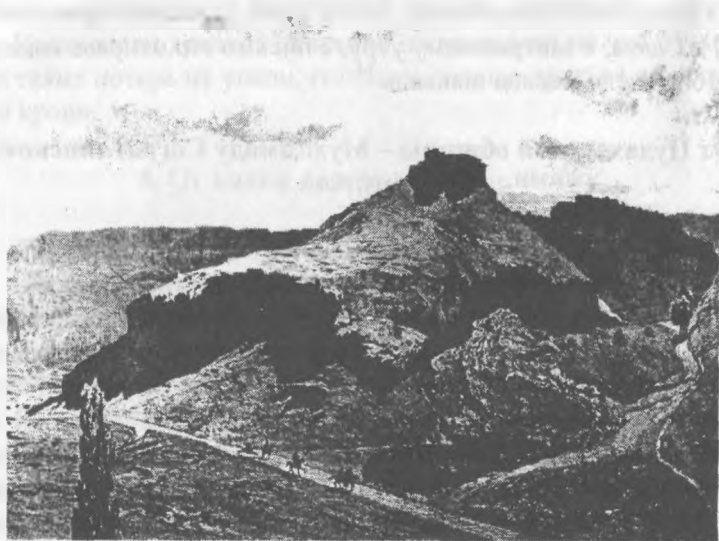
9. От вакиля Махамы – сына Али, – имаму

Перевод текста

Здесь наших войск сейчас не много – большая часть воинов, находившихся в моём распоряжении, разошлась по домам в связи с тем, что они ранее слишком уж долго оставались в этих местах. Поэтому-то мы и послали теперь Абдулмаджид-бека,¹⁶ чтобы собрал он в деревнях своих новых людей – столько, сколько возможно – и затем прислал бы их к нам. Написали мы также и другим лицам, чтобы и они собирали людей.

Всех людей, кои сейчас находятся при нас, мы расставили в качестве как бы стражи: начиная от Сюрги и до Куппы. Этим людям, однако, явно недостаточно.

Акушинцы опять помирились с русскими. Они, воистину, не покорятся нам, если их не убивать, не грабить и не жечь их дома.¹⁷

Старая Акуша

Свои войска я думаю поставить теперь на том месте, о котором говорил Муртазаали.

Не верьте тому, что князь Меликов прибыл в Левашу, да ещё с большим числом войск. В Левашу приехал ныне только лишь Бибутов¹⁸ с конницей, которую собрал он на Плоскости, и с одной сотней казаков. Солдаты же вместе с ним не прибыли.

От конницы, которая была ранее в Левашах, ничего не осталось: одних конников убили, других взяли в плен, а остальные разбежались.

Подробности расскажет Вам податель сего письма – человек по имени Али, сын Хаджи.

18-е число месяца шавваль.¹⁹

Печать Махамы, сына Али.

10. От наиба Мухаммада – сына Хасана, – имаму

Перевод текста

Я²⁰ получил письмо от Голотлинской общины-джамаата, в котором сообщается, что неприятель вошёл в Голотль и занял мост.

Люди наши, живущие на хуторах вблизи Голотля [и поддерживающие нас], боятся их, то есть тех, кто заняли голотлинский мост.

Прошу Вашего распоряжения по этому поводу.

20-е число месяца шавваль.²¹

11. От Абакара Цулдинского – Абдулле Цулдинскому

Перевод текста

Когда ты вернешься домой? Здоров ли ты?

Далее сообщаю, что ругуджинцы хотели изменить нам,²² а Мухаммадмирза хотел убежать на Гуниб, но его поймали и отправили в Согратль.

Что касается моего положения, то вместе со мной и мне подобными находятся сейчас войска, сформированные из карахцев и тленсерухцев.

Далее, русские уже подошли к Цудахару. Однако цудахарцы, а вместе с ними и кумухцы, стоят против них крепко.²³ Так, нашими воинами, к примеру, взято там в плен 80 милиционеров и в том числе Зухумкади Акушинский.²⁴

22-е число месяца шавваль.²⁵

12. От Ахмад-хаджи Гоцатлинского – имаму

Перевод текста

В тот же самый день, в который я уехал от Вас, прибыл я в селение Корода, где осмотрел положение, в котором пребывает кординский народ. Там-то и нашёл я Гуржи-Али, убежавшего [от нас] в Карадахскую крепость.²⁶

Оттуда я отправился затем в селение Маали, жителей которого нашёл я уже не в прежнем их состоянии духа. Да вот ещё: они ни за что не соглашались, чтобы я переночевал у них.

Оттуда я отправился в селение Кикунни, жителей которого – слава Аллаху! – нашёл я в их прежнем состоянии духа. Кикунинцы и сто мухаджиров, которые находятся ныне в их селении, очень обрадовались моему приезду. Так как мухаджиры эти нуждаются в провизии, то прошу Вашего разрешения на раздел среди них баранов Закарии,²⁷ причём действия наши будут тут соответствовать шариату.

Далее, наиб Махама Игалинский – сын Саида,²⁸ пятисотенный командир Алихаджи Инховский,²⁹ Умар Кудутлинский, а также общины, именуемые Балахани и Харачи, находятся сейчас в соответствующей готовности. Упомянутый здесь Махама – сын Саида, к примеру, разъезжал недавно с войском по Ашильта и другим селениям той зоны.

Пришлите ко мне в Кикунни *науба* Хаджиали³⁰ с двумя тысячами надёжных воинов, с которыми я тотчас же двинусь в направлении города Шура и – даст Аллах – заставлю [находящихся там русских] бежать в свои родные места.³¹

13. От Ахмада-хаджи Гоцатлинского – имаму

Перевод текста

Когда я³² отсутствую в Кикунни, там возникают разногласия между его жителями. Поэтому я отправляюсь сейчас в Гоцатль, чтобы забрать оттуда своё семейство и затем – ехать опять в Кикунни, где буду я находиться и впредь, до получения особого распоряжения с Вашей стороны.

Готов исполнять Ваши самые тяжёлые поручения.

14. От Мухаммада – сына Хасана, – имаму

Перевод текста

По Вашему приказанию я³³ послал из Корода³⁴ 100 человек, чтобы заняли они местность известную как Бец-тлюрутль,³⁵ а остальных жителей моего *наибства*, в возрасте от 15-ти лет до 60-ти, я расставил ныне на Гунибе.³⁶ Назначив над нами *пятисотенника* в качестве командира, я приказал им пробивать там дорогу, пригодную для верховой езды.

Готов исполнять с радостью все Ваши приказания.

15. От наиба Мухаммада – сына Хасана, – имаму

Перевод текста

Караульщики, поставленные нами в Кородинском ущелье, объявили, что солдаты Карадахского укрепления водят своих лошадей на водопой на Кородинскую речку, и что в них при этом никто не стреляет. Я подозреваю поэтому жителей Корода³⁷ в том, что они ныне имеют с ними приятельские отношения.

16. От Тиндинского наиба Курамухаммада-хаджи – имаму

Перевод текста

Узнав, что Вы восстали и объявили *газават*, я – ещё до прибытия отряда, посланного Вами, – также поднял оружие и вынес соответствующие такой ситуации значки. По прибытии же Вашего отряда мы вместе с ним пошли драться против русских, но потерпели тогда от последних незначительный урон.³⁸ Несмотря, однако, на это мы будем и далее, до самой последней минуты, продолжать начатое уже дело, а поэтому просим Вас не оставлять нас без помощи.³⁹

17. От Каратинского наиба Карабилава-хаджи Хромого, который переселился ныне в Ахвах в качестве мухаджира – имаму Хаджи-Махаме Согратлинскому

Перевод текста

Податели сей записки: Дибирасулав Гигатлинский и брат его по имени Халакав – сыновья того самого Хаджара, который был убит в бою против неверных. Люди они честные, желающие торжества ислама на нашей земле. Поистине, нет человека, который бы любил ислам больше, чем они.

Об этом я и имею честь сообщить Вам.⁴⁰

18. От кадия Амиралава – имаму

Перевод текста

По Вашему приказанию я⁴¹ отправился к воинам, стоявшим в местности Гоцала, и приказал им, чтобы передвинулись они и вста-

ли бы неподалёку от Георгиевского моста. Они, однако, не исполнили моего приказа и туда не пошли.

Находя приближение этих воинов к названному мосту необходимым для решения дела, прошу Вашего чёткого распоряжения по данному вопросу.

Прошу Вас также отправить жителей селения Мегеб на помощь жителям селения Кулла.

19. От вакиля Алиль Махамы Согратлинского – имаму Хаджи-Махаме Согратлинскому

Перевод текста

Этот Мука-Бек⁴² Инчил-хаджияв Бацадинский спасся, применив хитрость – он тут просто обманул меня.⁴³ Прошу поэтому не посылать его в [родную] деревню, а арестовать и держать под строгим караулом, так, чтобы не было ни у кого доступа к нему, или же – и это лучше – убейте его.⁴⁴

Не оставьте эту мою просьбу без внимания, а то завтра будете Вы раскаиваться.

Печать Махамы – сына Али.

20. От обохского кадия – Абдулхамиду и Ахмаду

Перевод текста

К нам приехал нарочный посланец из отряда и сообщил, что войска наши разбили русских, причём два раза. Войска наши тут захотели было начать преследование последних, но начальник, который находился во главе, не допустил этого, боясь, что русские здесь всего лишь заманивают их под удар.

Далее, Джафар приехал сегодня в Кумух, о чём дано знать Абдулмаджид-беку.

21. От почётных лиц селения Казикумух – имаму

Перевод текста

Частые приезды от Вас специального посланца для сбора различных налогов показались сейчас народу нашему неприятными. Имеет место это потому, что часть наших людей в настоящее время

находится в походе вместе с Джафаром,⁴⁵ часть пребывает рядом с Абдулмаджидом,⁴⁶ а часть занята похоронами убитых и лечением раненых.

Находя существующее распоряжение – касательно налогов – несвоевременным, просим Вас отложить решение дела до возвращения всех тех казикумухцев, которые находятся ныне в походе.⁴⁷

22. От Имам-Али и Мухаммада Казикумухского – имаму Хаджи-Махаме

Перевод текста

Из Вашего письма мы видим, что Вы обращаете внимание на претензии, которые высказаны были в послании, поступившем ранее от имени общества казикумухцев.

Мы-то здесь наверняка знаем, что деньги эти, о которых говорится в названном выше послании, желают они оставить Джафару и ещё другому человеку. Какое дело, спрашивается, этим людям: кому именно будут заплачены деньги, тем более, что сами плательщики не заявляют тут никаких претензий?

Если Вы думаете оставить деньги эти [в Казикумухе], то нам – сказать по правде – всё равно, но при этом мы полагаем всё-таки, что не следует обращать внимания на различные заявления и претензии. Дело в том, что зачинщиком всех этих претензий является Уммахан⁴⁸ – тесть Джафар-хана.

Они [оба - ?], между прочим, требуют «платы» не только от жителей селения Казикумух, но и от всего Казикумухского округа.

Просим дать ответ на это письмо, изложив нам, таким образом, Ваше личное мнение.

23. От наибов Баар-Меседа и Хасан-хаджи – имаму

Перевод текста

Предъявитель сего письма Маллаали – сын Малламухаммада, – сражался против русских и без наших призывов. Ныне же у него случилась беда – лошадь его упала с кручи и околела, а поэтому мы просим Вас оказать ему помощь.

Он очень хороший человек!⁴⁹

24. От Баар-Меседа – имаму

Перевод текста

Мы отправились сейчас к Абдулле Карахскому.⁵⁰ Это во-первых.

Далее, выполнение известного Вам дела отложено мной на время, что сделано в ожидании получения тут наилучшего результата.

Ещё один вопрос: Каратинское общество – несмотря на двукратное предложение, обращённое к нему – так и не согласилось присоединиться к нам.⁵¹

25. От Мухаммада Каратинского – сына Малачи, – Абдурахману-хаджи Согратлинскому

Перевод текста

По неимению времени явиться к Вам лично я сейчас не могу. Прошу Вас, однако, не забывать меня своими молитвами.

Надеюсь увидеться с Вами на том свете, но несомненно в раю.⁵²

26. От Ахвахского наиба – имаму

Перевод текста

По прибытии моём через Карату на Мунинский мост, что осуществлено было совместно с *наибом* Джавадханом⁵³ и [его] войском, нашёл я предьявителя сего письма – Хамзата, стоящим на том мосту, полностью готовым к участию в *газавате*. Затем, когда – после неудачи в стычке, которая произошла между Джавадханом и русскими, – пришлось нам возвращаться с Мунинского моста назад, Хамзат пошёл оттуда вместе с нами в качестве мухаджира.

Принимая во внимание усердие этого Хамзата, проявленное им по отношению к нашему делу, к налаживанию его...⁵⁴

27. От наиба Хамзата – имаму

Перевод текста

Аварский начальник⁵⁵ находится сейчас вместе со своими войсками на горе Чара,⁵⁶ и жители Ассаба и Батлуха имеют с ним

тайные сношения.

Следующая информация такая: другие русские войска, те, которые прошли через Карата и находятся ныне в Ахвахе, требуют с ахвахцев для себя на каждый день по 40 быков и по 40 повозок сена. Абдулла же Цулдинский никак не идёт к ним на помощь.⁵⁷

Я, кстати, также боюсь сейчас за своё наибство.

28. От наиба Хамзата – имаму

Перевод текста

Предъявитель этого письма – житель Хунзаха по имени Али, показал себя ещё до начала восстания человеком достаточно религиозным. Теперь же он, став мухаджиром, открыто присоединился к нам.

Донося Вам об этом человеке по имени Али, я прошу Вас обратить на него внимание.

29. От Берцинава Мурадинского – имаму Хаджи-Махаме Согратлинскому

Перевод текста

Привет Вам!

Я послал было одного человека в селение Могох, чтобы купить серу, но он её там не нашёл.⁵⁸ Потом я послал другого, но уже в селение Маали, и тот принёс мне оттуда $1\frac{2}{3}$ *ратали*⁵⁹ серы, заплатив за это количество её два рубля 10 копеек.

Посылаю Вам ныне эту маалинскую серу и то, что осталось от тех пяти рублей, которые я получил от Вас ранее на её приобретение.

30. От общин Ассаба и Батлуха – имаму

Перевод текста

В четверг пришли в Зоноб⁶⁰ русские войска, с которыми мусульмане вступили в сражение. Началось же последнее в обед и продолжалось вплоть до вечера.

Ущелье Зоноб в наши дни

Ахвахцы дрались с ними отчаянно, причём в рукопашную, остальные же люди быстро разбежались. Итог – русские, победив, сожгли два ахвахских селения: Кванкери и Тад-магитль, а также все хутора.⁶¹

Теперь эти русские намерены направиться к нам. В связи с тем, что Абдулла Цулдинский остаётся сейчас, с вверенными ему войсками, на той стороне – если брать от нынешнего местопребывания русских войск – и не может поэтому оказать нам помощи, мы просим Вас оказать нам её за счёт конкретно Ваших войск.

31. От наиба Хамзата – имаму

Перевод текста

Русское войско в количестве 2000 человек, придя на территорию общества Ахвах, разбило ахвахцев: налицо много убитых, раненных и пленных с ахвахской стороны.⁶² Убит, кстати, и ахвахский наиб Курбан, а также отмечу, что сожжены этим войском два ахвахских селения.

После того, как дело приняло там такой оборот, жители Ассаба и Батлуха, как мне кажется, пали духом. На нашей стороне в результате остались ныне только жители моего наместничества.

Если бы, не дай Бог, эти русские подошли бы сейчас к нам с какой-нибудь стороны, то мы просто-напросто не смогли бы защищаться. Поэтому прошу Вас оказать нам необходимую помощь.⁶³

32. От старшины селения Ассаб – Абдулле Цулдинскому

Перевод текста

Четыре человека из числа ахвахцев, прибыв ко мне, сообщили, что 130 милиционеров-гумбетовцев пришли и расположились на границе ахвахцев, соприкасающейся с нами, ассабцами, но за ними идут ещё и пешие войска.

Мы лично намерены сейчас напасть на этих милиционеров и отбить у них лошадей, а поэтому просим Вас прибыть к нам вместе с войском, чтобы воспользоваться случаем.⁶⁴

33. От Абдулхалима и всей Согратлинской общины – имаму и Абдулле-хаджи

Перевод текста

Мы согласились содержать у себя в Согратле всех мухаджиров, а в особенности Алибека-хаджи⁶⁵ и его товарища.

Некоторые люди, которые находятся сейчас вместе с вами в местности Анада, желали, правда, принять их и поселить затем в Ругуджа, но мы этот подход к делу не одобряем, потому что подозреваем ругуджинцев в измене.⁶⁶

34. От Закарни – общинам Гергебиля и Кикунни

Перевод текста

Русские двинулись из Шуры против вас в большой силе. Они желают ныне разорить вас и в этой связи я⁶⁷ убедительно просил князя⁶⁸ отпустить меня: съездить в селение Аймаки для того, чтобы мог бы я сообщить вам это печальное известие.

Закария Нахибашев

Сообщаю вам обо всём этом ради нашего братства и взаимной любви.

Итак, вам следует ныне прислать людей для организации примирения с русскими. Мы же со своей стороны будем защищать вас от гнева этих русских, обращённого против вас.

Отвечайте, что именно думаете вы по этому поводу – касательно того, что изложено в этой записке.⁶⁹

35. От пятисотенника Муртазаали Гергебильского – иمامу

Перевод текста

До нас дошли верные слухи о том, что князь Меликов прибыл с войском в селение Урма. Куда же именно направится он оттуда и какой конкретно у него план действий, мне пока неизвестно.⁷⁰

36. От пятисотенника Муртазаали Гергебильского – иمامу

Перевод текста

К нам идёт с войском князь Меликов. В Аймаках же, над Гергебилем, сидит сейчас Закария Чохский.⁷¹ Поэтому мы боимся. Подумайте, что нам делать.

Дом Закарии Нахибашева

37. Прошение жителей Казикумухского общества на имя имама Мухаммад-хаджи Согратлинского

Перевод текста

Часть жителей Кумуха некоторое время тому назад стала было вывозить свои вещи из селения и прятать их в разных местах.

Между тем, однако, вчера в полдень случилось так, что народ наш, по желанию самого Бога, собрался и твёрдо решил: водвориться в своём селении, причём с уже вывезенными было вещами, и впредь не вывозить отсюда ничего.

Народ Кумуха дал тут также присягу: делать *газават* против русских. Это, кстати, при том, что как собственно кумухцы, так и всё остальное население Казикумухского общества, стали уже укреплять свои границы завалами и всякими иными средствами, нужными в подобной ситуации, а кроме того – послали воинов в Цудахар, на помощь нашему войску, стоящему там.

Извещая Вас обо всём этом, просим – в данной связи – обратить Ваше внимание на изложенное выше и, как результат, оказать нам помощь тем, в чём мы ныне нуждаемся. Самое же главное – просим арестовать всех подозрительных людей и затем не освобождать их, невзирая ни на какие просьбы.

Если Вы будете так «слабо» смотреть на всё то, что происходит сейчас, то станете причиной расстройств положения дел, существующего ныне в среде восставших мусульман, и в итоге – несчастия. Вы же сами прекрасно знаете, что возвышение ислама зависит во многом от шашки.

Мы – община селения Согратль, а также карахский наиб Хаджияв и другие истинные мусульмане, согласны с вышеизложенным мнением казикумухцев и, соответственно, подтверждаем со своей стороны правильность его.

Это прошение на имя имама подписали, а затем ещё и наложили на него свои печати, следующие казикумухцы: 1) Хаджи-Умар; 2) Шамсудин; 3) Абдурахим; 4) Хаджи-Муса; 5) Али-Сурги; 6) Джафар; 7) Юсуф; 8) Умар; 9) Малла; 10) Гази; 11) Абдулла; 12) Умари-Будта; 13) Мирзамухаммад; 14) Мухаммад; 15) Салих; 16) Атил; 17) Камал; 18) Саид; 19) Хабибулла; 20) Абдурахман; 21) Абдулла; 22) Мамма; 23) Курбан; 24) Шафи-хаджи; 25) Билал-хаджи.⁷²

38. Прощение казикумухцев и других жителей Дагестана на имя великого и справедливого халифа

Перевод текста

Да возвысятся во веки веков деяния Ваши и сила Ваша великая!⁷³

Со времени покорения Дагестана стали русские, причём с первых же дней, «обманывать» наше население. Делали они это, раздавая деньги и награды, с одной стороны, и устанавливая разные там порядки – с другой, через что терпели мы несчастья и слабели.

Позднее, однако, мы услышали, что мусульманское царство наконец-то победило русских и в результате поставило их в стеснённое положение.⁷⁴ Население Дагестана было этим, естественно, обрадовано, и начало тут действовать против русских, несмотря на то, что не имело оно средств вести с ними настоящую войну.

Жители Дагестана убивают ныне русских в значительном количестве. Они уже взяли несколько русских крепостей, да и вообще сделали всё возможное, чтобы причинить вред этим русским.

Сообщая обо всём этом Вам – великому султану – мы покорнейше просим Вас прислать помощь: войсками и военными припасами. В противном же случае Дагестан не сможет долго стоять против русских и, как результат, дождётся, в конце концов, большего несчастья.

На лист с этим прошением наложены печати следующих казикумухцев: Максуда, Мусы, Хаджи-Хасана, Умари, Хаджи-Умари, Мухаммада, Абдуллы, Хату-Мухаммада, Саида, Хаджи-Эфенди, Мухаммада, Мухаммада, Мухаммада, Хасана, Умар-хаджи, Хасана, Юсуфа, Абдурахмана, Абубакара, Абдуллы и Шафи.

Имена, вырезанные ещё на 11 печатях – неразборчивы; всего же поставлено на листе 33 печати.

История Имамата 1877 года и восстания на территории Дагестана

Перевод текста

Знайте же, – о, братья по религии, да осчастливит всевышний Аллах и вас и нас в обоих мирах! – что по Дагестану, среди племен (*кави*), не ведающих, что представляют собой испытания со стороны судьбы, относящиеся к их именно времени, распространилась тайная весть злополучного по сути характера. Содержание её было таково: первого числа месяца рамазан 1294/ 1877 года [будет-?] нарушен договор, заключенный с Российским государством и соответственно [будет иметь место] отход от «пощады», которая предоставлена была этим племенам со стороны последнего.¹

Основной причиной появления той тайной вести и, как результат, возникновения величайшей смуты, о подобии которой мы не слышали со времён наших самых отдаленных предков, было следующее: Газимухаммад – сын покойного Шамиля – направил четырёх посланников,² дав им при том письма свои, адресованные различным селениям и городам Кавказа (*Къаткъаз*), через содержание которых он призывал, и даже, можно сказать, побуждал население этих селений и городов оказать помощь царству *султана*.³ Сделать же это Газимухаммад предлагал путем поднятия смуты и, соответственно, взятия в руки оружия для ведения войны с самим Александром Вторым, величайшим падишахом. Дело в том, что в то время происходили столкновения между двумя группировками [– османцами и русскими], и имело это место в пределах территории Карса и чрезвычайно крепко построенной крепости, которую именуют Гумри (*Гулур*).

Итак, первого числа месяца рамазан 1294/1877 года часть жителей таких селений как Салта (*сулал*)^a и Кикунь (*Киклун*), предводителем которых был тут хаджи Али Салтинский – сын Умара,⁴ сформировала военный отряд и двинулась затем в направлении Железного моста.⁵ При этом следует отметить, что поступили они так под влиянием проповедей, исходивших от Мухаммада-хаджи Кикунь-

^a В тексте: (*сулал*).

нинского,⁶ сына Усмана. Так вот, подойдя к названному здесь мосту, эти салтинцы и кикунинцы набросились на него. Совершили же они это, воспользовавшись тут беспечностью, допущенной со стороны имевшейся на мосту охраны.⁷

Султан (Абдулхамид II)

Весть об этом происшествии распространилась среди людей быстро, вследствие чего и выступили тогда из Ходоба русские военные (*аскари*), а также те «прислужники», которые находились в то время вместе с ними. Подойдя вскоре к Железному мосту, эти военные и «прислужники», стреляя из ружей своих и из пушек, разожгли там самое настоящее сражение, которое продолжалось в тот день вплоть до заката солнца; кстати, именно в тот день и был убит Махач Чохский – один из русских «прислужников». Когда же затем наступила ночь и тьма стала наконец достаточно сильной, группа

та, состоявшая из салтинцев и кикунинцев, убежала с Железного моста, и после того, в течение примерно трех дней, скрывалась в каких-то укромных местах.⁸

Салтинский мост

В тот же самый день, то есть первого рамазана, имело место ещё и следующее событие: между главарями, учеными и хаджиями Согратля произошел вечером спор, переросший затем, правда, в дискуссию. В ходе её выделились среди названной категории согратлинцев те, кто [не] желали продолжения того, что уже случилось, и те, кто предпочитали именно это,* а не покой и мирную жизнь. В конце концов, однако, преобладание получили тут те, кто склонились к словам лиц, призывавших к «обновлению» ислама,⁹ а поэтому в ту же ночь они – главари, учёные и хаджи из числа согратлинцев – отправили в бец-орскую чашу группу людей для нападения на солдат, которые расположились в тамошних лесах.

Люди эти, посланные главарями, учёными и хаджиями, заявившись туда, перебили солдат, что расположились было в бец-орской чаше, числом более сорока душ, но со своей стороны, однако, они потеряли Мухаммада-Ханича (...-Хъанич) Согратлинского, ушедшего туда ранее, чтобы наблюдать за овцами; этот согратлинец

пал тогда в названной части Бец-ора в качестве мученика за веру.¹⁰ Что же касается конкретно той группы – посланной в леса Бец-ора главарями, учёными и хаджиями Согратля, – то члены ее, сделав своё дело, сумели возвратиться назад. После этого они и другие мусульмане расположились лагерем на площадке, именуемой Анада.

Надо здесь же сказать и о том, что случилось на берегах реки голотлинцев (*гьякьал*), где находились тогда *зимийи*,¹¹ работавшие на дороге. Так вот, против них отправлены были телетлинские (*тлекьал*) юноши, которые также сумели затем возвратиться назад, и причём с обильной добычей.¹² Правда, среди телетлинской знати, а также среди ученых и главарей, произошло тогда расхождение в содержании принесённых ими речей, ибо только часть их была довольна произошедшим, а другие показали себя тут вначале недовольными. В конце концов, однако, разговор, который шёл среди названной категории телетлинцев, склонился в желанную сторону, и они возложили обязанности *наиба*, а также управление своими делами (*тадбир*), на телетлинца Муртазаали Большого. После того они отвели названного Муртазаали на площадку Анада, где и соединились они, таким образом, с согратлинцами.¹³

Затем на гору Гуниб были отправлены молодые куядинцы для нападения на различные имущества, принадлежавшие неверным, и в том числе на коней и быков. Куядинцы, следует отметить, сумели тогда захватить все это и, таким образом, названные имущества, кони и быки оказались в их руках в качестве добычи.

Затем присоединились к делу ругуджинцы. В местность Анада они пришли тогда не просто так, как некоторые другие, а в виде отряда воинов.¹⁴

Через четыре дня точно так же поступили и гидатлинцы, а после них – карахцы, тленсерухцы и мукратлинцы,¹⁵ которые, кстати, заявили туда ну прямо-таки целыми селениями. Затем пришли ещё и другие отряды – один за другим, в результате чего численность мусульман на Анада стала в течение всего лишь нескольких дней достаточно большой.

Так как дела приняли теперь такой вот оборот, то учёные, хаджи и главари, посоветовавшись между собой, пришли к мысли: [публично] поставить над этими мусульманами одного человека в качестве правителя (*вали*) и соответственно – назвать для этого одного из своей среды *имамом*. Они при этом согласились тогда с фи-

гурой хаджи Мухаммада – сына Абдурахман-хаджи Согратлинского, поступив так в связи с особо большой известностью последнего в среде народа. Итак, ученые, хаджи и главари, принявшие участие в том совещании, провозгласили *имамом* Мухаммада-хаджи Согратлинского, а затем подняли соответствующие знамёна и назначили *наибов*, в результате чего сила мусульманская заметно возросла уже на следующий день!¹⁶

Селение Ругуджа •

К тем людям, которые собрались тогда на площадке Анада, не пришёл, однако, наиб Мухаммад Согратлинский – сын Хурша (*Хъуриши*), которому не понравилось то дело, что делали они, ибо испугался он грядущих потерь и иных бед. Здесь, кстати, надо отметить, что в то время этот Мухаммад пребывал в селении Магар (*Магъар*), и причём в относительно стеснённом положении. Так вот, к нему были посланы тут знатные люди, учёные, а также хаджи, в числе которых находился и его родной отец Хурш-хаджи, и еще – небольшая группа молодежи и взрослых мужей. Остановившись у

этого Мухаммада, они дали ему свой совет относительно складывающейся теперь ситуации, а затем призвали его к повиновению и соответственно – к пребыванию в согласии с ними.

У Мухаммада – сына Хурша не было там никакой возможности воспротивиться им и допустить, таким образом, раздор. Поэтому, показывая внешне свое доброе якобы отношение к тем людям, что прибыли в Магар, он, «позолотив», как говорят в таких случаях, «себе уста» и сев затем на коня, последовал за ними в направлении площадки Аанада, где к тому времени уже собралась масса мусульман. Там-то этот Мухаммад и провёл ночь, но уже на рассвете следующего дня он встал и в одиночку отправился из Аанада в русский военный лагерь, который располагался на площадке Ходоб.

Уход в русский лагерь сына хаджи Хурша мусульман огорчил. Сердца их, как говорят в таких случаях, «сломались» и они склонились уже было на путь обособления друг от друга, но – надо же! – в то самое время к ним подошли войска Семиземелья, причем с великой добычей в руках, захваченной в Гурджистане.¹⁷ Данное обстоятельство вызвало, естественно, довольные улыбки на лицах мусульман: как у собравшихся в Аанада, так и у других.

Затем против русского наиба Аликлыча (*Галихъилич*) Аварского¹⁸ и его войск послан был, в сторону селения Голотль, отряд конников, предводителем которого являлся доблестный Джавадхан – сын Муртазаали Телетлинского, человек подобный льву. Воины его, приблизившись к Голотлю, напали внезапно на людей Аликлыча, проявивших тут беспечность, подавили их и, с разрешения Аллаха, обратили затем в бегство. В результате эти конники, действовавшие под предводительством Джавадхана, смогли увести оттуда лошадей, и еще захватили в качестве добычи все то, что имел тогда отряд Аликлыча, вплоть до одежды названного наиба, той, которую носил он на себе. После же того они, всем отрядом, радостные возвратились назад.¹⁹

Затем был сформирован военный отряд для отправки в сторону Казикумуха, что, впрочем, произошло лишь после того, как мусульманские деятели (*амил*) узнали о неподчинении казикумухцев своему старшому,²⁰ проявившемся тогда, когда тот приказал им вступить в войну с согратлинцами, а точнее – призвал их к этому. Так вот, той же ночью названный отряд действительно отправился в сторону города Казикумуха, однако следует отметить, что ещё до

прихода его туда определённая часть казикумухцев в открытую приступила к захвату русской крепости, стоявшей на их земле.

Наиб Алклыч

Казикумухцы эти, собравшись, разожгли вокруг названной крепости пламя самой настоящей войны, которое продолжало затем пылать там вплоть до вечера. Итогом же было здесь то, что около пятнадцати мужей из числа обитателей Казикумухского округа погибло мучениками за веру, но при этом были перебиты и солдаты, сидевшие в крепости, количество которых превосходило пятьдесят

душ. Завершилось же это событие именно так по той причине, что захват русской крепости, стоявшей на земле казикумухцев, был произведен «путём приложения силы» (*авватан*).²¹

Имело там место ещё и такое событие: казикумухское племя окружило своего *начаника*, а затем произошло убийство его, что случилось во дворе наиба Фатаали-бека, сына эмира Башира. При этом необходимо указать, что люди забрали тогда имущество *начаника* в качестве *файа*.²²

Одним словом, тот день был похож в Казикумухе на день Страшного суда!

Затем мусульманские войска пошли в сторону Цудахара, который был тут захвачен ими «мирным путем» (*сулхан*).²³ После того они пошли уже по направлению к Левашинской крепости.

Кутишинцы и другие

Здесь же, видимо, следует отметить, что перед селением кутишинцев (*кутищи*) произошла в те как раз времена встреча двух отрядов [– царского войска и приверженцев имама Мухаммада-хад-

жи], люди из состава которых вступили, однако, в бой. Уже в самом начале его, впрочем, воины-мусульмане оказались унижены и, как результат, повернули назад, причем с их стороны пал там мучеником за веру совершенный во всех отношениях храбрец Фатаали-бек Казикумухский. Да осветит Аллах его усыпальницу! Там же у Кутиша пали мучениками за веру, кстати, и два согражданина: известный храбрец Мухаммад Длинный – сын Вахабилава и хаджи Умар.²⁴ Эти обстоятельства, надо сказать, вызвали в сердцах мусульман раскаяние в содеянном, но, что бы там ни было, и после событий при Кутиша исламисты отступать от своего всё-таки не стали и назад не попятнулись.

После всего того в края те, где стоят Кутиша и Леваша, исламские войска были направлены вторично, будучи теперь уже подготовленными в достаточно большом количестве и с соответствующими для такой ситуации приспособлениями, представляя собой, таким образом, определённую силу. Повелителем-амиром их был назначен на этот раз Мухаммад Согратлинский – сын Али (*Галил Мухаммад*), вместе с которым находились тогда наибы^a из Казикумухского округа.²⁵

Эти исламские войска, которые подчинялись Мухаммаду Согратлинскому, по прибытию своему в те края, расположились лагерем вначале в окрестностях города, именуемого Большое Акуша.²⁶ Оттуда-то и стали они призывать акушинцев к повиновению и соответственно – к подчинению,²⁷ а тут ещё подошёл к ним молодой эмир по имени Джафар-хан – сын Аглар-хана, вместе с которым прибыли лучшие люди и превосходные всадники Кумухского округа.²⁸

Что же касается жителей города Большое Акуша, то они в то время не отдавали пока ещё «поводья», которыми бы их повели в ту или иную сторону, ни русским, ни мусульманам. И вдруг – надо же! – в один из тех дней, когда исламские войска Мухаммада Согратлинского стояли ещё в своём лагере, в направлении названного города вдруг устремились на рассвете войска неверных, вместе с которыми продвигалось огромное скопище, состоявшее из людей, приближенных ими к себе через розданные подарки, то есть «лицемеров» из числа мусульман. Были это в первую очередь наибы и об-

^a В тексте: прочие наибы; имеется в виду: кроме Фатаали-бека.

ладатели чинов (*чин*) – те, кто стремились искоренить исламистскую группировку, ибо боялись они конца русской государственности.²⁹

Неверные эти и их приближенные, перед началом своего движения в направлении Большого Акуша, стояли лагерем в местности, именуемой Акушинское «море».³⁰ Так вот: против них, когда двинулись они вперед, выступили войска ислама, чьим повелителем-*амиром* был Мухаммад Согратлинский – сын Али, и начали с ними войну. Итогом же оказалось здесь то, что исламисты в конце концов одержали победу и соответственно – другая сторона была вынуждена убежать.³¹

После такого поворота дел, сердца акушинцев «размягчились» и они склонились теперь к мысли о необходимости повиновения исламистам.³² Вот только за этим-то и последовало вступление большой группы наивов, учёных и храбрецов – из состава исламистской группировки, – в названный выше город Большое Акуша. Первым делом при этом они пошли тогда к дому кадия [Нур-?] Мухаммада,³³ отца^a [Чарака]^b – благородного человека, чье имя было на слуху у дагестанцев, которого убил ранее проклятый Урус-Муртазаали Урахинский (*Хлурехъ*),³⁴ что оказалось для даргинцев (*даргу*) делом весьма тяжким. Здесь же, видимо, следует отметить, что люди те [т.е. акушинцы-?] стояли [в глубине души] на стороне русских.

Затем все те мусульманские войска, что находились тогда под командованием Мухаммада Согратлинского – сына Али, пошли в направлении города мекегинцев (*ник/ах/л*), который был тут ими захвачен «мирным», как говорят в таких случаях, «путем», после чего только воины-мусульмане и смогли расположиться лагерем в его окрестностях.³⁵ Вот тут, кстати, случилось так, что от них отделился благородный эмир Джафар-хан Казикумухский, который вместе со своими великими войсками двинулся в сторону Кайтага.³⁶

Двигаясь в кайтагском направлении, этот Джафар-хан встретился вскоре с умным, совершенным во всех отношениях эмиром по имени Махди-хан.³⁷ Происходил последний, следует упомянуть, из фамилии благородных эмиров, известной как «Ибаковы» (*Ибахъ*), той, чьи предки жили в селении Чумли (*Чумлиб*).³⁸

^a В тексте: *сына*.

^b Имя это в тексте пропущено.

Урус-Муртазаали Урахинский

Здесь же необходимо указать, что перед приходом армий Джафара, но кстати в тот самый день, в кайтагской стороне имели место следующие события: русские сожгли город Башлы (*Пашли*), а затем произошел ночью бой с ними в селении Янгикент (*Янгьикент*), который продолжился потом в течение следующего дня. В

конце концов названное селение было, подобно Башлы, также сожжено, и затем совершившая это русская группировка, причём вместе с «последователями» из числа «лицемеров», пошла быстро прочь отсюда.³⁹ Такое по своей форме движение этих русских и «лицемеров», что были там с ними, продолжалось, между прочим, до тех самых пор, пока не вошли они в Дербентскую крепость.

Коснувшись здесь двух эмиров, названных выше, а именно Джафар-хана Казикумухского и Махди-хана Ибакова-Чумлинского, следует отметить, что они оба, действуя совместно со своими войсками, занимались – наряду с другими делами, – ещё и установлением соответствующей системы управления (*тадбир*) и необходимого [военного-?] порядка-*низам* среди мусульман, проживающих в различных селениях. Так, между прочим, поступали там эти два эмира до тех самых пор, пока передовые части, сформированные из людей, поддерживающих их, не достигли территории Кубы (*Хьюба*).⁴⁰

Теперь коснемся тех воинов ислама, которые, после отделения Джафар-хана Казикумухского, остались близ города Мекеги вместе с Мухаммадом Согратлинским – сыном Али. Так вот, количество их было там достаточно большим, а поэтому они, произведя соответствующую подготовку, набросились на русскую армию, которая располагалась тогда на площадке, именуемой Дарха (*Дархъа*), попытавшись было использовать тут беспечность, допущенную русскими. Произошло, однако, «там то», как говорят люди в таких случаях, «что произошло» – воины ислама были раздавлены и обращены в бегство.⁴¹ Такая ситуация, то есть: давили их и обращали в бегство, – сохранялась, кстати, и позднее, а точнее вплоть до взятия Согратля, что имело место, как известно, уже после того, как разожжен был огонь войны в Цудахаре, далее – произошёл захват последнего, причём «путём приложения силы», и был он затем сожжён.

Это – краткое изложение того, что поразило воинов-исламитов, которые ушли в те края, где стоят Кутиша и Леваша.

Что же касается мусульман, которые остались на площадке Анада после ухода Мухаммада Согратлинского в направлении городов Акуша и Мекеги, то из числа их посланы тогда были отряды в три разные стороны. Один отряд – в направлении того края, где проживают каратинцы (*к1к1алалал*) и ботлихцы (*балъхал*), другой –

[к хиндалальцам]^а и ещё один отряд – в тот край, где находится Ахты.

Главным предводителем тех, кто посланы были в направлении местоживания каратинцев и ботлихцев, являлся опытный в делах ученый по имени Абдулла, известный как Абдулла Цулдинский.⁴² Так вот, он лично прибыл тогда в город Тинди, где поставил наиба, причем из числа самих тиндинцев, сделав это после того, как выразили они ему свое повиновение.⁴³ Тут же, кстати, к этому Абдулле прибыл и известный храбрец Карим Гакваринский, которого он назначил вести дела на той стороне, откуда происходил тот.⁴⁴

После этого Абдулла Цулдинский прибыл к берегам реки хуштадинцев (*хушдал*) и расположился на имеющемся там хуштадинском хуторе.⁴⁵ Затем он отправил оттуда людей в селение гигатлинцев (*гыгьал*), чтобы те приняли со стороны последних символы повиновения ему. При этом люди его, посланные туда, должны были сказать им: если вы, гигатлинцы, откажетесь сейчас выразить своё повиновение, то он – предводитель Абдулла – отправит против вас войско, которое, несмотря ни на что, вступит в сражение с вами и, как результат, разграбит ваше имущество.⁴⁶

У гигатлинцев в таких условиях осталась одна-единственная возможность, а именно – пойти к Абдулле Цулдинскому вместе со своим большим ученым Дибирасулавом,⁴⁷ сыном ученого муллы по имени Хаджар, того, который был в свое время наибом у имама Шамиля и пал мучеником за веру. Так вот, когда этот Дибирасулав пришел к Абдулле Цулдинскому, тот, будучи главным предводителем на каратинско-ботлихском направлении, сделал ему вначале соответствующие внушения, а затем дал следующее наставление: «Все дагестанцы заявили о согласии своём нарушить условия «пощады», заключенные ранее с русскими. Дело же здесь еще и в том, что эти русские потерпели недавно поражение и теперь бегут от мусульман [-османцев]. Мало того – последние уже захватили у них определённую добычу».⁴⁸ После произнесения всех этих слов предводитель Абдулла, закончив речь свою, возложил было на Дибирасулава желтую чалму, чтобы показать, таким образом, что он назначает его Чамалальским наибом.⁴⁹

^а Об этом см. ниже: с.187. Пирил Рекав.

Что же касается Дибирасулава Гигатлинского, то он не поверил тогда ни одному слову, произнесённому Абдуллою Цулдинским. Поэтому-то, сказав Абдулле, что желает, как и другие люди, осуществления названного им дела – через нарушение условий «пощады» и, таким образом, «обновления» мусульманской религии, однако... и тут он привёл в качестве аргумента то, что в Ботлихской крепости находятся в настоящее время многочисленные имущества, принадлежащие ему, Дибирасулаву, а также – важные во всех отношениях книги, которые попали туда в связи с тем, что он является должностным лицом в суде-диване.

Ботлихская крепость

Дибирасулав сказал, однако, затем Абдулле, что с учётом всего того, что имеет место, он сейчас пошлёт тайком в Ботлихскую крепость доверенного человека, чтобы можно было вернуть все те принадлежащие ему вещи, которые находятся там. В конце же той речи своей Дибирасулав сказал: «Если ты желаешь, я сейчас же приму на себя обязанности *наиба*, а если хочешь, то буду помощником тому, кого поставишь ты здесь этим самым *наибом*».

На это Абдулла Цулдинский ответил Дибирасулаву так: «В свое время я также являлся, подобно тебе, судьей (*диван-бег*) и работал тогда в суде, который располагается в Хубитле (*Хлубикъ*),⁵⁰ но затем я вступил – опережая тут других, – в дело это, сутью которого является нарушение договора о «пошаде», заключенного с русскими». Абдулла добавил затем к этим своим словам, что у него также были важные книги по *фикху* да и по другим наукам, и остались они в Хубитле, а потому, сказал он в заключение Дибирасулаву: «не беспокойся, твои книги и твоё имущество возвратятся в руки твои, если захочет всевышний Аллах, через день или два после того как взята будет Ботлихская крепость».

Хубитль (Гуннбская крепость русских)

Завершив эту беседу таким вот образом, Абдулла Цулдинский возвратился затем *назад, а Дибирасулав Гигатлинский, глядя ему в

спину, обратился к решению других дел^а. Тут я, однако, не выдержал и сказал Дибирасулаву: «О, мой *шейх*, о мой *устаз*! Почему не подчиняешься ты этому *мудиру*,⁵¹ почему не берешь наибскую чалму из его рук? Ты же ведь самый достойный для дела, к которому сейчас призывают!» На это Дибирасулав ответил мне так: «Эй, сынок! Как же возьму я сейчас такую чалму, когда знаю последствия, которые будут иметь место в результате участия в этом деле. Концом здесь непременно будет то, что наибов возьмут в плен, а иных видных лиц Дагестана сошлют в Сибирь (*Симир*). Неужели ты желаешь, чтобы и я оказался одним из пленников-арестантов в руках этих русских?»

Через некоторое время Абдулла Цулдинский вновь, однако, обратился к Дибирасулаву Гигатлинскому.⁵² На этот раз, впрочем, он, взяв вышеупомянутую жёлтую чалму, самолично, [не говоря ни слова,] повязал ее на головной убор Дибирасулава и, таким образом, тот получил как бы благословение на право исполнения обязанностей наиба. При этом следует, однако, отметить, что у Дибирасулава не было там практически никакой возможности воздержаться от принятия названной чалмы. В связи именно с этим оставил он её тогда повязанной на своем головном уборе.

В конце концов этот Дибирасулав возвратился назад, – вместе со своими «товарищами», – в огорченном состоянии и даже, можно сказать здесь, опечаленным. Поэтому-то всякий раз, как начинал кто-либо ругать его, где бы там ни было, он – Дибирасулав – в ответ говорил: «Я знаю то, чего вы не знаете».

Как бы там ни было, но через день после принятия чалмы этот Дибирасулав, сын шамилевского наиба Хаджара, выступил со своими воинами-чамалинцами⁵³ в направлении миарсинской (*мигIарсу*) ложбины для сражения с русскими и предполагаемого вступления затем на территорию ботлихцев (*балъхъал*), чтобы захватить крепость, стоящую там.⁵⁴ Продвигаясь, таким образом, вперед, Дибирасулав прибыл наконец туда, но тут – надо же! – на него напустили тиндинских юношей, которые утверждали, что он-де направляет брата своего по имени Халакав (*ХIалакъав*),⁵⁵ являвшегося на тот момент муллой (*кади*), в Ботлихскую крепость, а также – что он, Дибирасулав, вместе с этим своим братом, подыскивает-де возмож-

^а Не исключен перевод: *назад и вслед за этим обратился к решению других дел.*

ность убежать в названную крепость. Поэтому-то упомянутые здесь тиндинцы и разломали тогда на мелкие куски оружие обоих братьев, – и Дибирасулава, и Халакава, – а затем подвергли их аресту как «лицемеров». Чуть же позднее они отправили их обоих к имаму Мухаммаду-хаджи, на площадку Аанада, причём, естественно, в сопровождении своих «товарищей», а сделали они это для того, чтобы имам поступил там с этими братьями-гигатлинцами по своему собственному усмотрению.

Тиндинские юноши ни на йоту не сомневались в том, что имам Мухаммад-хаджи прикажет казнить смертью и Дибирасулава Гигатлинского, и брата его Халакава, однако всевышний Аллах полностью познал тут внутреннюю сущность их обоих, что, в свою очередь, позволило им спастись от рук имама. Итак, какого-либо вреда ни Дибирасулаву, ни Халакаву нанесено тогда не было, а напротив – им было оказано уважение и, можно даже сказать, почтение, что выказано было со стороны самого Абдурахмана Согратлинского, великого шейха, отца имама.⁵⁶ Хвала Аллаху!

Отметим здесь же, что на закате того дня, когда арестован был Дибирасулав Гигатлинский, произошло столкновение мусульманского войска – состояло оно тогда из багвалинцев, чамалинцев, ункратлинцев и тиндинцев, – с русской армией. Случилось это столкновение на вершине горы, которая стоит перед селением Миарсо, а результатом его оказалось то, что мусульмане потерпели там великое поражение, и это при том, что русские не претерпели от них тогда никакого абсолютно вреда.⁵⁷ Мало того – русские стали тут с боем преследовать названных мусульман и те, как следствие, понесли значительный ущерб с их стороны: было перебито большое количество тиндинских и гакваринских храбрецов. В итоге, таким образом, мусульмане – и багвалинцы, и чамалинцы, и ункратлинцы, и тиндинцы – оказались после битвы при Миарсо сильно огорченными, их сердца, как говорят в подобных случаях, «переломались», а «лицемеры» подняли вследствие этого свои головы.

В числе тех, кто погибли при Миарсо в качестве мучеников за веру, заслуживает особого упоминания Деньга Тиндинский. Это был известный храбрец, человек молодой, но при всём том умелый кузнец, и вот ему-то мёртвому, и это следует отметить, отрезал палец отъявленный «лицемер» Абдулгани Чохский. Поступил же так последний всего лишь для того, чтобы снять перстень, принадле-

жавший названному тиндинцу. Далее, в той Миарсинской битве пал мучеником за веру еще и богомольный ученый Мухаммад Гакваринский, а также и ещё кое-кто.

Через неделю имело место другое столкновение между теми же двумя сторонами – на Годоберинской (*Гьодобер*) равнине.⁵⁸ Произошло же в тот раз конкретно следующее: русские и «лицемеры», которые действовали вместе с ними, окружили там войско, состоявшее из цунтинцев (*цунтагал*) и тиндинцев, но затем тиндинцы сумели все же оторваться от них, потеряв, правда, своего известного храбреца по имени Сурхай и еще других достойных личностей – в качестве мучеников за веру.

Что же касается цунтинской молодежи, которая оказалась тогда при Годобери, то она была окружена в одном из близрасположенных ущелий и русские стали тут косить её как траву. В конце концов там были перебиты ими почти все те цунтинцы, за исключением лишь малого количества лиц. При этом можно здесь упомянуть следующих достойных юношей из числа цунтинских мучеников за веру, которые погибли в ущелье близ Годобери: ученый и одновременно храбрец по имени Зубаир, носивший прозвище Молодой, и далее – ученый храбрец Мухаммад Молодой⁵⁹ – сын ученого муллы Хархарилава-хаджи Гениятлинского (*Геняль*), а также и ещё кое-кто.⁶⁰

Следует здесь отметить, что перед тем как произошли две названные выше битвы, – при Миарсо и при Годобери, – имела место еще и битва в Знобской теснине (*Зноб*). Там, впрочем, мусульмане были так же, как и в других битвах, сильно «огорчены» русскими, ну прямо до такой степени, что сердца их как бы «переломались». Случилось же это потому именно, что в названной теснине было перебито большое количество ахвахских (*Глахьвахьел*) храбрецов,⁶¹ а русские не претерпели от них практически никакого ущерба, если не считать того, что там убит был руками мусульман Мухаммад Кумухский, человек, являвшийся наибом у каратинцев и ахвахцев (*Глахьат*).⁶²

Итак, при всех встречах, происходивших тогда между двумя группировками, то есть между мусульманами, с одной стороны, и русскими – с другой, поражения падали постоянно на долю мусульман – их ломали и убивали.

После того, как произошли бои, описанные выше, появилась со стороны селения Химой (*Гьима*) русская армия, во главе которой стоял генерал из крепости Владикавказ (*Бурав*).⁶³ Генерал этот двинулся из Химоя в направлении горы, именуемой Чиндихх, а оттуда – к селению Гигатль, напротив которого он и его люди заночевали.⁶⁴ Затем же они все направились оттуда к площадке, именуемой Кочали, являющейся участком, принадлежащим селению Гаквари.⁶⁵

В это время показалась со стороны Ботлихской крепости уже другая армия, та, в которой главарем бойцов был некий граф (-?; *икраф*).⁶⁶ В конце концов обе названные армии – генеральская и графская – встретились, и произошло это в вышеупомянутой местности Кочали, где затем провели они совместно три ночи. При этом следует указать, что они взяли тогда с жителей окрестных по отношению к Кочали селений и быков, и баранов и дрова – в качестве символа якобы гостеприимства, проявляемого со стороны последних по отношению к ним.⁶⁷ Взято было у них тогда также и всё другое, в чем имелаась нужда у двух встретившихся армий: имеется в виду и еда, и питье, короче говоря, все абсолютно, вплоть до соли.

При том необходимо здесь указать, что производя в окрестностях Кочали определённые наказания-*тазир* и делая людям одновременно соответствующие предупреждения (*таибихл*), бойцы названных двух армий дошли, как говорят в таких случаях, «до предела». Дело в том, что все то, что упомянуто выше, они брали тут даже с вдов и дряхлых стариков.

Что касается вышеназванного *мудира*, то есть Абдуллы Цулдинского – главного предводителя мусульман на каратинско-ботлихском направлении, то при появлении армий графа и генерала сбежал он со своего [оперативного] направления в Телетль, причем вместе с «товарищами».⁶⁸ Здесь же, по-видимому, надо указать, что генерал, прибывший из Владикавказа, – по результатам совета, проведённого им предварительно с графом, заявившимся со стороны Ботлихской крепости, и с главарями «лицемеров», – осуществил тут «изъятие» большого количества отдельных личностей и храбрых.⁶⁹

Коснулось названное мероприятие, то есть «изъятие», багвалинцев, чамалинцев, ункратлинцев, тиндинцев, цунтинцев, каратинцев и технуцальцев (*тегь-нуцал*). При этом следует отметить, что не оставлено было в покое тогда практически ни одного человека из

числа тех, кто имел на себе раны.⁷⁰ Также обошлись, кстати, и с теми, у кого было просто доброе имя, и имелась, таким образом, определенная известность. Люди генерала арестовали, в конце концов, всех их, -сделав это следующим образом: сегодня пригласив к себе одного, завтра – другого и т. д., то есть, попросту говоря, одного вслед за другим, а не всех сразу и скопом. Производилось же это «изъятие» лиц названных двух категорий по подсказке со стороны «лицемеров».

Арестантов этих сослали затем в Сибирь. В числе же тех, кто оказались в конце концов в Сибири, был, между прочим, и известный ученый-богомolec Курамухаммад Гакваринский, который являлся при всём том ещё и муллой. Также следует отметить, что попал туда и щедрый смельчак Карим Гакваринский, который в своё время посетил мудира Абдуллу в городе Тинди и получил от него соответствующее назначение. Оба эти гакваринца – и Курамухаммад, и Карим – умерли затем в русском плену, а тем местом, где мучили их, был, следует отметить, город Харьков (*Харкуф*).⁷¹ Умерли тогда на чужбине, кстати, и другие, правда, менее известные лица. И сколько же их было!

После того, как мусульманские войска были раздавлены и обращены в бегство на каратинско-ботлихском направлении, русские подошли уже к Телетлю.⁷² Там их расположили вначале мелкими отрядами и было это сделано, надо сказать, блистательно. Затем эти русские открыли по мусульманам огонь и начался бой, в результате которого селение телетлинцев было в конце концов захвачено ими. Правда, произошло это на условиях так называемого «мирного пути» (*сух*), а поступили так мусульмане, засевшие в Телетле, для того, чтобы вреда себе со стороны русских больше не наносить.⁷³ Итогом же стало здесь – с точки зрения потерь, нанесённых тогда мусульманам, – то, что определенное количество их оказалось убитыми, а кроме того двести душ из числа лучших людей взяли под арест, как бы в плен. Были это ученые и хаджи, и отправили их в конце концов в Сибирь, несколькими группами.

По отношению к арестантам-пленным, взятым из Телетля, допущено русскими было такое при том притеснение, что его, следует отметить, никто ну прямо-таки описать не в силах. Дело доходило тут до того, что русские «лезли», в прямом смысле слова, на имущество пленных мужчин, делая это на глазах у членов их семей, и как

результат, – взяли они себе тогда, не смотря ни на что, весьма многое из их имущества.⁷¹

Теперь обратимся к тому отряду, который пошел в своё время в сторону койсубулинцев (*хьиндалал*). Так вот, отряд этот возвратился назад даже не соприкоснувшись там с русскими, каких-либо сражений между ним и ими тогда, следовательно, так и не произошло. Главарем же указанного здесь отряда являлся, необходимо отметить, хромой Нурмухаммад – сын Пира Согратлинского. Это был тот смельчак, которого называли чаще «Пирил Рекав» (*Рекъ-ав*).⁷⁵

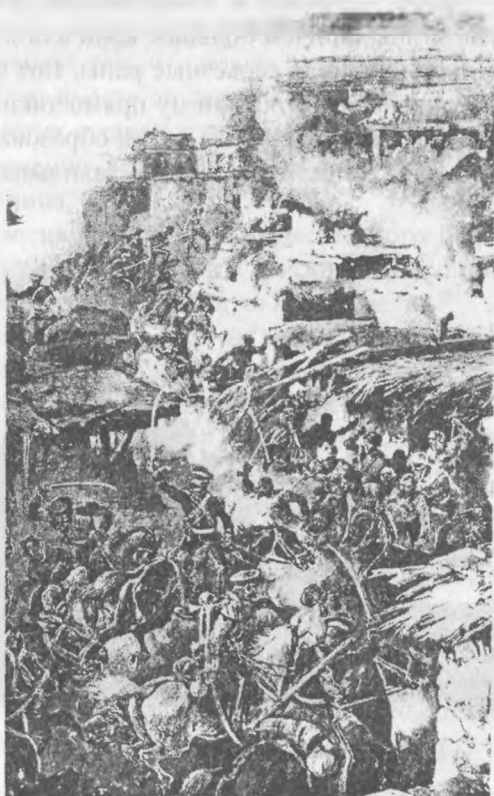
Что же касается отряда, ушедшего примерно тогда же в сторону Ахты, то он представлял собой по сути дела огромное скопище: бухнадинцев (*бугъун*), ташцев (*таши*), анцухцев (*ансухъ*) и тлебеляльцев (*тлебелат*), и все они, что следует отметить, были на конях. Повелителем-амиром этого конного скопища был искусный в делах человек, верующий богомолец, которому, однако, люди при всём том подчинялись, – благородный Шахав Анцухский, являвшийся до начала данной смуты русским набом.⁷⁶ Итак, все эти конные, – бухнадинцы, ташцы, анцухцы и тлебеляльцы, – двинувшись в путь, подошли уже было чуть ли не к городу Ахты и тут – надо же! – их главарю Шахаву и тем, кто находились вместе с ним, ход дел, имевших место там, явился в виде противоположном тому, который они себе ещё недавно представляли. Положение тут повернулось, как бы сказать, в сторону нежелаемую, вследствие чего этот Шахав, а также те, кто были тогда вместе с ним, пошли оттуда назад. Продвигались они так с ахтынской стороны до тех пор, пока авангард их не подошел к городу согратлинцев.⁷⁷

Ситуация, которая сложилась к тому времени, была следующей: князь (*гиназ*) Меликов, главарь Шуринской крепости, располагался – после сожжения города Цудахара – вместе со своей армией в Казикумухе. Затем, однако, находясь всё ещё там, он вознамерился приступить к ремонту-улучшению колесных дорог, ведущих в тот город, – я имею в виду Согратль, – где собрались мухаджиры, явившиеся туда из большей части селений Дагестана.⁷⁸

Те, кто засели в Согратле, сожгли уже к тому времени хутора, а также сено и урожай зерновых, которые были собраны там. Так поступили они для того, чтобы всем этим не смогли бы воспользо-

ваться русские и, таким образом, обрести еще большую силу на фоне их, то есть мусульман.

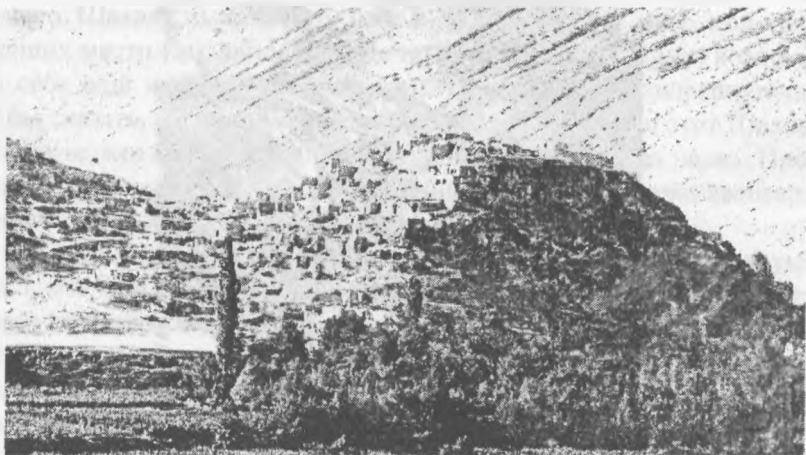
Через некоторое время на сограглинской горе расположился сам вышеупомянутый негодяй – князь Меликов, а также его огромные по численности войска со всем необходимым тут снаряжением. Вместе с ними находилось там ещё и великое скопище «лицемеров», тех, чьи сердца сжигал тогда огонь, порождаемый страхом, происходившим от появления у них одной только мысли о возможности возвращения эпохи *шариата* и, соответственно – прекращения поступления подарков со стороны русских. Вот эти-то люди негодяя Меликова и разожгли тут огонь войны над крепостью, которую воздвигли *мюриды* перед Согратлем.

Кутиша в XIX в.

Они окружили названное здесь место со всех шести сторон, имея при себе, кстати, и пушки, и ружья, и штыки. Там же, между прочим, – имея в качестве опоры то, что построили мюриды, – сидела тогда лишь небольшая группа молодых львов, которые не имели боевого опыта, но, правда, был также ещё и отряд, состоявший из мухаджиров – людей сильных и строгих по отношению к неверным, прибывших в Согратль из различных округов и участков. Следует в данной связи отметить, что среди мухаджиров этих были даже и такие, кто явились с территорий, населенных буртиями (*буртиял*), киялальцами (*кьигьалал*) и чеченцами.⁷⁹

Через некоторое время молодым львам и мухаджирам, тем, кто защищали крепость, построенную мюридами перед Согратлем, стало, однако, тяжело. Поэтому, в конце концов, они стали разлетаться оттуда как птицы, причем большое количество их было тогда либо перебито, либо получило серьёзные раны. Вот тут-то солдаты, пришедшие с Меликовым, и открыли ну прямо-таки великий огонь по крепости, что названа здесь. Через щели, образовавшиеся со временем в крыше этой крепости, они стали закидывать вовнутрь ее горящие факелы.

Цудахар разрушенный в 1877 году

Положение тех, кто оставались ещё в крепости, стало из-за дыма, который порождали солдатские факелы, весьма тяжелым. Ко-

гда же, наконец, дышать стало им трудно уже до предела, то вознамерились они выйти тут наружу, но следует здесь отметить, что некоторые из них успели к тому времени стать мучениками за веру, защищая истину своих убеждений.

Среди людей последней категории следует особо выделить известного многим Тутакая (*Тутахай*), человека по храбрости своей подобного льву. Он, кстати, был сыном воителя времен шамилевского государства (*давла*) и периода, последовавшего за пленением Шамиля, а именно – Уммы Зумсоевского-Киялальского (*Зунси-Къыгъали*).⁸⁰ Умма же этот показал себя настоящим царём-владыкой во время боев; человеком столь надежным для участников *газавата*, словно бы он – ну самый настоящий замок; личностью обладающей «белой рукой»⁸¹ в сражениях и войнах. Он был ведь непосредственным участником большей части особо памятных событий и прославился тем, что пошёл в своё время к русскому падишаху,⁸² сделав это вместе со своими товарищами-*мюридами*, среди которых была тогда и такая, к примеру, фигура, как известный ученый и одновременно величайший поэт Атабай^а Мартанский,⁸³ а также и другие лица.

История жизни хаджи Уммы Зумсоевского-Киялальского, имя его, останутся навсегда в памяти и аристократии, и простого народа. Будут они вспоминать его вплоть до конца света!

Из-за участия своего в согратлинской смуте этот хаджи Умма был позднее повешен русскими^б в Грозненской (*Сундж*) крепости. Вместе с ним же повешены были тогда ещё и такие личности, как Дада Зандаковский (*Зандакъари*)⁸⁴ и хаджи Алибек Чеченский.⁸⁵ Да помилует Аллах их обоих!

Так же, как Тутакай – сын Уммы, показал себя тогда и известный своим героизмом телетлинец Джавадхан. Так вот, он и ещё несколько десятков человек храбро бросились как-то вглубь рядов, образованных близ крепости проклятыми врагами, и, с дозволения всевышнего Аллаха, обратили последних в бегство, сделав это при помощи своих шашек (*сайф*), которые блистали тогда как молнии. Так сражались они, и в том числе, естественно, Джавадхан, до тех самых пор, пока волнение и, можно даже сказать, страх не охватили

^а В тексте: *Абатай*.

^б В тексте: *повешен в русских горах*.

всех тех «прислужников», что имелись в «царстве», которым управлял Меликов.⁸⁶ а также главарей, подчинённых ему.

Умма-хаджи, Алибек-хаджи и их сподвижники в тюрьме

Количество людей в том братском союзе (*улфат*), что ринулся тогда на врагов, уменьшилось, однако, через некоторое время, очень сильно и в конце концов опустилось примерно до 30-ти душ. Вот тут-то они и вынуждены были повернуть назад – в направлении упомянутой выше крепости, воздвигнутой *юритами* перед Согратлем.⁸⁷ Туда приползли они теперь израненными, как бы плавающими в море крови, передвигаясь на коленях и руках.

После того, как названная крепость была наконец уничтожена под корень, те молодые львы и мухаджиры, что до последнего момента находились внутри неё, перешли в согратлинскую крепость – к согратлинцам. Вот тут-то и получилось так, что люди эти передали реальную власть над собой или же, как говорят в таких случаях, «свои поводья» в руки проклятого врага, а «свою уздечку» – в руки «лицемеров».⁸⁸ Таков уж видно обычай, исходящий от всевышнего Аллаха. Так делает Он по отношению к каждому, кто возводит свои строения на краю обрыва.

Затем случилось следующее: между двумя группами, а именно – между русскими, с одной стороны, и мусульманами – с другой,

заклѹченъ былъ злосчастный мир, но пришло это уже после мученической кончины особо видныхъ лицъ изъ числа техъ, кто сидѣли въ крепости. Въ числѣ же ихъ – мучениковъ за веру, о которыхъ мы здѣсь сказали, были: отчаянный храбрецъ Тутакай, известный многимъ лев Джавадхан и еще кое-кто.

Грозненская крепость (XIX в.)

Что касается проклятыхъ враговъ, что изъ «царства» Меликова-негодяя, то они уже после заключения названнаго выше мира поступили следующимъ образомъ: взяли въ плен почтенныхъ мухаджировъ, кто еще оставались тогда въ живыхъ, а также ученыхъ, хаджиевъ, наибовъ и храбрецовъ изъ числа согражданцевъ.⁸⁹ Такова же была судьба и иныхъ особо избранныхъ личностей, изъ какого бы дагестанскаго селенія они не происходили, всехъ дагестанцевъ указаннаго здѣсь типа. Враги не оставили въ селеніяхъ, такимъ образомъ, ни одного мужа изъ числа техъ, съ кого люди берутъ примеръ, съ кемъ они считаются. Такъ же поступили эти враги и съ теми дагестанцами, кто имѣлъ на телѣ раны, даже съ получившими самыя что ни на есть маленькія ранки, но изъ-за участія своего въ упоминаемой здѣсь смутѣ.⁹⁰ Что тутъ, однако, поделаешь – «Поистинѣ, мы принадлежимъ Аллаху».^a

^a Коран, II, 151 (156).

Далее, проклятые враги подвергли аресту, вдобавок, ещё и часть потомства лиц названного выше типа, причём большую.⁹¹ В результате же всего этого в Дагестане практически не осталось человека, которого не поразила бы беда в связи с произошедшими тогда событиями, не считая лишь очень малого количества. Одних людей враги, таким образом, убили, других арестовали и увели в плен, третьих повесили, у четвёртых отняли силой имущество, пятым нанесли раны. Такие-то вот беды поразили дагестанцев: одних из числа их – лично, других – в лице их близких родственников, третьих – в лице их рода (*кабила*).

Теперь о количестве людей, которых увели в плен. Так вот, из города Согратля было взято 700 душ, столько же взяли из города Казикумуха и ещё столько же – из Цудахара.⁹² Всего же масса взятых в плен и уведённых из родных мест – и мужчин, и женщин, и детей, – достигла тогда семнадцати тысяч душ.⁹³

Что же касается тут конкретно Согратля как города, то он был перевернут как бы вверх ногами. Как говорят в таких случаях, «его верхняя часть была положена на нижнюю».

Пленные-арестанты вынуждены были теперь двинуться в путь и идти в направлении тесных комнатушек, расположенных внутри тех или иных крепостей, где в конце концов они и остановились, и как результат – положение их стало отныне самым что ни на есть плохим. Что же касается отдельных особо видных персон из числа принимавших участие в смуте, а также тех, кто в деле том считались лицами важными, то их в Сибирь русские отправлять не стали, как-то поступили они с прочими пленниками-арестантами. Их они тут удержали при себе, и продолжалось всё это в течение ряда дней.

Затем в наши селения пришёл «приказ» (*пирказ*), исходивший от русской стороны, согласно которому из каждого селения в Гуниб обязаны были явиться люди. Из одних селений должно было явиться при этом по одному мужчине, из других – по два, из третьих – по три мужчины. Все они обязаны были, находясь в Гунибе, смотреть на то, что станут делать они – русские – с видными лицами преисполненными благородства и со славными храбрецами, подобными львам.⁹⁴

Итак, эти благородные люди и храбрецы были в конце концов повешены в местности, расположенной вниз от Гунибской крепости, на берегу протекающей там реки. Произошло это событие в

пятницу, на глазах у названных выше людей, прибывших из разных селений: из одних – по одному, из других – по два, из третьих – по три человека.

В числе повешенных тогда на берегу реки были лица, которых со стороны мусульман считали людьми большими, а также – мусульманские храбрецы, мусульманские учёные и хаджи:

согратлинцы – провозглашённый имамом хаджий по имени Мухаммад, сын известного людям шейха Абдурахмана Согратлинского, обладателя [тайных] знаний; превосходный учёный в области божественных наук, чьё имя было Абдулхалим; сын покойного учёного по имени Умар, который был в свою очередь сыном некоего Амира (*Амирил Глумар*); крупный учёный, которого называли Абдулла-хаджи,⁹⁵ сын учёного Умара, сына хаджи Ризвана;

далее, *телетлинцы* – известный правовед (*факих*) Хамзат-хаджи, сын Мирзы; дряхлый старик по имени Муртазаали, отец [Джавадхана] – известного своей храбростью юноши, который при том обладал ещё и умом, нужным в делах связанных с войной, ну прямо-таки совершенным, а вдобавок ко всему понимал, чем и как испытывает нас это время;

далее, в том месте, что находится на берегу реки, вниз от Гунибской крепости, повешен был подобный льву смельчак по имени Али – сын Умара Куллаского (*Глали Глумарилав*),⁹⁶ а ещё хаджи Аббас Ансалтинский,⁹⁷ тот человек, который принёс в своё время письмо от Газимухаммада, сына имама Шамиля;

далее, повешены были там следующие *казикумухцы*: наиб Абдулмаджид-бек, происходивший из рода эмиров; Зубаир,⁹⁸ сын эмира Башир-бека; Хаджи, сын Канку (*Къанкъу*);⁹⁹

повешены были там также: учёный в делах своих возвышенный, являвшийся, можно сказать, уникалом для своей эпохи, а именно – Абдулла Цулдинский; и ещё юноша Ника-кади Цудахарский, который опередил тогда всех на поприще храбрости и организации кровопролития.

Упомянутых же выше людей – как говорится, – не видных, впрочем, однако всё то количество их, которое указано, русские позднее сослали – отправили их на чужбину, а точнее в Россию (*Урусиб*), по городам и весям которой они рассыпались тут подобно зерну, разбросанному по земле рукой сеятеля. Жить им там было, следует отметить, весьма тяжело. На тех территориях, что нахо-

дятся, кстати, издавна под русским управлением, преследовали их различные болезни, причём по большей части из-за того имело это место, что климат там не умеренный. В итоге большая часть тех людей, оказавшихся на чужбине в качестве ссыльных, «переселилась» со временем «в обитель вечности», что происходило – увы! – в самых различных местах, в которых находились они в заключении. Да простит Аллах и нас и их!

Салануб, мемориальная мечеть на месте казни руководителей восстания 1877 г. (арх. М.Керимов, 2001г.)

Те из числа высланных в Россию, кому удалось всё-таки выжить, провели в том положении около пяти лет. Наконец, однако – на шестом году их пребывания в ссылке, излил на них своё милосердие новый падишах.¹⁰⁰ В результате они были освобождены из заключения и, таким образом, из-под ареста вышли. Что же касается причины названного излияния, то имело оно место в качестве милости, исходившей от этого падишаха, который величаво встал теперь на место своего убитого отца.¹⁰¹ Именно вследствие этого-то события наши ссыльные и получили тогда возможность возвратиться в свои родные обители.

Итак, люди наши, находившиеся ранее под арестом, возвратились теперь назад, но это, однако, не коснулось тех из них, кто пребывали в Саратовской (*Сарату*) губернии (*губерне*). Им же удалось возвратиться лишь на седьмой год после начала своей ссылки.

Теперь несколько слов о знаменитом шейхе Абдурахман-хаджи Согратлинском. Так вот, русские начальники встретили его в своё время в городе Казанище, где содержанием его занялся известный Абдулкахир – переводчик, служивший при Меликове. Он, следует отметить, содержал названного шейха в своём собственном доме, и причём делал это самым что ни на есть лучшим образом, и с самым великим уважением к нему.¹⁰² Затем, однако, названный шейх Абдурахман «переселился» с поверхности Земли во внутрь её и был погребён там же в Казанище. Да прольёт на нас Аллах частицу благодати, исходящей от этого шейха и да осветит Он светом своим его славную могилу!

Далее, отметим здесь же, что учёный-правовед Газимухаммад Бацадинский¹⁰³ умер в своё время в Шуринской тюрьме, а случилось это перед высылкой его в Сибирь. Таким же, кстати, образом, произошла смерть и вышеупомянутого эмира Джафар-хана Кумухского – сына Аглар-хана, которого считали тираном;¹⁰⁴ похоронили Джафар-хана также как и шейха Абдурахмана, в Казанище, на имеющемся там мусульманском кладбище. Что же тут подделаешь: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему мы возвращаемся».^a В Коране сказано ещё и такое: «Решение же» всех проблем – в руках «у Аллаха высокого, великого».^b

Инквачилав.^b

Переписано это со списка, принадлежащего руке автора – Абдуразака Согратлинского.

1925 год, Согратль.

^a Коран. II. 151 (156).

^b Коран. XL. 12.

^c Отсюда и ниже – рука другого человека. то есть не того, кто переписывал основной текст (VII).

1. Речь идёт о положении в северо-западной части Сулакского бассейна, в горах Аваристана.

2. Это, скорее всего, лишь просто свидетельство знакомства автора разбираемого текста с широко известной по Дагестану и Чечне «Историей сел. Аргвани».

3. Здесь и выше речь идёт, вероятно, о формировании крупных населённых пунктов в той части Аваристана, то есть – о процессе синойкизма (об этом см. **Шихсандов А.Р.** Дагестан в X-XIV вв.: опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975, с.97-108).

4. Можно предполагать, что здесь мы имеем дело с контаминацией двух реально существовавших в истории исламизаторов Дагестана – шейха Абулмуслима (XI – начало XII вв.), действовавшего в горной Аварии и шейха Хасана Сухраверди (начало XIV в.), чьей сферой миссионерской активности было сел. Кубачи и его окрестности (см. **Айтберов Т.М.** Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990, с.70-75, 81; **Айтберов Т.М., Иванов А.А.** Новые арабские надписи XIII-XIV вв. из Дагестана. – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. XV, ч.II. М., 1981, с.38-44).

5. Этот рассказ об отравлении мусульманскими воинами-пришельцами «неверных» дагестанцев, осуществлённом через притворное бегство от них, и, как следствие, подчинении Дагестана исламской власти – является широко распространённым (см. **Шихсандов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.** Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с.101; **Хайдарбек Геничутлинский.** Историко-биографические и исторические очерки /пер. Т.М. Айтберова, коммент. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992, с.34).

6. В тексте, как мы видим, начало вражды между дагестанцами и закавказскими христианами датируется, на основе местной устной традиции, примерно 2-ой половиной XVI в. В данной связи нельзя не отметить, что, как свидетельствуют письменные источники, в названное время действительно происходили неоднократные нападения дагестанских отрядов на Кахетию, то есть Восточную Грузию, причём было тогда и одно крупное нападение на территорию Тушетии, пограничную с Ункратлем (см. **Айтберов Т.М.** Нахоязычный район Мосок в XVI-начале XIX в. : локализация и политические связи. – Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984, с.57).

7. Как известно в горном Дагестане князья – правители территорий, принадлежавшие к определённым династиям, были ещё в доарабские времена (см., к примеру, **Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963, с.112, 125, 126, 129, 130, 132, 133, 136, 137). Что же касается конкретно северо-западного Дагестана, то там князья, по дагестанской терминологии XIX – начала XX вв. – «ханы», были уже в пределах XIV–XV вв. (см. **Шихсаидов и др.** Исторические сочинения, с.143).

8. Официальные представители княжеств Дагестана посещали города России и в том числе Москву ещё в конце XVI в. (см. **Гаджиев В.Г.** Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с.67, 68).

9. Без сомнения мы имеем здесь дело лишь с личным мнением автора текста, проистекавшим во многом из знакомства с современной ему действительностью. От исторических же реалий, касающихся обстоятельств появления князей-ханов в горах Дагестана, мнение это стоит, понятно, более чем далеко.

10. Этим, как известно, а именно – дефеодализацией дагестанского общества, занимался в первую очередь имам Хамзат, выходец из горского аристократического (*нуцаби*) рода, предшественник имама Шамиля (см. **Магомедов Р.** Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939//1991, с.51, 57, 58; **Хашаев Х.-М.** Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, с.48-50; **Гаджиев,** Роль России, с.217, 223; **Гаммер М.** Шамиль: мусульманское сопротивление царизму, завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998, с.97, 100, 111).

11. В русских материалах 1839 г. отмечается, что князья Ункратля «получают» с местных жителей «с каждого двора в год по одному барану», по одной мерке «пшеницы», а также заставляют их работать на себя бесплатно «по три рабочих дня» (см. **Хашаев.** Общественный строй, с.136, 137).

12. Раньше, по крайней мере, ещё в начале XVIII в., ункратлинские аристократы-*султаны* проживали и в сел. Саситль (см. **Айтберов.** Хрестоматия, ч. I, с.34).

13. Из разбираемого текста следует, что Ункратль был достаточно обширным по территории горским княжеством, где в качестве «материнской» речи употреблялся как аварский язык, так и цезские наречия.

14. См. здесь же, № 11.

15. После 19 сентября 1834 г. (см. **Магомедов.** Борьба, с.59, 60; **Гаммер.** Шамиль, с.101, 109, 110).

16. Он упоминается в русских архивных материалах 2-ой половины XIX в. (см. **Магомедов.** Восстание, с.26; **Гасанов.** Борьба, с.53, 54).

17. Он зафиксирован в сочинении Абдурахмана Казикумухского как наиб Мухаммад Короткий, сын Сагита Сильдинского (*Сагитил МухАаммад*) и причём говорится, что управлял он Сильди и близлежащими селениями, пользовался уважением со стороны Шамиля и оставался на своём посту вплоть до падения Имамата (см. *Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний* /пер. М.-С. Саидова, ред. перевода и т.д. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997, с.54, 55).

18. По русским источникам 1839 г. ункратлинские селения – такие как Кеди, Саситль и Сильди, – тамошние князья «считают своей собственностью, так как земля», имеющаяся там, «им принадлежит» (см. *Хашаев. Общественный строй*, с.137).

19. По-видимому, речь идёт о ситуации, имевшей место в 1835-1837 годах, когда имам Шамиль ставку свою держал в Ашильта (см. *Магомедов. Борьба*, с.67, 68; *Гаммер. Шамиль*, с.119, 131).

20. Он упоминается в поэме Мухаммадбека Гергебильского (ум. в 1920 г.), именуемой «Шамилю», в связи с событиями 1844 г. : «Гадаринский Хавалав громко закричал» (см. *Мухаммадбек Гергебильский. Газават*. Махачкала, 1996, с.39, на авар. яз.).

21. Есть указания на то, что истребление кединской аристократии Шамилём произошло в 1844 г. (см. *Феодальные отношения в Дагестане, XIX – начало XXв. : архивные материалы/ сост., предисл. и примеч. Х-М. Хашаева. М., 1969, с.278, 279*), однако, вполне возможно, что названная акция могла иметь место и раньше – не позднее 1840 г. (см. *Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIXв. /сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959, с.238*). Это же, в свою очередь, согласуется с содержанием разбираемого здесь текста.

22. Временами сел. Гаквари выступало в качестве как бы центра Чамалала.

23. В русских источниках XIX в. содержится целый ряд упоминаний о вооружённых столкновениях между отрядами дагестанцев и тушинцев, происходивших в период Кавказской войны.

24. Речь идёт об известном походе 1854 г. (о нём см. *Магомедов. Борьба*, с.124, 125; *Хашаев. Общественный строй*, с.54; *Гаджиев. Роль России*, с.229, 230; *История Дагестана, т.II, с.109* – здесь, правда, интересующий нас поход датирован 1853 г.; *Гаммер. Шамиль*, с.360, 362-365).

25. Как полагают современные исследователи, в дагестанском походе на Кахетию 1854 г. участвовало, вместе с Шамилём, примерно 7000 кавалеристов и 5000 пехотинцев (см. *Гаммер. Указ. раб.*, с.363). В «Истории Дагестана» (т.II.), однако говорится, что в том походе Шамиль шёл во главе 15 тыс.воинов, а 7 тыс.– это количество бойцов Имамата, действовавших вместе с Газимухаммадом на берегах Алазани (с.109).

26. В то время шла тяжёлая для России Крымская война и Шамиль имел тогда чисто военную цель: соединиться с армией султана Абдулмджида на территории Грузии (см. История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1919 г. /под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1988, с.188; Гаммер. Шамиль, с.364, 365).

27. Речь идёт о Пахальской горе, куда имам Шамиль прибыл 14-го июля 1854 г. (см. Гаммер. Шамиль, с.363).

28. Как известно Хаджимурад Хунзахский покинул территорию Имамата во 2-ой половине 1851 г., а погиб он весной 1852 г. (об этом наиболее см. Иванов Р.И. Хаджи-Мурат: документы, письма, очерки, факты. М., 1999).

Отдельные русские офицеры, имевшие опыт работы по линии спецслужб, и некоторые кавказоведы XIX – начала XX вв. полагали, что ссора Хаджимурада с Шамилём 1851 г. была всего лишь тонкой игрой, спланированной в недрах *диван-ханы*, с целью проведения разведывательной операции на территориях, контролируемых имперскими силами (см., например, Хаджи-Мурат. – в кн.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXVI-а. СПб., 1902, с.951; Иванов. Хаджи-Мурат, с.22-25, 179).

29. Шамиль, как утверждают отдельные летописцы и историки-кавказоведы, в Алазанскую долину сам не спускался. Там с 15-го июля 1854 г. действовал его сын Газимухаммад (см., например, Гаммер. Шамиль, с.363, 364; Хайдарбек Геничутлинский. Очерки, с.101).

30. О том, что Шамиль неодобрительно высказывался о закавказском походе 1854 г., хотя и дал он Имамату большую и богатую добычу, имеются и другие указания (см. Хашаев. Общественный строй, с.54).

31. С 22-го июля 1854 г. войска Имамата, согласно русским источникам, перебазировались из предгорной части Алазанской долины в близлежащие горы, где они простояли ещё три недели, после чего Шамиль распустил своих бойцов по домам (см. Гаммер. Шамиль, с.364).

32. В 1859 г., 25 августа //6-го сентября (Гаммер. Шамиль, с.285).

33. Речь идёт об Александре II (1855-1881 гг.)

34. Как известно, это, в общем-то, правда (см., например, М.Н. Чичагова. Шамиль на Кавказе и в России: биографический очерк. СПб., 1889, с.111-114, 120, 136, 154).

35. Каких-либо достоверных подтверждений этому не имеется. Можно предположить поэтому, что в данном случае автор разбираемого текста (I) оказался невольной жертвой слухов, источником которых могли быть, к примеру, царские специальные службы. Дело в том, что государственной линией здесь было: ограничение «действия шариата» в жизни дагестанцев и чеченцев, с тем чтобы «по возможности вытеснить и заменить

его адатом», для всестороннего ослабления этих и других бывших врагов Империи (см. История Северного Кавказа, с.281, 288; **Хашаев**. Общественный строй, с.66, 67: в официальном «Положении» от 1868 г. говорится, что адаты «служат» царской администрации «твёрдой опорой в предстоящей... надолго ещё тайной борьбе за влияние на народ»).

36. В 1866 г. Шамилю разрешили переехать из Калуги в Киев, откуда он через два года, по дозволению свыше, отправился затем в пределы Османской империи – в Аравию (см. **Гаммер**. Шамиль, с.393).

37. Здесь слово «кварелец» имеет значение «кахетинец; грузин».

38. Князь Николай Зурабович Чавчавадзе; в 1871 г. он был уже генерал-майором, начальником *Западного* отдела Дагестанской области (см. Кавказский Календарь на 1871 год. Тифлис, 1870, с.154).

39. Этот Хаджияв был сыном Газиява Каратинского – влиятельного в горах сподвижника Шамиля (о нём см. **Гаммер**. Шамиль, с.109). Как известно, Хаджияв находился одно время в Калуге, вместе с пленным имамом, а с начала 60-х годов XIX в. он уже в Дагестане, на должности наиба Ункратля (см. КК на 1871 год, с.161; **Руновский А.** Записки о Шамиле. Махачкала, 1989, с.147, 150; **Козубский**. История полка, с.220, 222).

40. Столь тяжёлое экономическое положение в Ункратле, имевшее место, согласно разбираемому аджамскому тексту, к рубежу 60-70-х гг. XIX в. (ункратлинцы, по характеристике Р.М. Магомедова, «стали» к тому времени просто «нищенствовать», с.27), происходило, как можно думать, в значительной мере от разорений в ходе ункратлинских восстаний 1860-1862 годов (об этом см. **Магомедов**. Восстание, с.23, 24, 27; История Дагестана, т. II, с.144, 145; **Гасанов**. Борьба, с.48, 49; **Козубский**. История полка, с.220-222; **Магомеддаев А.** Эмиграция дагестанцев в Османскую империю: сборник документов и материалов. Кн. I. Махачкала, 2000, с.52, 53).

41. Эта сумма (25 рублей) соответствовала подымному налогу, взимаемому с одного хозяйства за 25 лет (см. **Хашаев**. Общественный строй, с.69).

42. Имперские спецслужбы располагали, как известно, информацией, что в 60-70-е годы XIX в. отдельные государственные служащие дагестанского и чеченского происхождения создавали исподволь напряжённую ситуацию в Дагестане и Чечне, имея конечной целью при этом воссоздание Имамата. Вполне вероятно, что такой же, по форме своей – антироссийской, деятельностью занимался и Хаджияв Каратинский, человек бывший ранее в окружении имама Шамиля.

43. В Аварском округе, чьим центром являлся Хунзах, распоряжался в 1871 г. Александр Давыдович Накашидзе (см. КК на 1871 год, с.154).

44. Такое решение вопроса соответствует шариаату: за убийство нескольких лиц на виновного в этом налагается один *кисас* («кровавая месть»), как и за убийство одного человека (см. **Петрушевский И.П.** Ислам в Иране VII-XV вв. Л., 1966, с.165-167).

45. Об этом см. здесь же, № 42.

Отметим, что как следует из книги Р.М. Магомедова, в русских источниках также имеются указания на то, что имперские власти производили в 60-е годы «изъятия» земель и в том числе горных пастбищ у ункратлинцев, и раздачу их позднее различным местным чиновникам (см. **Магомедов. Восстание, с.27**).

В «Истории Дагестана» (т.II, с.149) говорится, что по указанию начальника Дагестанской области Л.И. Меликова-Меликяна, ункратлинский наиб Хаджияв приступил в 1871 г. к взысканию недоимок и налогов, причём в принудительном порядке, за что он и был затем убит. Мнение это опирается в первую очередь, как видно, на текст телеграммы Михаила Николаевича – наместника Кавказа, посланной им в 1871 г. на имя царя Александра II: ункратлинцы «по случаю взимания податей возмутились, убили своего наиба» Хаджиява (стр. 149; см. также **Хашаев. Общественный строй, с.71**; **Гасанов. Борьба, с.53**: имела место «непомерная тяжесть податных обложений»).

46. Это те люди, чьи права на наследство, поступающее со стороны покойного, предусмотрены Кораном: отец покойного, сын или внук, брат (см. **Петрушевский. Ислам, с.179**). Естественно, что эта категория, в случае нужды, должна была принимать самое активное участие в исполнении акта кровавой мести.

47. В глазах дагестанцев это была, как известно, одна из самых серьёзных клятв (об этом см. **Комаров А.В.** Адаты и судопроизводство по ним. – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868, с.19).

48. Следует отметить, что согласно русским архивным документам, началось ункратлинское восстание 1871 г. в сел. Хушет, где была сделана попытка взыскать государственные подати, а лидером (его тексты именуют *имамом*, но думается, что это просто выдумка властей, сделанная, в очередной раз, с целью обесценить в глазах кавказцев значимость титула «имам») его был Мухаммад из Хушета, именуемый «Бецулил Магома», которого признавал в этом качестве и Деньга-Мухаммад Сильдинский (см. **Магомедов. Восстание, с.26, 28**; **Гасанов. Борьба, с.54**).

Русские материалы подтверждают участие в ункратлинском восстании 1871 г., наряду с сильдинцами, жителей селений Метрада, Хваршины и Хушет, а также говорят, что оно «вспыхнуло совершенно неожиданно» для царских властей, то есть «тайна», о которой говорит разбираемый текст (I), была действительно соблюдена борцами с имперским режимом,

причём на высоком уровне (см. Магомедов. Восстание, с.26; Гасанов. Борьба, с.53, 54).

49. Он – Исал Дибир (*Гисал Дибир*) – упоминается в русских источниках XIX в. Был в 1871 г. прапорщиком и за «правильную» позицию, занятую в 1871 г., он и подпоручик Талхат – сын Загалава (Хваршинского - ?) получили земли на территории Ункратля (см. Магомедов. Восстание, с.27; Гасанов. Борьба, с.12, 53, 54). В конце 70 – начале 80-х годов XIX в. этот Дибир являлся уже наибом – сначала в Ункратле, а позднее в Чамалале (см. КК на 1879 год. Тифлис, 1978, с.114; КК на 1880 год. Тифлис, 1879, с.141).

50. Р. М. Магомедов пишет, что после убийства Хаджиява Каратицского восставшие ункратлинцы направились из сел. Хваршины в Саситль, где они-де окружили дом Дибира – сына Исы, в котором тот засел тогда вместе с членами своей семьи, нукерами и старшинами. Дибиру было-де предложено тут вступить в ряды участников «газавата», на что ответом был выстрел. После этого-де между обеими сторонами возникла перестрелка, в ходе которой Дибир получил рану (см. Магомедов. Восстание, с.27). По материалам же, которые находились в распоряжении М.М. Гасанова, вероятно, русским по своему происхождению, во 2-ой половине октября 1871 г. капитан Хаджияв Каратинский – наиб Ункратля и его люди были окружены в сел. Хварши восставшими, среди которых заметную роль играли сильдины во главе с Деньга-Мухаммадом; затем была подожжена сакля, где сидели тогда Хаджияв и Дибир Саситлинский – сын Исы; выбежавший наружу наиб Хаджияв был тут убит противниками царского режима, а Дибир – тяжело ранен (см. Гасанов. Борьба, с.53, 54).

51. Согласно русским архивным материалам, после убийства наива Хаджиява восставшие ункратлинцы двинулись разными путями в направлении Ботлиха. Именно в это время, кстати, ункратлинское восстание 1871 г. достигло своего апогея (см. Магомедов. Восстание, с.27; Хашаев. Общественный строй, с.71; История Дагестана, т.II, с.149; Гасанов. Борьба, с.54).

52. Генерал-лейтенанту Герхману было предписано сверху, в октябре 1871 г., направить в Ботлих, для противостояния ункратлинцам пехоту и один взвод горных орудий, при том, что Максуд Алиханов (известный впоследствии как «Аварский») уже вышел из Ботлиха и двинулся вверх по течению Койсу во главе отряда, состоявшего из местных жителей, в количестве примерно 250 человек. Находившемуся же тогда в отпуске генерал-майору Н.З. Чавчавадзе, лицу ответственному за положение в *Западном* Дагестане, было приказано немедленно вернуться в Ботлих (см. Магомедов. Восстание, с.27, 28). М.М. Гасанов, следует отметить, пишет, что для подавления ункратлинского восстания 1871 г. из Ботлиха выступи-

ли конкретно два батальона пехоты и один взвод горных орудий, но одновременно были привлечены к делу следующие наибы с их милицейскими отрядами: дидойский, хунзахский, койсубулинский, цунта-ахвахский и батлухский (см. Гасанов. Борьба, с.54).

53. Русские документы знают его как прапорщика Ахмадхана – сына Гази и отмечают при этом, что 14 принадлежащих ему домов населённых, по-видимому, родичами и клиентами, не были затронуты во время разгрома войсками селения Сильди в 1871 г. (см. Магомедов. Восстание, с.28).

Во время восстания 1877 г. этот Ахмадхан отказался служить царизму с оружием в руках и, таким образом, подавлять своих земляков-дагестанцев (см. Козубский. История полка, с.233).

54. К названному в источнике погрому имперская администрация приступила вскоре после 15-го ноября 1871 г., когда были уже взяты под арест 1500 ункратлинцев (мужчин -?), прежде всего метрадинцев, сильдинцев, хваршининцев и хушетцев, о чём генерал-лейтенант Мирский сообщил военному министру России; населённые пункты Ункратля подверглись тогда в большинстве своём разрушению (см. Магомедов. Восстание, с.28; История Дагестана, т.II, с.150; Хашаев. Общественный строй, с.71; Гасанов. Борьба, с.54).

55. Во 2-ой половине 70-х годов XIX в. андийским участковым наибом был Гирей-Араш Шамхалов-Андийский (см. КК на 1876 год. Тифлис, 1875, с.143).

56. Цинондали – владение князей Чавчавадзе; в 1854 г. было захвачено и обчищено воинами Шамиля (см. История Дагестана, т.II, с.109).

57. Генерал Л.И. Меликов-Меликян, будущий член Госсовета Империи, стоял на той позиции, что ункратлинских мятежников, ведомых в 1871 г. под арестом в Темир-Хан-Шуру, следует депортировать оттуда на территории со сплошным русским населением, о чём другой генерал – Мирский сообщил тогда же военному министру (см. История Дагестана, т.II, с.150). Понятно, что Меликов-Меликян планировал здесь просто-напросто уничтожение ункратлинцев, как части аварского народа, через их ассимиляцию, действуя здесь, возможно из чувства мести за то, что мусульмане Турции и Ирана делали в прошлом по отношению к его единоплеменникам-армянам.

По сообщению А. Камилова, сильдинцам пришлось как-то встретиться на территории Ставропольского края русского человека, который помнил, что его предки были аварцами из сел. Сильди.

58. Как известно, институт «куначества» играл весьма значительную роль в жизни кавказцев, особенно горцев. Получить статус «кунака» какого-либо влиятельного человека было совсем не просто, ибо ре-

зультатом тут становилось прежде всего большое взаимное доверие в делах разного рода. Отсюда же вытекает в свою очередь то, что доверие к тушинцам-шенакоевцам, которое проявили в 1871 г. такие незаурядные личности как Деньга-Мухаммад и Сагит-Мухаммад, проистекало не только из факта их тяжёлого положения, но и из их привычки к действительности института куначества.

59. Многие племена и народы Кавказа XVIII-XIX вв., и русские военные, служившие там, практиковали, как известно, отсечение голов своих противников, убитых в бою (об этом см., например, Филиппсон Г. Кавказская война. – в кн. «Стрижамент: историческое наследие». Ставрополь, 1991, с.444), делая это, думается, по примеру воинов империй Востока. Конкретно же для жителей горной части Кахетии характерно было в прошлом, вдобавок, ещё и отсечение кистей рук у своих убитых в бою противников и сохранение их в высушенном виде на специальных крюках, которые вбивали в стены домов с внешней стороны (см. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985, с.229; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч.1. СПб., 1879).

II

1. Термином «Дагестан» обозначалась в местных, правда, лишь в некоторых, арабоязычных источниках, можно сказать, что вся горная часть Северо-восточного Кавказа. Судя по контексту, в названном же здесь значении упомянутый термин употребляется зачастую и автором разбираемого исторического сочинения (II).

2. Так называли иногда правителей Османской империи, то есть султанов; аварское произношение этого персидского слова – *гъункар* (см. Сандов М.-С. Аварско-русский словарь. М., 1967, с.163).

3. Султан Абдулмаджид I (1839-1861 гг.) был современником имама Шамиля и, вероятно, именно поэтому дагестанцы хорошо знали его по имени. Что же касается времени описываемого в разбираемом историческом сочинении – 1877 года, то Османской империей управлял тогда султан Абдулхамид II (1876-1909).

4. Император; по-аварски *парчахI*.

5. Александр II (1855-1881).

Речь идет о русско-турецкой войне 1877-1878 гг., которая началась 24-го (12-го) апреля 1877 г.

6. Здесь речь идет о Дагестанской области Российской империи, которая была создана царизмом после пленения имама Шамиля.

7. Из этнических дагестанцев, преимущественно из аварцев, было сформировано тогда три конно-иррегулярных полка (два *Дагестанских* и

один *Закатальский*), а кроме того в составе *Кабардино-Кумыкского* полка находилось по одной конной сотне кумыков и салатавцев-аварцев. Сражались они в 1877-1878 гг. в составе Кавказской армии Империи, в том числе и под Карсом (см. История Северного Кавказа, с.293, 294).

8. В то время Мекка входила в состав Османской империи.

9. Алибек происходил из имевшей много сыновей чеченской семьи Алдамовых, которая проживала в населенном пункте Симсир, входившей традиционно в Зандакскую общину. Было ему тогда примерно 25-27 лет (см. Тахо-Годи. Восстание, с.44; Мальсагова. Восстание, с.19-21; История Северного Кавказа, с.289; Ходжаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный 1998, с.304, 305).

10. Этот Алибек-хаджи вернулся на Северный Кавказ, как считают исследователи, до начала русско-турецкой войны (см. Тахо-Годи. Восстание, с.44; Магомедов. Восстание, с.32, 33). Поэтому единственное что в принципе мог он знать и соответственно – рассказывать своим землякам: так это то, что на далёких Балканах, мусульмане-османцы и их сподвижники – северокавказские мухаджиры воюют со славянами христианского вероисповедания, которые сражаются под командой многочисленных офицеров из армии русского царя. Думается, что именно эти события, в ходе которых гибли и османцы, и «черкесы», и русские, и обозначены в разбираемом источнике (II) как битвы между падишахами (см. История дипломатии. Т.II /под ред. В.П. Потёмкина. М.-Л., 1945, с.22-40; Бэрэддж Н. Изгнания черкесов. Майкоп, 1996, с.137-140, 149, 150).

Следует также отметить, что в отдельных современных работах возвращение хаджи Алибека Алдамова из пределов Османской империи, причем после встречи там с Газимухаммадом, датируется 1874 г. (см. Ходжаев. Чеченцы, с.304).

11. По сведениям российских контрразведывательных органов, деятельность в пользу Османской империи проводилась на Северо-восточном Кавказе, включая и ногайскую степную зону, еще в 1875-1876 гг., причём велась она не только через государственные структуры, но и через оппозиционную по отношению к султану партию так называемых «младо-турков» (см. Мальсагова. Восстание, с.19; Гасанов. Борьба, с.57-59; Богуславский. История полка, т.II, с.458).

12. Речь идет об условиях капитуляции предыдущего Имамата.

13. Османских султанов мусульмане-сунниты XVIII - начала XX вв. считали своими религиозными вождями-имамани.

14. Мусульманская традиция требует, чтобы военно-политическому вождю приносили присягу – те, кто согласились признавать его верховенство (см. Петрушевский. Ислам, с.151).

15. Соответствует июню-июлю 1877 г.

16. Чеченцы и дагестанцы уже достаточно давно поняли, что *адаты* – местное древнее право, – являются средством, применяя которое имперская администрация имеет потенциальную возможность раздробить их на мелкие бессильные племена с последующим насаждением внутри каждого такого племени вируса, вызывающего морально-физическую деградацию его членов (как пишет С. Эсадзе, очевидным результатом введения на Кавказе 2-й половины XIX в. новых судебных порядков, призванных, по сути дела, ликвидировать то, что создавали имамы Дагестана и Чечни – Лазимухаммад, Хамзат и Шамиль, «была общая деморализация... умножились воровство, убийства, увоз женщин»; см. об этом в его работе «Историческая записка об управлении Кавказом». Т. I. Тифлис, 1907, с. 194). Это было, соответственно, одной из главных причин, по которой наши горцы, не жалея нажитого с трудом имущества и самой жизни, выступали с оружием в руках против великой Империи, действуя под флагом восстановления шариатской системы управления, введения шариатских законов.

17. По российским данным, источником которых была информация, скорее всего, исходившая от специальных служб, в 1877 г. произошло, практически одновременно с началом русско-турецкой войны (в ночь с 24-го на 25-е апреля, по новому стилю), тайное собрание жителей различных селений Веденского округа, где в присутствии примерно 60 лиц мужского пола был провозглашен их лидером, с титулом *имам*, Алибек-хаджи; члены этого собрания, проходившего в «трущобах» Ичкерии, дали якобы друг другу клятву публично «объявить себя независимыми» от Российской империи (см. Магомедов. Восстание, с. 36; Мальсагова. Восстание, 19; История Северного Кавказа, с. 288, 289; Гасанов. Борьба, с. 62). При этом, однако, следует отметить, что по указанию чеченских источников 2-й половины XIX в., на названном собрании, где Алибека-хаджи объявили якобы имамом и назначили затем наибов в те или иные участки, поставлены были вопросы не «политики» (независимости от России), а притеснения царизмом ислама на территории Чечни: так, власти объявили к тому времени запрет «читать громко зикры», даже в зданиях мечетей, далее – «носить халаты и чалмы» и касалось это запрещение лиц совершивших *хаджж*, далее – «собираться в толпы для вызывания дождя» и т.д. (см. Ходжаев. Чеченцы, с. 304, 305); в 1877 г. начальником Веденского округа, где проходили все эти откровенные беззакония, был Ефим Ефимович Чернявский, а его помощником – князь Семён Иванович Авалов-Авалишвили.

18. Речь идет о нападении на табун Кабардинского полка (см. Магомедов. Восстание, с. 36, Гасанов. Борьба, с. 62).

Следует отметить, что названные выше чеченские источники наводят мысль, что действия под руководством Алибека-хаджи начались лишь через две недели после проведения вышеупомянутого совещания, когда он

«раскрыв общий замысел, благословил дело молитвой» (см. Ходжаев. Чеченцы, с.305).

19. К 28-му (16-му) апреля «восстание стало распространяться» по всей территории «Большой» Чечни и одновременно появились отдельные случаи «сопротивления властям» уже в Аргунском округе. К 29-му (17-му) апреля имели место «волнения» в Аухе, а укрепление, имевшееся там, находилось под угрозой. 1-го мая (19-го апреля) в ополчении Алибека-хаджи было уже порядка 500 бойцов (см. Магомедов. Восстание, с.36, 37; Мальсагова. Восстание, с.20; Гасанов. Борьба, с.62, 63; Ходжаев. Чеченцы, с.305). К 3-му мая (21-му апреля), как указано в источнике, «47 аулов с населением 18 тысяч присоединились к Алибеку» Алдамову, причём речь идёт о населении с территории Ножай-юртовского и восточной части Веденского районов (см. Ходжаев. Чеченцы, с.305).

Здесь же, видимо, бесполезно отметить, что в указанное время, то есть в апреле – начале мая 1877 г., появились по русским сведениям, первые «признаки брожения» и в Дагестане (см. Богуславский. История полка, т. II, с.477), что подтверждает и разбираемый текст (II), а именно – упоминание в нём хаджи Амирала Данухского, сподвижника Алибека-хаджи во время апрельско-майских боёв в Чечне.

20. Это князь Александр Давыдович Накашидзе, начальник Аварского округа (см. КК на 1877 год. Тифлис, 1876, с.149).

21. В то время Аварский и Андийский округа Дагестанской области составляли особую единицу, именуемую *Западный Дагестан*, находившуюся под командованием ген. -м. Чавчавадзе Н. З. (см. КК на 1877 год, с.142, 143).

22. В связи с событиями в Ичкерии царская администрация сформировала особый нагорный «Дагестанский» отряд из примерно 3 тысяч бойцов, с целью недопущения людей Алибека-хаджи в сторону Ботлиха, а также оказания «содействия войскам Терской области к усмирению мятежа, обнаружившегося в пограничных с Дагестаном обществах». Во главе этого отряда был поставлен А.Д. Накашидзе, вследствие чего последний и перебрался тогда на время в Ботлих. Позднее же Накашидзе, вместе со своими солдатами и милиционерами из числа дагестанцев, находился какое-то время в Чеберлое (см. Богуславский. История полка, т. II, с. 458; Магомедов. Восстание, с.40; Гасанов. Борьба, с.64; Ходжаев. Чеченцы, с.306).

23. Гумбетовцы имели давние, можно сказать, многовековые кровнородственные и общественно-политические связи с чеченцами.

24. Речь идет о засылке агента под видом *мухаджира*.

По сведениям, происходящим из российских архивов, царская администрация имела в виду осуществить тайное убийство Алибека-хаджи,

действуя, к примеру, через некоего «Раджабила» (см. Магомедов. Восстание, с.39, 40). Согласно же другим источникам, но также русским, за убийство или захват повстанца на территории Терской области власти установили награду в 25 рублей, причем это положение касалось местных жителей – чеченцев, кумыков и аварцев. За главных же «абреков», прежде всего за Алибека-хаджи, награду обещали дать намного большую (см. Ходжаев. Чеченцы, с.306).

Здесь нельзя не отметить, что А.Д. Накашидзе практиковал тайные убийства кавказских мусульман еще в 1871 г. (см. выше: 1, 3).

25. В скобках дается здесь и ниже, – старинное аварское произношение того или иного русского слова, зафиксированное в рамках арабоязычного текста.

26. Территория, где материнским языком коренного населения являлся и является чеченский, но в то же время исторически было широко распространено знание аварского языка (см. Абдурахман. Книга воспоминаний, с.116).

27. Судя по контексту, речь здесь идёт о равнинной части Чечни.

28. Не исключено, что под ним подразумевается здесь шалинец Борщик Ханбулатов (о нем см. История Северного Кавказа, с.289; Ходжаев. Чеченцы, с.306).

29. Доступные русские материалы не дают ясного ответа на то, какое именно чеченское селение подразумевается в этой части разбираемого нарративного источника (II). Есть, однако, основания полагать, что речь тут идёт о каком-то, видимо, небольшом населенном пункте лежавшем вблизи г. Шали, а следовательно – названный в тексте бой происходил в первой половине мая 1877 г. (см. Мальсагова. Восстание, с.23, 24; История Северного Кавказа, с.289; Гасанов. Борьба, с.64; Ходжаев. Чеченцы, с.306).

30. Есть основания думать, на базе русских письменных источников, что было их тогда порядка 3-х тысяч бойцов (см. Магомедов. Восстание, с.38; Мальсагова. Восстание, с.23; Гасанов. Борьба, с.64).

31. После неудач, испытанных на территории «Большой» Чечни в первой половине мая 1877 г., согласно русским источникам, Алибек-хаджи, не имея сил противостоять примерно 30 тыс. – солдат, казаков и местных милиционеров, с их 104 орудиями, вынужден был отступить «в самые глухие места Ичкерии» (см. Мальсагова. Восстание, с.24; Гасанов. Борьба, с.64). Можно предположить, что именно затем ситуация сложилась так, что его покинула большая часть бойцов, о чем и говорится в разбираемом сочинении (см. также: Ходжаев. Чеченцы, с.306).

32. В русских источниках содержится указание на то, что в первой половине мая 1877 г. богатая, процарски настроенная часть населения

Урус-Мартана была сильно напугана возможностью скорого прихода на их земли отрядов Алибека-хаджи (см. **Мальсагова**. Восстание, с.23). Здесь же, видимо следует отметить, что согласно тексту записки начальника Терской области, повстанцы «постоянно угрожали... выйти на плоскость... Малой Чечни», где стоят Гехи и Мартан (см. **Гасанов**. Борьба, с.64).

33. Речь идет о бывшем наибе Шамиля, служившем в горном округе *Киялат*, где население, говорило тогда на чеченском и аварском языках одновременно, об Умме из Дзумсоя (по-аварски *Зунсиб*). Этот «герой, истинный мусульманин», человек, по признанию русских, замечательный своими «душевными качествами и способностями», сражался с оружием в руках против колониального режима еще в 1860-1861 гг. (см. **Магомедов**. Восстание, с.23, 35, 39; **Мальсагова**. Восстание, с.27-30; **Гасанов**. Борьба, с.43-47; **Ходжаев**. Чеченцы, с.300-303; **Абдурахман**. Книга, с.76). Следует отметить, что этот «старый, хитрый волк», который 1877 г. открыто выступил против царизма лишь во второй половине июля, находился еще весной под сильным подозрением со стороны русских, и офицер А.Д. Лохвицкий именно поэтому хотел даже арестовать его в то время (см. **Мальсагова**. Восстание, с.28).

34. Это, вероятно, Дада, который являлся на тот момент офицером конвоя наместника Кавказа – великого князя Михаила (см. **Мальсагова**. Восстание, с.28, 30).

35. Так мусульманская традиция именуется мусульман, которые отказываются от участия в «священной» войне или, что хуже, сражаются на стороне «неверных», когда те воюют против «правоверных» (см. **Петрушевский**. Ислам, с.25; **Большаков О.Г.** История халифата. Т.1. М., 1989, с.117, 125).

36. Речь идет об А.П. Свистунове, который находился тогда в чине генерал-адъютанта (см. КК на 1877 год, с.142).

37. Речь идет, по-видимому, о выступлении в сторону Ичкерии А.М. Смекалова, заместителя Свистунова – начальника Терской области (см. **Мальсагова**. Восстание, с.30-33; КК на 1877 год, с.142; **Богуславский**, История полка, т.11, с.459, 460; **Ходжаев**. Чеченцы, с.306). Вместе с тем следует отметить, что 5-го сентября (24-го августа) 1877 г., когда восстание на территории Ичкерии подходило к концу, в крепость Ведено прибыл уже и сам ген.-ад. Свистунов (см. **Богуславский**. История полка, т.11, с.470).

38. Речь идет о князе Леване Ивановиче Меликове, выходеце из старинного армянского рода. В то время он управлял Дагестанской областью и являлся одновременно командующим войсками, базировавшимися там, будучи в чине генерал-адъютанта и обладая при этом правом: применять по личному усмотрению оружие против дагестанцев, придавать их воен-

ному суду и выслать в административном порядке на чужбину (см. КК на 1877 год, с.142; Меликовы. – в кн. Брокгауз, Ефрон. Словарь, т.ХІХ. СПб., 1896, с.26; Богуславский. История полка, т.ІІ, с.458; Хашаев. Общественный строй, с.65, 66, 69; История Северного Кавказа, с.278).

39. По-видимому, речь идёт об отряде Накашидзе (см. №22).

40. Возможно, что это Мухаммад из сел. Верхний Дженгутай, по прозвищу «Пристав», бывший в чине поручика еще в 1859 г. и принадлежавший уже тогда к числу доверенных лиц русского военного командования (см. Абдурахман. Книга, с.167; Магомедов. Восстание, с.60).

41. Учёный-исламист, получивший образование в медресе, которое создал имам Шамиль в своей столице Дарго, отец имама Наджмудина Гоцинского, бывший шамилевский наиб, управлявший тогда частью территории нынешнего Унцукульского района. При царском режиме этот человек (*Доноғъонол МухІаммад*) являлся наибом Койсубулы (см. Абдурахман. Книга, с.63, 77, 95, 167; КК на 1877 год, с.143). Находясь в 1877 г. в составе отряда князя Накашидзе на территории Ичкерии, этот житель аварского сел. Гоцо, будучи в чине штабс-ротмистра, числился начальником «пешей дружины Западного Дагестана» (см. Богуславский. История полка, т.ІІ, с.474). Следут, однако, отметить, что от имени капитана Малачи-Хана (ашильтинец Малачиханов -?) была подана кляуза, в которой Мухаммад Гоцинский характеризовался так: «закоренелый фанатик и ненавистник всех инаковерующих, человек пронизательного ума и замечательной изворотливости»; лицо, являвшееся в течение более 25 лет «энергичным и властным защитником и хранителем невежества и фанатизма... оплотом против европейского просвещения и вообще всякого русского влияния»; перед событиями 1877 г. он «проповедовал» – сам, а также через своих сыновей и креатур, «всеобщее восстание» на Кавказе, а во время военных действий «приказывал» своим подчинённым «стрелять в воздух», на что воины имама Мухаммада-хаджи, «предупреждённые об этом» распоряжении М. Гоцинского «платили ему той же монетой»; его задачей в 1877 г., данной ему Газимухаммадом, было – оставаясь «на стороне противников Аллаха» и пророка Мухаммеда, – заботиться «об облегчении участи» воинов имама «попавших... в плен» (см. Приложение к протоколу допроса Гоцинского Нажмудина, дело № 7695. – жур. Ахульго, № 3, Махачкала, 1999, с.22).

42. Это тот самый человек, который в 1877 г. был царским наибом Гумбета в чине майора и именовался русскими Фейзулла Дациев (см. КК на 1877 год, с.143). Его, кстати, хорошо знали и знают чиркеевцы как своего сельчанина Пайзулава – сына Даци Русского (*Гиурус Даци*), убитого при Буртунае в бою с мюридами в 1854 г. (см. Ахмадзиявдинов Т. Чиркей. Махачкала, 1991, с.120-125, на авар. яз.). Подобно Мухаммаду Гоцинскому, он, «подполковник Фейзулла», воевал в 1877 г. против отрядов

Алибека-хаджи на территории Ичкерии (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 466, 474).

43. Бывший наиб Шамиля, родом из сел. Геничутль, находившегося традиционно в составе Хунзахской общины. В 1877 г. он был Дидойским наибом (см. **Абдурахман**. Книга, с. 77, 142; **Айтберов**. Хрестоматия, т. II, с. 37, 38, 49-51; КК на 1877 год, с. 143).

44. По русским источникам, это произошло в пределах 26-27-го (14-15-го) мая 1877 г. (по этому поводу наместник Кавказа написал в официальной бумаге: «зараза гнездится глубоко»), причем местом сосредоточения гумбетовских повстанцев (прежде всего артлухцев, данухцев и сиухцев) стало сел. Сиух, где собрались они в количестве якобы 600 бойцов (см. **Тахо-Годи**. Восстание, с. 45; **Магомедов**. Восстание, с. 40; **Гасанов**. Борьба, с. 67; **Ходжаев**. Чеченцы, с. 306).

Об участии салатавцев, точнее части их, в восстании 1877 г., причем одновременно с гумбетовцами, говорят и русские материалы: к 2-му мая (20-му апреля) восстание уже «грозило перейти на Салатавию» и как результат – повстанцы, базировавшиеся в Ичкерии, по словам ген.-ад. Свистунова, «успели в течение лета возбудить ряд частных восстаний в Салатавии» (см. **Гасанов**. Борьба, с. 64).

В связи с восстанием в Салатавии отметим здесь, что царские войска, продвигавшиеся от Чиркея к Буртунаю, имели 1-го июня (20-го мая) 1877 г. перестрелку с «мятежниками», которая произошла в Теренгульской долине (*Теренгъо*). Затем от Буртуная войска эти были двинуты 2-го июня (21-го мая) на Алмак, «для уничтожения его с хуторами»; были перестрелки и они лишили тогда «мятежных» алмахцев возможности присоединиться к отряду Алибека-хаджи. После ряда событий названные войска, уничтожив сел. Алмах и его хутора, повернули назад – к укреплению Буртунай и прибыли туда 5-го июня (24-го мая). При этом следует отметить, что начальник Дагестанской области – вышеупомянутый Л.И. Меликов-Меликян считал бесполезным, в связи с позицией населения Салатавии, проявленной в мае 1877 г., полностью «уничтожить» Алмах и Буртунай, о чем и сообщил он начальнику Терской области А. П. Свистунову, в ведении которого находились тогда названные аварские села (см. **Козубский**. История полка, с. 232, 233; **Магомедов**. Восстание, с. 40; **Гасанов**. Борьба, с. 67, 68).

45. Русские материалы говорят, что к 29-му (17-му) мая 1877 г. полковник А.Д. Накашидзе, который ранее стоял на Андийских высотах, а затем действовал в пределах Чеберлоевского «общества», подошёл вместе со своим отрядом через Ботлих к гумбетовскому Сиуху. Там он встретил отряд «мятежников», который разбил, применив артиллерию: 80 горцев были-де убиты и трупы их остались на месте боя, а 100 человек – взято в

плен. Что же касается сел. Данух, то говорится, что оно, в качестве одного из очагов восстания, было в 1877 г. разорено по приказу упомянутого выше грузина (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 458, 459; **Тахо-Годи**. Восстание, с. 45; **Магомедов**. Восстание, с. 40; **Гасанов**. Борьба, с. 67, 68). Следует также отметить, что согласно чиркеевским преданиям, в подавлении восстания 1877 г. на территории Гумбета и в проходивших тогда издевательствах над данухцами и артлухцами принимали активнейшее участие богатей Пайзулав Дациев (о нем см. № 42) и его родня (см. **Ахмадзиев**. Чиркей, с. 125). И это, вероятно, правда, ибо названное здесь лицо находилось в чине подполковника в составе отряда князя Накашидзе.

46. Полное подавление восстания на территории Гумбета, в ходе чего «главные мятежные аулы» этой территории были «истреблены», а также – подчинение Салатавии, датируют русские 9-м июня (28-м мая) 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с. 40; **Гасанов**. Борьба, с. 67; **Богуславский**. История полка, т. II, с. 458, 459).

Есть сведения, что после подавления восстания 1877 г. царские власти выселили из Артлуха и Дануха порядка 100 чел., которые «под конвоем» своих же «гумбетовцев, из числа не принимавших участия в восстании», были депортированы в Темир-Хан-Шуру (см. **Тахо-Годи**. Восстание, с. 45; **Богуславский**. История полка, т. II, с. 458, 459).

47. По русским источникам, восстание в Цунте началось в первой половине июня (конце мая) 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с. 41; **Гасанов**. Борьба, с. 68).

48. О том, что в преддверии войны с Турцией, а также на начальном этапе ее, проникали в пределы Северо-восточного Кавказа элементы, действовавшие в пользу Османской династии, в том числе – турецкие эмиссары из числа *мухаджиров*-переселенцев, в России знали и пытались этому противодействовать (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 458, 472, 476; История Северного Кавказа, с. 288; **Гасанов**. Борьба, с. 56-58, 65, 66: в предписании Л.И. Меликова-Меликяна, начальника Дагестанской области с правами командира армейского корпуса, датированном 1876 г., говорилось о необходимости установить на местах обязательную и, причём строгую слежку «за хаджиями и возвращающимися в Дагестан» мухаджирями, ибо «посредством» именно их «здешние горцы имеют сношения с турками»).

О Кара-хаджияве Цунтинском-Асахском см. также текст VI, письмо № 4.

49. В русских материалах отмечается, что цунтинские повстанцы, среди которых заметную роль играли жители Асаха, в первой половине июня 1877 г. отказались подчиняться своему наibu Дибирю из Геничутля (о нём см. прим. № 43), назначенному царизмом, разрушили башню, возве-

дённую на Кодорском перевале, и напали на стада овец, принадлежавшие тушинцам (см. Магомедов. Восстание, с.41; Гасанов. Борьба, с.68).

50. В подавлении восстания, имевшего место в Цунте в 1877 г., участвовал, согласно русским материалам, отряд под командованием А.Д. Накашидзе, вместе с которым действовали: князь Шервашидзе – из рода правителей Абхазии, князь Челокаев (Чолокашвили-?). Аликлыч Гонодинский и Мухаммад Гоцинский. В их распоряжении находилась солидная вооруженная сила (пехота, конные и артиллерия), состоявшая как из русских, так и из дагестанцев – к примеру, Чамалинская милиция (см. Магомедов. Восстание, с.41; Гасанов. Борьба, с.68, 69; Богуславский. История полка, т.11, с.459).

51. О нём см. выше: № 43.

52. По информации, исходящей от русских, события 1877 г. проходили в Цунте несколько иначе: цунтинцы не стали сразу сдаваться, а напротив – с оружием в руках собрались вначале в Кимятле, который осадил 27-го (15-го) июня отряд князя Накашидзе; после артиллерийского обстрела названный пункт был захвачен царскими солдатами, вместе с которыми активно действовали милицейские подразделения, сформированные из дагестанцев, сражавшихся там под командованием Аликлыча Гонодинского и Мухаммада Гоцинского (см. Гасанов. Борьба, с.68).

53. Отряд Накашидзе, именуемый «Дагестанским», начал действовать против Асаха, кажется, с 28-го (16-го) июня (см. Гасанов. Борьба, с.68).

54. В русских материалах указано, что после артиллерийского обстрела Асаха, который продолжался с утра до вечера, царские войска, действуя под командованием князя Шервашидзе, решились, в конце концов, на атаку силами пехоты и, по-видимому, 29-го (17-го) июня 1877 г. ворвались внутрь селения. После этого многие из тех мусульман, кто ранее противостояли им, вынуждены были теперь отступить со своих позиций и удалиться за пределы населенного пункта. Примерно 30 цунтинских воинов, однако, закрепились тут в одном большом, прочно построенном здании, причем вместе со своими женами и детьми, и открыли оттуда огонь. Убедившись вскоре в невозможности подавить этих бесстрашных воителей при помощи одной лишь человеческой силы, Шервашидзе приказал начать артиллерийский обстрел того здания, откуда противостояли ему не только мужчины (в знак готовности умереть в бою, но не сдаваться, они начали по одному становиться «на крыше» и «когда падал» под пулями «один, на смену ему являлся другой»), но и женщины, выбегавшие время от времени на крышу и швырявшие оттуда камни на головы врагов.

Лишь на третий день боев в Асахе, то есть 30-го (18-го) июня, люди князя Шервашидзе смогли подобраться вплотную к названному дому, где

засели цунтинские повстанцы, и поджечь его. После этого, задыхаясь от дыма, цунтинцы стали поодиночке выбегать наружу с оружием в руках и кидаться на солдат, но «тут же падали под градом пуль», а вскоре, 30-го же июня 1877 г., крыша горящего дома, упав, «похоронила под собой всех остававшихся еще в живых героев» Асахской битвы (см. **Тахо-Годи. Восстание**, с.45; **Магомедов. Восстание**, с.41, 42; **Гасанов. Борьба**, с.68, 69; **Богуславский. История полка**, т. II, с. 459).

55. В русских источниках говорится, что после взятия Асаха, имевшего место 30-го (18-го) июня 1877 г., «главные виновники мятежа» из числа цунтинцев, причем вместе «с их семьями», отправлены были царской администрацией в «ссылку», а кроме того – «убытки», образовавшиеся от их деятельности, «должны» были быть в определенной степени «пополнены за счет... главных виновников мятежа»; это впрочем, только часть того, что заявил после 30-го июня цунтинцам князь Шервашидзе (см. **Тахо-Годи. Восстание**, с.45; **Магомедов. Восстание**, с.42; **Гасанов. Борьба**, с.69).

56. Соответствует июлю-августу 1877 г.

57. По русским источникам, движение против Империи на территории Чеберлоя имело место еще в апреле-мае (по старому стилю) 1877 г. (см. **Богуславский. История полка**, т. II, с.458; **Тахо-Годи. Восстание**, с.44; **Магомедов. Восстание**, с.39; **Мальсагова. Восстание**, с.23; **История Северного Кавказа**, с.289; **Гасанов. Борьба**, с.62-64).

58. Этот Исмаил, сын Имамали, упоминается в русских текстах под 1877 годом в качестве наиба Технуцальского участка (см. КК на 1877 год, с.143).

59. Не исключено, что в реальной жизни на территории Чеберлоя повстанцев возглавлял тогда не Алибек-хаджи, а его сподвижник Уммахаджи Дуев (см. **Мальсагова. Восстание**, с.28, 29).

60. В то время, согласно русским источникам, отряд князя Накашидзе, имевший в своём составе русских солдат и дагестанскую милицию, перебравшийся уже из Цунты, через Ботлих, на границу Терской области, стоял на территории Андийского участка. Затем, по приказу Меликова, этот князь Накашидзе во 2-й половине июля (по старому стилю) 1877 г. совершил вторжение в Чеберлой, на территорию Терской области, с целью уничтожения «аулов, хлебов, скота и всего, что возможно». Дело в том, что с точки зрения царских властей, тогда была «необходимость немножко проучить чеберлоевцев» (см. **Богуславский. История полка**, т. II, с.459; **Тахо-Годи. Восстание**, с.44, 45; **Магомедов. Восстание**, с.42; **История Северного Кавказа**, с.289).

61. Речь идет, думается, об Ичкерии (см. **Богуславский. История полка**, т. II, с.459).

62. Начальником Терской области А.П. Свистуновым был издан приказ в отношении чеченского населения: в «случае малейшего непослушания» следует «уничтожить хлеба» и дома – это летом, а «зимой – выморить голодом в лесах», где эти чеченцы вздумают прятаться (см. Тахо-Годи. Восстание, с.44).

63. По мнению высших российских чинов, чеченцы Ичкерии к первой половине августа (по старому стилю), «восстали почти поголовно» или как говорится в другом русском тексте: «всё население Ичкерии находилось в полном восстании» (см. Богуславский. История полка, т. II, с.459), в поведении своем по отношению к Империи они «обнаруживают небывалую дерзость». В таких условиях военное руководство поставило задачей вытеснить отряды Алибека-хаджи с открытых мест в глухие леса, а «общий» же «расчет» с чеченскими повстанцами оно переносило на «потом». По этим-то, видимо, причинам отряд Смекалова и проследовал тогда из Чеберля «в Чечню», то есть на равнину (см. Мальсагова. Восстание, с.30, 31).

64. Не исключено, что это был сын известного шамилевского наиба.

Можно предполагать, что речь идет здесь о боях в районе Ведено, а также – и в других частях Ичкерии, проходивших 23-29-го (11-17-го) августа 1877 г., в ходе которых горцы производили кинжальные атаки с одновременным пением *зикра*, не взирая на ураганный артиллерийский огонь царских военных, на чьей стороне действовали и дагестанцы-милиционеры из отряда Накашидзе (см. Богуславский. История полка, т. II, с.459-467; Мальсагова. Восстание, с.31). Здесь же, по-видимому, следует отметить, что русские считали одним из лидеров «мятежа», проходившего на территории Ичкерии в августе 1877 г., аварца (*тавлинец*), которого звали то ли Раджабали, то ли Раджабилав; кстати, вероятно, именно через этого кавказского военачальника, обладавшего правом выставлять свой значёк, русские полагали возможным осуществить убийство Алибека-хаджи Алдамова (см. Богуславский. История полка, т. II, с.465; Магомедов. Восстание, с.39, 40).

65. В то время высокие чины Терской области, не взирая на мнение командующего императорской армией на Кавказе, писали друг другу: так как положение ныне «очень трудное», то «беспощадно уничтожайте перед собой всех и вся, чем строже, тем лучше... без сожаления косите всё, бейте и вешайте беспощадно, ибо «страх нагнать необходимо» (см. Мальсагова. Восстание, с.31). Меры «наказания» были, таким образом, тогда «жестокие» (см. Богуславский. История полка, т. II, с.465).

66. Речь идет об особо крупных сёлах.

Нельзя не отметить здесь, что во время боёв между горцами и царскими войсками, проходивших 28-го (16-го) августа в районе Эрсеноя-

Центророя, сложилась временно ситуация, которая послужила якобы «основанием к слухам, распушенным в Дагестане, будто» царские «войска окружены со всех сторон и чуть не истреблены» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 465).

67. После 27-го (15-го) августа в Ичкерии были направлены дополнительные силы; в сентябре царизм имел на чеченских территориях, как утверждают, уже более 50 тыс. бойцов. Генерал-майору Смекалову было дано при этом право массами высылать местных людей вглубь России и даже в Сибирь, на вечное поселение, и вешать заложников-аманатов без суда. Над арестованными кавказцами рекомендовалось издеваться, а «в случае малейшего сопротивления одного, немедленно перебить всех». Так, к примеру, жители чеченских селений, расположенных в верхнем течении р. Аксай и к югу от Майртупа (вверх по течению реки) получили от властей угрозу, что в случае проявления ими малейшей нелояльности к государству, их заложники будут повешены, а их дома «преданы беспощадному истреблению». Беноевцам же было заявлено, что они должны теперь поголовно уйти с родных горных земель, которые отныне переходят в казну, и переселиться на равнину и т.д. (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 468; **Ходжаев**. Чеченцы, с. 306). Дело в том, что «пора снисходительного» отношения царских властей к населению Ичкерии и соседних территорий «миновала безвозвратно» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 466). Здесь же, видимо, не бесполезно привести слова генерала Свистунова, начальника Терской области, сказанные им в отношении беноевцев и загдаковцев: их «надо выселить поголовно в Сибирь, или, если эти подлецы не пожелают, выморить всех зимой как тараканов и уничтожить голодом» (см. **Ходжаев**. Чеченцы, с. 306, 307).

31-го (19-го) августа царские войска во главе с генералом Смекаловым, вместе с которым действовал «Дагестанский» отряд князя Накашидзе (в составе его находились тогда Парзулав Чиркеевский и Мухаммад Гоцинский – сын Доногоно), двинулись в направлении Беноя, подошли к нему 1-го сентября и приступили к репрессиям. Что же касается Алибека-хаджи, то он к тому времени, после жарких боев, проходивших начиная с 28-го (16-го) августа, отошел в Симсирский лес, вместе с небольшой группой оставшихся при нем людей, а оттуда вскоре он ушел в Дагестан.

5-го сентября (24-го) августа, пока князь Накашидзе со своим «Дагестанским» отрядом находился еще в пределах Ичкерии, генерал-адъютант Свистунов, начальник Терской области, принял решение о начале военных действий против чеченцев, обитающих в верхней части бассейна р. Басс, в районе сел. Махкеты, восставших против царизма 13-го (1-го) июля 1877 г., тех, среди которых находился тогда Умма Дуев со своими людьми, в количестве якобы 300 бойцов. Начались эти действия 6-го сентября (при

участии 3-х сотен Дагестанской конной милиции, 5-ти сотен Дагестанской пешей дружины, одной сотни Гумбетовской милиции). В ходе их, как сообщается, царские войска столкнулись с «построенными с замечательным искусством» – по характеристике русских офицеров – укреплениями, возведенными под руководством аварца Аббас-паши, офицера турецкой службы. Операция эта, основной целью которой был разгром отряда Умма-хаджи Дуева, шла под общим руководством генерал-адъютанта Свистунова, но во главе с генералом Смекаловым, и продолжалась она до 9-го сентября (28-го августа) 1877 г. (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 465, 466, 469, 470, 472, 475; **Тахо-Годи**. Восстание, с. 44, 45; **Мальсагова**. Восстание, с. 32; **Ходжаев**. Чеченцы, с. 306, 307); не безынтересно здесь то, что в ответ на угрозы Свистунова: выселить махкетинцев из родных мест, представители последних заявили ему: «Выдать Умму не можем. Он был наш гость» (см. **Тахо-Годи**. Восстание, с. 44). Как представляется, именно после всего того Алибек-хаджи Алдамов и Умма-хаджи Дуев, и оказались вынужденными покинуть Ичкерия и перебраться на территорию горного Аваристана, в пределы Дагестанской области.

В отдельных работах, правда, утверждается, что если уход Алибека-хаджи в Дагестан имел место действительно в названное выше время, то уход туда Умма-хаджи Дуева произошел позднее – в октябре месяце (см. **Ходжаев**. Чеченцы, с. 306, 307); 28-го (16-го) октября 1877 г. генерал-адъютант Свистунов мог уже вполне официально сообщить: земля чеченцев «совершенно очищена от мятежников» (см. **Мальсагова**. Восстание, с. 33; **Ходжаев**. Чеченцы, с. 307).

68. Восстание это, охватившее большую часть Дагестана, началось 29-го августа по старому или 10-го сентября по новому стилю (см. **Марго-медов**. Восстание, с. 43; История Дагестана, т. II; История Северного Кавказа, с. 289).

К тому времени на фронтах русско-турецкой войны произошли следующие события:

После успехов на турецкой территории, имевших место в конце апреля – середине мая 1877 г., при том, однако, что мухаджирско-турецкий десант занял в то время Абхазию, русские войска подошли в значительной силе к Карсу 24-го мая; примерно в середине июня турецкие войска начали контр-наступление, а 18-го числа названного месяца отбили у русских г. Баязет; 1-го июля (19-го июня) русские, которые попробовали было атаковать при Зевине, вынуждены были отступить с потерей примерно 1 тыс. человек за 5 дней боёв, после чего они отошли от Карса и военная кампания на Азиатском фронте на достаточно долгое время приобрела «другой характер»; после этого турецкие войска (53 батальона, 42 эскадрона и 56 орудий) вторглись в пределы Российской империи, на территорию

современной Армении, где стали наступать в сторону г. Гумри-Александрополя (Ленинакан) – с 14-го июля; в тот день русские ещё немного отступили, но с 15-го (2-го) июля на Азиатском фронте русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наступило довольно длительное время бездействия; 25 (13-го) августа турки начали новые атаки на русские позиции и добились тут заметных успехов. Именно в это время, при названном положении на фронте – когда турецкие войска слегка углубились в пределы Российской империи, в Дагестане началось восстание против царского режима (см. **И.О. Турецкие войны России. – Брокгауз, Ефрон. Словарь, т. XXXIV, СПб., 1902, с.156, 157).**

69. См., однако, № 67.

70. Это были Аббас-паша Анцухский (в русских и некоторых дагестанских источниках говорится, что он был из сел. Ансалта) и Хитинавас Гоцатлинский; см. также ниже.

О поступлении в Дагестан и Чечню устных и письменных посланий, поручений и приказов, так или иначе связанных с личностью Газимухаммада, причём ещё с 1874-1875 гг., имеются и иные указания (см. **Богуславский. История полка, т.II, с.472; Тахо-Годи. Восстание, с.44, 45; Он же Указ. раб., № 2, с.35; Магомедов. Восстание, с.35; Мальсагова. Восстание, с.19, 28; Хашаев. Общественный строй, с.71; История Северного Кавказа, с.282; Гасанов. Борьба, с.69, 70; Ходжаев. Чеченцы, с.304).** Как раз в это время, как известно, Российская империя начала готовить свою очередную войну с Турцией.

71. Соответствует 9-му сентября 1877 г.

72. Речь идет о Георгиевском мосте, представлявшем собой небольшое, но прочное укрепление, которое контролировало дорогу, связывавшую бассейны Каракойсу и Аварского Койсу. Захват этого моста должен был – так, вероятно, думали мюриды – сильно затруднить передвижение русских войск, их артиллерии, по значительной части территории Аваристана, по сути дела разорвать российскую коммуникационную сеть в труднопроходимой горной местности.

В русских источниках говорится, что в 8 часов утра, 40 гергебильцев во главе с одним кикунинцем напали на солдат охранявших названный мост (см. **Магомедов. Восстание, с.43).**

73. Горцы называли этот мост «салтинским», по той причине, что возведен он был на землях Салтинской общины (см. **Саидов М-С. Салта. Махачкала, 2000, с.8, 9, 77, 78, на авар. яз.)**

74. Речь идет о Й. И. Войно-Оранском, который являлся тогда заместителем-помощником начальника *Среднего* Дагестана, чьим местопребыванием являлся Гуниб (см. КК на 1877 год, с.142).

75. Согласно русским источникам, с Георгиевского-Салтинского моста, из рук горцев, сумело спастись и добраться до Гуниба несколько человек, которые и сообщили о происшедшем полк. Войно-Оранскому (см. **Магомедов. Восстание, с.43**).

76. Соответствует 10-му сентября 1877 г.

77. В русских источниках указывается, что после захвата Георгиевского моста, вокруг него были установлены горские дозоры и началось строительство завалов на гунибском направлении (см. **Магомедов. Восстание, с.43**).

78. Об этом см. **Тахо-Годи. Восстание, с.45**; **История Северного Кавказа, с.289**; **Гасанов. Борьба, с.70**.

Есть мнение, однако, что согратлинцы вступили на путь газавата в тот же день, когда произошел захват Георгиевского моста (см. **Магомедов. Восстание, с.43**).

79. Соответствует 10-му сентября 1877 г.

80. Кое-где утверждается, что в 1877 г. имама избирали всенародно на площадке Аанада (см. **Магомедов. Восстание, с.43**).

81. Брат шамилевского наиба Кебедмухаммада, в то время прапорщик милиции (см. **Хашаев. Общественный строй, с.72**; **Абдурахман. Книга, с.164**).

82. О том, что в глазах организаторов восстания 1877 г. пользовались особым доверием гидатлинцы, карахцы и телетлинцы есть информация и в других источниках (см. **Магомедов. Восстание, с.43**).

Говоря о восстании 1877 г., один из русских авторов охарактеризовал его так: «разразилась гроза», а затем продолжил: «гроза эта... составила для местных властей полную неожиданность» (см. **Гасанов. Восстание, с.71**). Таким образом, тайна согратлинского собрания, где избрали имама, была, по-видимому, соблюдена.

83. Речь идет об организации ставки (по-аварски *урду*) имама и избииении солдатской команды на территории лесничества, которое осуществил 11-го сентября (30-го августа) отряд, состоявший якобы из примерно 200 горцев (см. **Тахо-Годи. Восстание, №2, с.3**; **Магомедов. Восстание, с.43**; **История Дагестана, т.11, с.152**).

84. Эта акция отражена в русских источниках: 11-го сентября (30-го августа) 1877 г. отряд повстанцев двинулся в направлении сел. Голотль (рядом с Заибом – авт.) и напал там на команду солдат (см. **Магомедов. Восстание, с.43, 44**).

85. В некоторых современных трудах утверждается, что власть имама признали в 1877 г. все населенные пункты Гунибского округа, кроме Чоха (см., например, **История Северного Кавказа, с.289**). Думается, однако, что среди чохцев во время восстания 1877 г. имел место раскол, в

немалой мере под влиянием позиции, которую заняли тогда казикумухцы. Об этом пишет, к примеру, в своих воспоминаниях художник Халилбек Мусаясулав – природный чохец, сообщают местные арабоязычные источники и в том числе разбираемое здесь сочинение, и, наконец – говорит то обстоятельство, что на сторону имама перешли в 1877 г. даже некоторые чохские офицеры. Так поступил, например, Карнаилов (*Къарнаилав*) – наиб Каракайтага, за что его впоследствии казнили в Дербенте (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 492; **Тахо-Годи**. Восстание, № 2, с. 35; **Халил-Бек Мусаясул**. Страна последних рыцарей: повесть о мире Кавказских гор. Махачкала, 1999, с. 16, 17).

86. Этот человек, имевший офицерское звание и являвшийся российским наибом на Телетлинско-Гидатлинском участке, упоминается в различных текстах, причем из русских источников выясняется, что отца его звали Ахмадхан (см. КК на 1874 год. Тифлис, 1873, с. 178; **Материалы к биографии Алкадари**, с. 141). По рассказам авторитетных кегерцев, знатоков прошлого своей малой родины (например, М.И. Исрапилова), этот офицер – Абдулла-Будай находился в близком родстве с высшей аристократией Казикумуха, считался одним из потомков Мухаммад-хана Казикумухского.

87. Речь идет о Дагестанском «народном» суде, который действовал, с 1860 г., под председательством российских офицеров-христиан, на основании адатных норм и отчасти – шариата (см. **Хашаев**. Общественный строй, с. 66; **История Северного Кавказа**, с. 281, 282).

В 70-е годы кадием Гунибского окружного «народного» суда был, согласно русским источникам, Абдулла – сын Хитинмухаммада (см. КК на 1872 год. Тифлис, 1871, с. 159). Можно думать, что это и есть Абдулла Цулдинский.

88. Тут речь идёт о Дагестанском областном «народном» суде, который действовал под председательством помощника-заместителя военного губернатора Дагестанской области, то есть российского офицера (см. **Хашаев**. Общественный строй, с. 66; **История Северного Кавказа**, с. 281, 283).

89. По-видимому, речь идёт о так называемых «депутатах» от наибств Округа, которых, как известно, назначало российское начальство.

На 1877 г. в состав «народного» суда Гунибского округа входило 6 «депутатов»: Хаджи-Расул Магомаев, Хаджияв – сын Адалава, Ибрахим-дибир – сын Кикова (чохинец -?), Саид-дибир – сын Раджаба, Хаджи-Махмуд Маджа-Кала, Мухаммад-Абдулла – сын Махмуда (см. КК на 1877 год, с. 149); над этим списком, однако, ещё предстоит поработать – *авторы*.

90. В 70-е годы этот человек, будучи в низших офицерских чинах, являлся наибом Тленсерухского участка, причем русские источники ука-

зывают, что его отца звали Хурш-Нурмухаммад (см. КК на 1871 год, с.153; КК на 1877 год, с.149).

91. Наиб Шамиля в Согратле; Абдурахман Казикумухский писал, что он – Хурш, – был человек, «воинственный», а далее: «управлял своим народом» этот Хурш «справедливо, верно... старался искоренить порочность среди народа» (см. **Абдурахман**. Книга, с.64).

92. Накшбендийский шейх, один из *мухтасибов*-руководителей секретной службы Имамата эпохи Шамиля (см. **Абдурахман**. Книга, с.89, 209).

93. В то время Мухаммад пребывал в сел. Магар нынешнего Чагодинского района (см. **Омаров**. Воспоминания Абдуразака, с.90).

94. О том, что тленсерухцы были в числе первых, кто признали имамскую власть Мухаммада-хаджи Согратлинского, говорят и материалы русских архивов (см. **Магомедов**. Восстание, с.43).

95. О том, что повстанцы поднялись на Верхний Гуниб, причем это имело место на рассвете 12 сентября (31-го августа) 1877 г., и угнали оттуда лошадей (23 ед.) и крупный рогатый скот (271 гол.) царских войск, говорят также и русские источники (см. **Магомедов**. Восстание, с.43, 44; **Гасанов**. Борьба, с.70). Здесь же, видимо, следует отметить, что последние называют куядинцев в числе тех, кто признали имамат Мухаммада-хаджи Согратлинского одними из первых (см. **Магомедов**. Указ. раб, с.43).

96. В этой должности числился тогда Н. З. Чавчавадзе (см. КК на 1877 год, с.143).

97. Речь идет, вероятно, о князе Накашидзе и его «Дагестанском» отряде, который с конца июля 1877 г. находился в пределах Терской области, в составе отряда ген. -м. Смекалова. 11-го сентября (30-го августа) этот Накашидзе выступил с территории Терской области, через Андийский хребет, и пошёл в сторону Ботлиха (см. **Богуславский**. История полка, т.11, с.459, 475; **Магомедов**. Восстание, с.44: получение приказа о выступлении датировано 31-м августа, то есть 12-м сентября по новому стилю).

98. Согласно русским материалам, Накашидзе получил приказ от начальника Дагестанской области Меликова: двигаться из северо-западной части Аваристана в сторону Гуниба и, соединившись там с Войно-Оранским, который командовал в то время гунибским гарнизоном, действовать оружием против бойцов имама (см. **Магомедов**. Восстание, с.44; **Гасанов**. Борьба, с.70).

99. Имеются в виду аварцы, которые, как известно, сами называют себя «горцами» (*магларыл*). См. **Сандов**. АРС, с.327.

100. Этим термином обозначалась в дагестанских арабоязычных текстах принадлежность того или иного лица к княжеской фамилии.

101. Бывший шамилевский наиб, человек «спокойный, здраво-мыслящий, уважаемый среди народа»; его сын по имени Фатаали являлся в 1877 г. царским наибом в Мукарском участке (см. **Абдурахман**. Книга, с.55; КК на 1877 год, с.142).

102. Сын Абдулпаттаха; наиб Вицхинского участка (см. КК на 1877 год, с.142; **Булатова А.Г.** Лакцы: историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX вв. Махачкала, 2000; см. также **Гасанов**. Борьба, с.71).

103. Сын последнего правителя Казикумухского ханства, врага предыдущего Имамата, русский офицер (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с.476; **Тахо-Годи**. Восстание, №2, с.30; **Хашаев**. Общественный строй, с.72; **Гасанов**. Борьба, с.71; **Булатова**. Лакцы, с.86).

В ряде современных исследований утверждается, что Джафар перешел на сторону восставших, чтобы объявить себя ханом Казикумуха и собирать феодальные повинности с народа (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с.489; **Хашаев**. Общественный строй, с.72; **Магомедов**. Восстание, с.45; История Северного Кавказа, с.289, 290). Думается, однако, что над этим следует ещё поразмышлять, хотя, правда см. VI, письмо № 22.

Нельзя не отметить здесь и того, что этот Джафар, которого многие обвиняют в княжеских амбициях и претензиях, признавал власть шариатского имама и его приказы, и призывал других лиц поступать также (см. **Гасанов**. Борьба, с.71, 72).

104. Правил Казикумухом при поддержке царских властей с 1848 по 1859 гг.

105. Лев Михайлович Чембер, начальник Казикумухского округа (см. КК на 1877 год, с.142).

106. Восстание в г. Казикумухе, а также убийство Л. М. Чембера и его сотрудников, произошли 20-го (8-го) сентября 1877 г. (см. **Тахо-Годи**. Восстание, №2, с.30; **Магомедов**. Восстание с.44, 45; **Богуславский**. История полка, т. II, с.476; История Дагестана, т. II, с.153; **Гасанов**. Борьба, с.71; **Булатова**. Лакцы, с.86).

Не секрет, что современные исследователи, опирающиеся преимущественно на русские источники, изображают события 20-го сентября, произошедшие в Казикумухе, как во многом спонтанные, случившиеся под влиянием эмоций, и таковым же-де было участие в этих событиях многих почетных казикумухцев. В действительности же, однако, все – соответственно разбираемому здесь арабоязычному тексту, – произошло, как то в обычае у дагестанцев, по заранее разработанному, а главное – хорошо обдуманному плану, который в точности определял каждому видному человеку его место в грядущих событиях. Вследствие именно этого «гроза», разразившаяся 20-го сентября 1877 г., «составила для местных властей полную неожиданность» (см. **Гасанов**. Борьба, с.71).

Отметим, что сами казикумухцы считали, что для взятия упомянутой в тексте (II) крепости им пришлось затратить всего лишь порядка двух часов времени (см. **Гасанов. Борьба**, с.71).

107. Соответствует 19-му сентября 1877 г.

108. По преданиям, разгромив канцелярию начальника округа, находившуюся в здании ханского дворца, повстанцы бросились затем, на рассвете следующего дня, на крепость, стоявшую в сел. Хури – на правом берегу Казикумухского Койсу (см. **Магомедов. Восстание**, с.45; **Булатова. Лакцы**. С. 86).

109. По данным русских источников в крепости находилось тогда порядка 50 солдат (см. **Магомедов. Восстание**, с.45).

110. Согласно казикумухским преданиям, он был из рода Кадиевых; находясь в крепости, когда ее штурмовали казикумухцы, этот Мухаммадшафи, как рассказывают, подбадривал на русском языке солдат, которые сражались тогда с его земляками.

111. В русских источниках упоминается капитан царской службы Харун Кадиев, сын Камиля-кади, который в 1877 г. перешел на сторону повстанцев-мусульман (см. **Магомедов. Восстание**, с.45; **Гасанов. Борьба**, с.72; КК на 1869 год. Тифлис, 1868, с.133).

112. По кумухским преданиям вооруженные сограждане, которые прибыли в Казикумух в сентябре 1877 г., произвели там аресты непреклонных сторонников России – по наводке местных приверженцев имама, – и увезли их в Согратль, как видно, наряду с тем, о чем говорит здесь разбираемое арабоязычное сочинение (II). В числе лиц арестованных тогда ими, был, кстати, и юнкер Мухаммад Абуев (о нем см. КК на 1877 год, с.142), предок нынешних махачкалинцев Абуевых из Кумуха (об этом человеке см. также: **Абдуллаев И. Корни и истоки**. – в кн. «Абуев М. Ш. : воспоминания современников». Махачкала, 2000, с.8).

113. Это обстоятельство отражено в русских источниках: казикумухцы «решились» под предводительством Джафар-хана «двинуться на плоскость, чтобы и здесь поднять знамя возмущения» (см. **Богуславский. История полка**, т. II, с.476, 478, 484, 489, 490; **Магомедов. Восстание**, с.45, 54; **Булатова. Лакцы**, с.86).

Что касается учёного Исмаила Казикумухского, о котором сообщает анализируемое историческое сочинение (II), то его можно, видимо, отождествить с Исмаилом – сыном Хаджи, который был в 1877 г. кадием Казикумухского окружного «народного» суда (см. КК на 1877 год, с.149).

114. Личность и поныне широко известная в центральной части горного Дагестана (см. **Магомедов. Восстание**, с.46; **История Северного Кавказа**, с.289; **Гасанов. Борьба**, с.72, 84, 85; **Хайбуллаев. Поэзия газавата**, с.46).

Память об этом Ника-кади, как великом храбрце, сохранилась и поныне в южной части горного Аваристана, на территории бывшего Гунибского округа. Аварцы-потомки боевых товарищей этого Ника-кади рассказывают, с опорой на своих предков – деятелей Имамата 1877 г. (к примеру, М.И. Исрапилов), что названный герой-цудахарец своей объёмистой и рельефной мускулатурой поражал окружающих – и дагестанцев, и русских.

Согласно русским источникам, восстание в Цудахаре началось 21-го (9-го) сентября (см. Тахо-Годи. Восстание, №2, с.30; Магомедов. Восстание, с.45). Отметим здесь также и то, что отдельные источники приписывают восставшим цудахарцам взятие русской крепости, стоявшей в сел. Хаджал-Махи (см. Гасанов. Борьба, с.71).

115. Это поручик Курбан – сын Муртазаали, – назначенный царизмом наиб Цудахарского участка (см. КК на 1877 год, с.142); «Курман» (*Къурман*) – местный вариант произношения арабского «Курбан».

116. Хорошая память об этом человеке сохраняется и поныне в зоне проживания даргинцев и аварцев (см. Хайбуллаев. Поэзия газавата, с.16).

117. Из русских источников известно, что к 22-му (10-му) сентября 1877 г. в Левашах, откуда уже разбежались чины окружного управления, собрались восставшие против царизма акушинцы, цудахарцы, представители других даргинских общин, а также казикумухцы-лакцы и кутишинцы-аварцы (см. Магомедов. Восстание, с.47; Гасанов. Борьба, с.72; Богуславский. История полка, т. II, с.477; Козубский. История полка, с.234).

Что касается *начаника* левашинцев, то это, видимо, князь Иван Захарович Баратов-Бараташвили, начальник Даргинского округа (см. КК на 1877год, с.148).

118. Речь идет о Накашидзе.

Здесь же, видимо, следует отметить, что почтовые станции, которые Империя строила на Восточном Кавказе в XIX в., представляли собой обычно небольшие каменные замки, с казармами и бойницами (см. Богуславский. История полка, т. II, с.487).

119. *Туман* – десять русских рублей.

В русских источниках отмечено, что повстанцы, после захвата сел. Леваша, подвергли разгрому здание Окружного управления (см. Магомедов. Восстание, с.46; Козубский. История полка, с.234).

120. По русским данным, волновавшиеся и ранее куппинцы открыто восстали против царской администрации 21-го (9-го) сентября 1877 г. (см. Тахо-Годи. Восстание, №2, с.30; Магомедов. Восстание, с.44, 45).

121. В русских источниках отмечено, что в 1877 г. за активное противостояние царским войскам была подвергнута разгрому и сожжена часть селения Куппа (см. **Тахо-Годи. Восстание, №2, с.30**).

122. Соответствует 16-му сентября 1877 г.

123. Это, как видно из упоминания в тексте (II) Фатаали Казикумухского, то самое сражение, которое современные историки именуют Левашинским и датируют 23-м (11-м) сентября 1877 г. В русских источниках, на которые опираются во многом эти исследователи, утверждается, между прочим, что царским войскам противостояло тогда «скопище» горцев, из числа которых 400 человек были убиты в ходе боя (см. **Тахо-Годи. Восстание, №2, с.30; Магомедов. Восстание, с.47; Гасанов. Борьба, с.73**).

К примеру, Е.И. Козубский описывает указанные события следующим образом: 23-го (11-го) сентября к Леваше подошел из Урма отряд Д. Б. Тер-Асатурова, который с боем ворвался затем в Леваше и погнал оттуда «мятежников» вниз – к Хаджал-Махам, а также по направлению к высотам – Кутишинским, Кака-махинским и Наскентским, прилегающим к левашинским землям; «мятежники», которых было не менее-де 6 тыс.чел., потеряли тогда только в Левашинском бою Фатаали-бека Казикумухского и более 400 бойцов, при одном убитом милиционере с царской стороны; после этого Тер-Асатуров расположился на ночлег близ здания Окружного управления (см. **Козубский. История полка, с.234**).

124. Это прибытие войск князя Накашидзе имело место 24-го (12-го) сентября 1877 г. (см. **Богуславский. История полка, т.II, с.479, 498; Козубский. История полка, с.234, 235; Магомедов. Восстание, с.44, 46, 47**).

125. Речь идет об отряде Д.Б. Тер-Асатурова (см. **Богуславский. История полка, т.II, с.479, 480; Магомедов. Восстание, с.46, 47; Гасанов. Борьба, с.72**).

126. Это обстоятельство отражено и в русских материалах; есть основания думать, что названные в тексте (II) 300 милиционеров пришли в Леваше из Ботлиха (см. **Богуславский. История полка, т.II, с.498**).

Отметим здесь, что российское командование, учтя географический фактор – особенно специфику прохождения дорог в средней части горного Дагестана, решило сделать сел. Леваше своим главным опорным пунктом в борьбе с мусульманскими повстанцами названной зоны. Поэтому-то там, в Левашах, это командование и начинает концентрировать свои силы, после 24-го (12-го) сентября 1877 г. (см. **Гасанов. Борьба, с.72**).

127. Судя по русским источникам эти события, имели место где-то после 27-го (15-го) сентября (см. **Богуславский. История полка, т.II, с.498**).

128. Известная в Дагестане личность, офицер; особо верный прислужник царской администрации (см. **Тахнаева П. И.** Чох в блистательную эпоху Шамиля: 1840-1850 гг. Махачкала, с.117-124).

129. Подразумевается дружинник, боевой товарищ (по-аварски *чукъа*; в наречиях отдельных племен Аваристана это слово имеет ныне значение «товарищ», то есть соответствует слову *гьалмагъ* литературного языка).

130. О нем см. здесь же, прим. № 41.

131. Соответствует 9-му октября 1877 г.

Здесь, следует отметить, что, подтянув силы (собралось 60 батальонов пехоты, 96 эскадронов и 240 орудий), русские начали 2-го октября свои контратаки и в результате 9-го октября турецкие войска были вытеснены за пределы Российской империи, на свои старые позиции (см. **И.О.** Турецкие войны, с.157).

132. Значение этого арабского по происхождению термина – «доверенный, уполномоченный».

133. Он упоминается и в русских источниках, как «Алиль Магома» - *Патил Махлама* (см. **Магомедов.** Восстание, с.45, 60; **Гасанов.** Борьба, с.84).

134. По русским материалам, к концу сентября 1877 г. царская армия имела в сел. Урма склад сухарей и круп. Князь Накашидзе, находившийся в Левашах, отправил 15-го (3-го) октября на урминский склад две роты солдат и одну сотню Гумбетовской милиции с приказом привести оттуда провиант, используя для этого повозки принадлежащие местным жителям (см. **Богуславский.** История полка, т. II, с.498-500).

135. Согласно русским источникам, это был князь Магалов-Магалашвили (см. **Богуславский.** История полка, т. II, с.499).

136. В русских источниках говорится примерно то же самое: взяв у урминцев подводы и загрузив их провиантом, князь Магалов выступил 15-го (3-го) октября, после обеда, в сторону Леваш; в нескольких верстах от Урма его окружила, однако, «огромная партия Мятажников», в связи с чем из повозок был сооружен вагенбург; в течение наступившей ночи горцы совершили несколько атак на этот вагенбург, из которых две были особо сильными, но результатом всей этой активности оказались потери в людях со стороны нападавших, причем «несколько изступленных фанатиков, успевших ворваться в карре, тут же были подняты на штыки» (см. **Богуславский.** История полка, т. II, с.500).

137. Речь идет о князе Накашидзе, который выступил на выручку отряда Магалова и появился вблизи от него 16-го (4-го) октября 1877 г. на рассвете (см. **Богуславский.** История полка, т. II, с.500).

138. Речь идет о «даргинской» окружной милиции (см. Там же).

139. В русских материалах указано по этому поводу следующее: Накашидзе выступил еще 15-го (3-го) октября, но, встретив в нескольких верстах от Левашей превосходящие силы «мятежников», засевших в ущелье и «завязавших жаркую перестрелку», вынужден был остановиться; затем 16-го (4-го) октября на рассвете он вместе со своим конным конвоем приблизился к вагенбургу князя Магалова, оставив, однако, три роты солдат на месте своего ночлега; так как, по словам урминских аробщиков, быков у них ночью угнали и сделали это горцы, поддерживающие имама, то доставку провианта в Левашу Накашидзе поручил исполнить гумбетовским милиционерам и русским солдатам; затем Накашидзе вернулся со своим конвоем от вагенбурга к месту ночлега и тут организовывал атаку на горцев, имея ввиду, что победа, если её удастся одержать, «преградит мятежникам путь на плоскость»; в конце концов «мятежники» эти были обращены царской армией в бегство, «оставив на месте до 400 трупов» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 500, 501).

140. Как видно, автор разбираемого сочинения (II) приписывает эту акцию людям *вакиля* Алиль Мухаммада Согратлинского, которых тот оставил вблизи сел. Леваша. Интересно было бы установить связь между ними и бойцами царского офицера из сел. Уллу-ая, известного как «Бахмай Гаджи Баганд», который, по некоторым сведениям, перейдя в 1877 г. на сторону имама, играл большую роль в ходе восстания на левашинской территории (см. **Магомедов**. Восстание, с. 46; **Гасанов**. Борьба, с. 72).

141. Иван Давыдович Лазарев-Газарян – в конце 50-х годов XIX в. начальник Даргинского округа, позднее генерал-адъютант (см. **Абдурахман**. Книга, с. 63; КК на 1858 год. Тифлис, 1857, с. 436; **Лазарев**. – в кн. **Брокгауз, Ефрон**. Словарь, т. XVII, СПб., 1896, с. 248).

142. В русских текстах отмеченные события описываются следующим образом: после ухода князя Накашидзе 15-го (3-го) октября 1877 г. в сторону сел. Урма, в лагере, сооруженном царскими силами близ Леваша, осталось к утру 16-го (4-го) октября 7 рот пехоты и 4 орудия, но имелось еще 3 сотни каваллерии, – «милиции» – находившейся под командованием Мамалава Чохского; стояла эта конница в сел. Кутиша; на рассвете 16-го октября, в отсутствие Накашидзе, появились со стороны Уллу-ая и Кутиша (из них первое селение является даргинским по языку, а второе – аварским) «большие массы мятежников», а затем эти «горцы, преимущественно пешие», приблизившись к русскому лагерю с трех сторон, начали стрельбу и даже пытались было атаковать; в тот же день, однако, к вечеру вернулся в Левашу отряд Накашидзе, и его бойцы обстреляли горцев, которые еще до начала атаки побросали-де свои значки и «поспешно отступили» на несколько верст; далее, 16-го (4-го) октября к сел. Кутиша подошла «партия горцев», состоявшая примерно из 2-х тыс. бойцов, на сторону которой от-

крыто перешли тут же кутишинцы, а затем они совместно напали на сотни «конно-иррегулярного» полка, то есть на милицию Мамалава; примерно 200 всадников названного здесь полка, приняв тут «сторону мятежников», практически разбежались, после чего Мамалав, с тремя командирами-сотниками и одной сотней рядовых всадников, закрепился в имеющем башню жилком комплексе, принадлежащем кутишинскому старшине; на рассвете 17-го (5-го) октября начальник отряда, то есть князь Накашидзе, послал на выручку Мамалава Чохского один батальон пехоты с двумя пушками, под командой офицера Высоцкого; последний, подойдя к Кутиша, сообщил, что это селение «занято возмутившимися», а со стороны даргинского сел. Кака-Махи «идет на подкрепление» им – восставшим против царского режима горцам – «конница»; в связи с этим Накашидзе вынужден был выступить в тот же день – 17-го (5-го) октября, – из левашинского лагеря, взяв с собой 4 роты солдат и два артиллерийских орудия, и отправиться со всем этим в направлении Кутиша «для подкрепления майора Высоцкого и освобождения подполковника Мамалова», что удалось ему после «весьма упорной перестрелки с горцами, засевшими в саклях» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 502, 503; **Магомедов**. Восстание, с. 51).

143. Русские описывают эти события следующим образом: почти сразу после занятия царскими войсками сел. Кутиша появилась на дороге, идущей из сел. Уллу-ая, то есть – через Кака-Махи, многочисленная кавалерия «мятежников», продвигавшаяся в сторону хаджал-махинского спуска; Накашидзе двинул против этой кавалерии три роты пехоты и две пушки; при первых же выстрелах, прозвучавших тут с русской стороны, «мятежники», не принимая боя, «начали отступать по Цудахарскому спуску»; Накашидзе с небольшой, как говорится, группой бойцов (примерно якобы 80 чел.) преследовал их в течение какого-то времени, ведя «убийственный огонь», от которого горцы «искали спасение в бегстве» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 503).

Российские историографы считают, что с 15-го (3-го) по 17-е (5-е) октября 1877 г. (в местностях Дибха и Кишили, в Левашах и Кутиша) царские силы потеряли всего 6 чел. убитыми и 38 чел. ранеными (см. Там же).

144. Этот Шахав был одно время наибом Шамиля, назначенным им в Анцух, и характеризовался как «искренний служитель культа», человек «опытный в делах и способный в поступках», но при всем том, однако, позднее он «бежал от имама» (см. **Абдурахман**. Книга, с. 65). В эпоху колониального режима, установленного после 1859 г., Шахав, являвшийся, как выясняется, сыном Махмуда, находился, будучи офицером, в должности наиба Анцухо-Капучинского участка (см. КК на 1869 год, с. 133; Материалы к биографии Алкадари, с. 141).

145. По русским данным, «враждебные замыслы», волнения против колониального царского режима имели место на территории Анцухо-Капучинского участка еще в мае (по старому стилю) 1877 г. (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 476; **Магомедов**. Восстание, с. 41).

146. Речь идет о Самурском округе, в состав которого были включены царской администрацией, наряду с иными южно-дагестанскими территориями, «общество» Ахты-пара и горная часть земель султанства Елисуйского, где говорили и говорят на цахурском и аварском языках.

147. Согласно русским материалам, волнения со стороны лезгинского населения, имевшие и ранее (с 23/11-го сентября - ?) место на территории Самурского округа, 13-го (1-го) октября 1877 г. переросли в «открытое восстание» против колониального режима. Во главе восставших встал Газиахмед Ахтынский – капитан милиции.

В этих условиях чиновники и особо верные сторонники царизма частью укрылись в Ахтынской крепости, возведённой русскими, а частью бежали за пределы Самурского округа. Тогдашний же начальник Самурского округа Артемий Соломонович Узбашев-Узбашян, вопреки словам автора разбираемого арабоязычного сочинения (II), во время восстания 1877 г. за пределы подведомственной ему территории не убежал, а укрывался в течение более чем 30 дней в стенах Ахтынской крепости (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478, 491, 497; **Козубский**. История полка, с. 235; **Магомедов**. Восстание, 55; **Хашаев**. Общественный строй, с. 72; **Гасанов**. Борьба, с. 75).

148. Это имело место 2-го ноября (21-го октября) 1877 г.

К указанному времени, когда русские войска успели уже разгромить Цудахар и войти в пределы Казикумухского округа, на Азиатском фронте русско-турецкой войны произошли следующие события:

15-го (3-го) октября русские разгромили Мухтар-пашу, главнокомандующего турецкой армией на Азиатском фронте, после чего тот вынужден был бежать с остатками своих сил в крепость Карс. Через 20 дней, а именно – 4-го ноября русские императорские войска разобьют названного пашу ещё раз – вблизи г. Эрзерума. Что же касается Карса, то он с 1-го ноября (10 октября) 1877 г. будет вновь осаждён русскими и итогом этой осады окажется сдача его (см. **И. О.** Турецкие войны, с. 158; Карс. – **Брокгауз, Ефрон**. Словарь, т. XIV-а, СПб., 1895, с. 608).

149. На нынешнем уровне наших знаний о восстании 1877 г. и созданном тогда Имамате представляется, что Шахав Анцухский проник со своим отрядом, сформированным на территории Тляратинского района, лишь в верхнюю часть Самурского округа с её цахурским и аварским населением.

150. Произошел этот арест, по-видимому, в пределах 15-16-го (3-4-го) ноября 1877 г.

151. Сын поставленного царскими войсками правителя Кайтага по имени Джамав-бек (ум. в 1857 г.), член рода уцмиев, владетель селений Кала и Янгикент (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 477, 484; **Хашаев**. Феодалные отношения, с. 238; История Северного Кавказа, с. 290).

152. Этот Махди – сын царского генерала, ярого врага предыдущего Имамата (об этом см. **Мухаммад-Тахир ал-Карахи**. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах /пер. Т. Айтберова. Ч. I. Махачкала, 1990, с. 33), – как пишут русские, «первым» поднял «вооруженное восстание» в южной части Дагестанской области: 22-го (10-го) сентября 1877 г. он прибыл в г. Башлы (там было тогда до 1500 дворов) из сел. Мамедкала – своего тогдашнего местопребывания, и приступил к формированию вооруженного отряда для ведения *джихада* «противу русских» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 477, 478, 484; **Козубский**. История полка, с. 235; **Гасанов**. Борьба, с. 74).

153. Речь идет, по-видимому, о территориях, входивших ранее в состав Кайтагского уцмийства, которые в 1877 г. являлись участками Кайтаго-Табасаранского округа Российской империи.

154. Достоверно известно, что 23-го (11-го) сентября русские «по необходимости» покинули центр Кайтаго-Табасаранского округа сел. Маджалис; начальником Округа был тогда Пётр Евгеньевич Запороженко (см. КК на 1877 год, с. 148). Произошло это в связи с тем, что маджалисцы, по характеристике царских историографов, это люди, «изменившие» Империи одними «из первых» в кайтагской зоне (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478).

Здесь же, по-видимому, необходимо отметить, что г. Куба и Кубинский уезд Российской империи в 1877 г. не подчинялись начальнику Кайтаго-Табасаранского округа.

155. Не исключено, что речь идет здесь как о русских, так и о нерусских-христианах, не придерживавшихся православия.

Как известно, царизм, согласно своим старым планам, разработанным ещё во времена Петра I, стремился вытеснить, хотя бы и методом депортации, мусульман – особенно суннитов, а это означало этнических дагестанцев, – из Прикаспия и заселить эту территорию христианами приведёнными со стороны (см. **Лысцов В.** Персидский поход Петра I: 1722-1723 гг. М., 1951, с. 150, 151; **Соловьев С. М.** История России с древнейших времён. – Сочинения. Кн. IX, т. 18. М., 1993, с. 375, 376). В рамках названной политики в XIX в. у кайтагцев и табасаранцев изымались тем или иным путём их исконные кутаны, которые превращались затем в «христианские хутора», населяемые элементом, приводимым из Центральной Рос-

сии или же армянами. Естественно, что после начала восстания, уже 25-го (13-го) сентября 1877 г., кайтагцы и табасаранцы стали грабить эти «христианские хутора» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478).

156. В русских материалах отмечается, что в Дербентской зоне уже с 23-го (11-го) сентября начались грабежи, «запылали принадлежащие христианам и евреям строения», были «уничтожены» их «сады и плантации». Упоминают они также и о захвате Махди-беком – видимо, после 23 сентября, – укрепленного здания почты, стоявшего вблизи Каякента (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478; **Козубский**. История полка, с. 235).

157. Речь идет, вероятно, о князе Накашидзе.

158. Подразумевается военный отряд Д.Б. Тер-Асатурова, а точнее Тер-Асатуряна, который 25-го (13-го) сентября, согласно предписанию, полученному от Меликова, выступил из Левашы и к вечеру прибыл в Дешлагар (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 479, 480; **Козубский**. История полка, с. 235).

159. Отмеченный отряд упоминается в русских текстах: Меликов-Меликян направил из Темир-Хан-Шуры в Дешлагар две роты апшеронцев с двумя пушками, на подкрепление Тер-Асатурова (см. **Богуславский**. Указ. раб., т. II, с. 480).

160. В русских материалах отмечается, что задачей отряда Тер-Асатурова, который состоял из солдат и милиционеров-дагестанцев, было наказание жителей Каякента, Башлы и Маджалиса «за измену». Во исполнение ее, 28-го (16-го) сентября 1877 г. Тер-Асатуров «выступил с войсками» – в количестве восьми рот солдат, пятиста милиционеров и четырех пушек с «комплектom зарядов», – из Дешлагара на Каякент (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 480; **Козубский**. История полка, с. 235). Следует отметить, что этот отряд под командой офицера-армянина, которому историки приписывают приведение «к покорности всего Даргинского округа», отличался, как можно понять из русских материалов, грабежами, конфискациями и арестами мирных сельчан, особенно на Терекемейском участке нынешнего Дербентского района (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 480-486, 488).

161. В русских материалах сообщается, что 29-го (17-го) сентября 1877 г. отряд Тер-Асатурова, подойдя к Каякенту, обстрелял «мятежников», засевших в названном селении, артиллерийским и ружейным огнем, после чего «мятежники» вынуждены были уйти оттуда, – кажется, 30 сентября – оставив на месте 90 чел. убитыми. После взятия Каякента в руках у защитников царского колониального режима оказалось 300 пленных и 2000 голов крупного рогатого скота (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 480; **Козубский**. История полка, с. 235; **Магомедов**. Восстание, с. 48, 49; **Гасанов**. Борьба, с. 76).

162. В трудах русских историков отмеченные события излагаются как-то скомканно, причём, вероятно, не беспричинно: 1-го октября (19-го сентября) 1877 г. из лагеря, сооружённого над Каякентом, ушли в Дешлагар две роты солдат; 2-го они возвратились назад с солидным подкреплением; 3-го октября Тер-Асатуров сражается уже на почтовом тракте близ сел. Джемикент, имея при этом целью дойти до Дербента (см. **Богуславский**. История полка, с.480, 481; **Козубский**. История полка, с.236).

163. По информации содержащейся в русских текстах, отряд генерал-майора Александра Виссарионовича Комарова подошёл к Башлы 11-го октября (29-го сентября). Занял он его 12-го числа после небольшой-де перестрелки, причём башлынды успели «разбежаться» по близлежащим «лесистым ущельям»; в отряде Комарова, следует отметить, были тогда русские солдаты и 700 дагестанцев-милиционеров, среди которых имелись кумыки (к примеру, утамышцы), даргинцы (мекегинцы и мюрегинцы) и аварцы. Затем, в ночь на 15-е (3-е) октября, сел. Башлы «было сожжено», ибо жители его первыми подняли «вооружённое восстание» в южной части Дагестана и выставили значительную партию бойцов в распоряжение Махди-бека. После этой акции отряд Комарова двинулся 15-го же октября в направлении сел. Янгикент (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с.488, 489; **Козубский**. История полка, с.237, 238; **Магомедов**. Восстание, с.53, 54; **Гасанов**. Борьба, с.79; История Дагестана, т. II, с.158).

164. Вступление русской армии на территорию Казикумухского округа, после захвата ею Цудахара, имело место, как известно, 2-го ноября (21-го октября) 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с.61; **Гасанов**. Борьба, с.85).

Отряд ген.-м. Комарова, находившийся в Табасаране, получил 6-го ноября (25-го октября) информацию, что Махди-бек, собрав из Верхнего Кайтага примерно 200 бойцов, прибыл «по приглашению» башлынды в их «разорённое» царской армией селение и расположился там лагерем; оттуда Махди-бек рассылал «возмутительные прокламации» по территориям Кайтага и Темир-Хан-Шуринского округа. Названный отряд императорской армии 9-го ноября (28-го октября) подошел поэтому к Башлы, которое было уже подвергнуто репрессиям, о чём говорилось выше, и тут – как пишут русские авторы, – Махди, не оказав какого-либо сопротивления, убежал из Башлы в малодоступные места Каттаганского участка Верхнего Кайтага; «небольшая партия» башлынды «завязала» было «незначительную» – по мнению русских, – перестрелку с людьми Комарова, но это продолжалось недолго, после чего 9-го же ноября (28-го октября) этот генерал смог приступить к арестам «наиболее виновных» из числа башлынды (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с.495; **Козубский**. История полка, с.239; **Магомедов**. Восстание, с.56; **Гасанов**. Борьба, с.80).

Что касается Джафара Казикумухского, то он вместе со своей конницей прибыл из даргинского сел. Мулебки на территорию Кайтага – согласно русским источникам, – в первой половине (13-14-го) октября 1877 г.; местопребыванием Джафара были тогда селения Чумли и Янгикент, куда из Маджалиса продвигался 14-го (2-го) октября Махди-бек, на соединение с названным казикумухцем; соединив свои силы в Янгикенте Джафар и Махди-бек вступили в сражение с отрядом ген.-м. Комарова уже 15-го (3-го) октября; затем после сильных боёв, имевших место 16-го (4-го) числа, сел. Янгикент было захвачено русскими и милиционерами, а произошло это 17-го (5-го) октября, причём, как пишут царские историки, «остатки партии Джафара» и Махди-бека «ушли в Маджалис», а большая часть «кайтагцев», сражавшихся вместе с ними, «разошлась по домам». Когда затем царские войска подошли к Маджалису, 24-го (11-го) октября 1877 г., то узнали они, что казикумухцы «уже не решались» больше вступать в бой с войсками царя, после янгикентского «дела», и поэтому ушли из Маджалиса, через территорию Табасарана, в Кюринский округ (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 489-492; **Козубский**. История полка, с. 238, 239; **Магомедов**. Восстание, с. 48, 49, 54, 55; История Дагестана, т. II, с. 158; **Гасанов**. Борьба, с. 79, 80).

165. Согласно русским источникам, Махди-бек, после недолгого пребывания в Кайтаге, двинулся на юг, имея целью пробраться в Иран или в Турцию; к 16-му (4-му) ноября, когда Согратль – последнее убежище вождей Имамата 1877 г. – был уже взят царской армией, он, вместе с пятью сопровождающими, находился на территории бывшего майсумства Табасаранского – в лезгинском сел. Карчаг; 16-го же ноября Махди-бек выступил со своими людьми из Карчага и двинулся в сторону Кубинского уезда Империи, в связи с чем за ним была отправлена конная команда, состоявшая из 25 мусульман, во главе с Урусханом Карчигаевым (*Кара-Чугаев*), которая расположилась в Самурской дельте; там в Самурском лесу Махди-бек был, в конце концов, обнаружен и, «после упорного сопротивления», захвачен раненым и доставлен 22-го (10-го) ноября в Дербент, где он затем и умер (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 496; **Магомедов**. Восстание, с. 56; **Гасанов**. Борьба, с. 81).

166. Соответствует 19-му октября 1877 г.

В русских источниках говорится об обращении Меликова на имя брата царя, имевшем место в сентябре 1877 г., с просьбой разрешить переброску воинских подразделений в пределы Дагестанской области (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478; **Магомедов**. Восстание, с. 52, 53).

О том, что в Леваши к Меликову, прибывшему туда, заявили с выражением полной покорности полномочные представители всех насе-

лённых пунктов Даргинского округа, кроме Цудахара, говорят и русские источники (см. **Магомедов**. Восстание, с.60; **Гасанов**. Борьба, с.84).

167. Речь идёт о событиях, имевших место после 23-го (11-го) октября, когда Меликов вступил со своим отрядом в Леваши (см. **Козубский**. История полка, с.240; **Магомедов**. Восстание, с.60; **Гасанов**. Борьба, с.83, 97).

168. Крепость Карс – один из главных опорных пунктов Османской империи на кавказском направлении – была захвачена русской армией в результате штурма, проходившего с 17-го на 18-е (5-го на 6-е) ноября 1877 г.

В тексте II речь идёт, видимо, о начале второй осады (25-е октября) русскими Карса (см. **И.О.** Турецкие войны, с.158).

169. Русские источники позволяют думать, что это имело место перед 30-м (18-м) октября 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с.60; История Дагестана, т.II, с.160; **Гасанов**. Борьба, с.85).

170. События, происходившие вокруг моста, что близ Цудахара, имели место, вроде бы, 30-го (18-го) октября. Они, что необходимо отметить, получили своё отражение и в русских источниках (см. **Козубский**. История полка, с.241; **Магомедов**. Восстание, с.60).

Штурм Цудахара, согласно русским источникам, начался 31-го (19-го) октября (см. **Козубский**. История полка, с.241; **Магомедов**. Восстание, с.60; История Дагестана, т.II, с.160; **Гасанов**. Борьба, с.85).

Цудахарские базарные ряды, судя по наличным материалам в XIX в., пользовались в Дагестане значительной известностью (см., например, текст IV).

Есть основания думать, что под Цудахаром было в распоряжении Меликова около 10 батальонов пехоты и 10 сотен кавалерии, из которых больше половины состояли из дагестанцев (на турецком фронте в Азии русские имели всего 60 батальонов пехоты и 96 эскадронов конницы). Обстрел цудахарского гарнизона Имамата царские войска вели из 12 пушек (см. **Козубский**. История полка, с.240; **Магомедов**. Восстание, с.52, 59, 60; История Дагестана, т.II, с.160; **Гасанов**. Борьба, с.83-85; **И. О.** Турецкие войны, с.157).

В русских материалах отмечается, что цудахарцы и их помощники, прежде всего казикумухцы, защищались от царской армии поразительно храбро и умело. В связи с мощным артиллерийским обстрелом они сидели с лёгким оружием в руках в подвалах и подземельях – домов и соборной мечети, – но время от времени выходили из своих укрытий и «с кинжалами наголо» кидались «в рукопашную». Воины имама, окопавшиеся в Цудахаре, кричали при этом своим врагам, что мы «ожидаем русских солдат», а с

милиционерами сражаться особого желания не имеем (см. **Магомедов. Восстание**, с.61; **Гасанов. Борьба**, с.85).

171. В русских материалах отмечается, что цудахарцы и их союзники из числа горцев Дагестана (прежде всего это были казикумухцы и аварцы), «засев в сакли, решили защищаться насмерть». И действительно: защищались они отчаянно, стреляя по наступающим царским солдатам и милиционерам прямо в упор, и отражая их кинжалами и шашками, когда последние оказывались на особо близком расстоянии (см. **Магомедов. Восстание**, с.60, 61; **История Дагестана**, т. II, с. 160; **Гасанов. Борьба**, с.84, 85).

172. Даргинские селения Куппа и Хаджалмахи заняты были ген. Меликовым после ожесточённого артиллерийского обстрела 26-27-го (14-15-го) октября (см. **Козубский. История полка**, с.240; **Магомедов. Восстание**, с.60; **История Дагестана**, т. II, с.160).

173. Не исключено, что именно он фигурирует в некоторых материалах о восстании 1877 г. как *Мутада Мамма* (... сын Мута) из сел. Куппа, однако там он показан в качестве одного из лидеров восстания на территории Даргинского округа (см. **Магомедов. Восстание**, с.46; **Гасанов. Борьба**, с.72).

174. Это произошло в ночь с 31-го октября на 1-е ноября (с 19-го на 20-е октября) 1877 г., когда, как пишет авторитетный исследователь, от древнего города Цудахара, одного из главных центров горского ремесла и торговли, «остались только жалкие развалины» (см. **Магомедов. Восстание**, с.61; **Козубский. История полка**, с.241). В русских текстах XIX в. последние мгновения защиты Цудахара описаны так: против цудахарцев, которые продолжали защищать родное гнездо – укрываясь от залпов русской артиллерии в подвалах, но при этом «отчаянно» сопротивляясь, царские военные «прибегли к динамиту», после чего «кучка горцев бросилась с кинжалами в руках на войска, и вся полегла в кровавой схватке» (см. **Гасанов. Борьба**, с.85).

175. Согласно другим местным арабоязычным источникам, в ходе трёхдневных боёв за Цудахар пало мучениками за веру всего порядка 1900 бойцов-мусульман, в числе которых было, как видно, и 12 мюридов, входивших, вероятно, в отряд вакиля Алил Мухаммада Согратлинского. Общие же потери царской стороны, при взятии ею Цудахара, дагестанцы оценивали примерно в 1900 душ (см. **Хайдарбек Геничутлинский. Очерки**, с.112), тогда как в русских работах говорится о 22-х убитых и 117-ти раненных (см. **Козубский. История полка**, с.241).

176. По русским источникам, соборная мечеть Цудахара являлась в 1877 г. одним из главных центров обороны этого горского города (см. **Гасанов. Борьба**, с.85).

177. Речь идёт об аварцах-*магIарулал* (см. II, прим. № 99). Постоянно воюя в XVIII – первой половине XIX вв. против подразделений, обладавших восточной-мусульманской и европейской выучкой, они обрели солидный боевой опыт и поэтому считались среди кавказцев и других большой силой – такой, которую многие хотели бы видеть сражающейся на своей стороне.

178. Об этом см. IV; VI, письмо № 37.

Думается, что имам Мухаммад-хаджи проявлял «мягкость» характера, в чём его обвиняли тогда многие, по следующей лишь причине: 18 лет российского господства на Северо-восточном Кавказе не могли пройти бесследно для местного населения, в связи с чем резкое «закручивание гаек» слабым во многих отношениях шариатским государством 1877 г. могло вызвать эффект обратный тому, на который многие надеялись. По этой же причине тактика установления военного порядка-*низам*, которую практиковал названный имам, была непривычной для дагестанцев, знакомых с методами прежних имамов – Газимухаммада, Хамзата и Шамиля, в связи с чем и появлялись в XIX в. обвинения, что он-де «не понимал ничего в мирских делах, как и в вопросах» названной здесь тактики.

179. Это имело место 2-го ноября (21-го октября) 1877 г. (см. Магомедов. Восстание, с.60; Гасанов. Борьба, с.85). В то время шла уже вторая осада г. Карса, начатая вскоре после победы русской армии над Мухтарпашой (см. И.О. Турецкие войны, с.158).

180. Об этом см. VI, письма № 7, 34-36.

181. Источник (II) позволяет думать, что подчинение царскому режиму койсубулинцев и гергебильцев, признававших ранее власть имама Мухаммада-хаджи и имевших на своей территории наибов и пятисотенников, назначенных последним, произошло в самом конце октября-первых числах ноября 1877 г. Следует также отметить, что Мухаммад Гоцинский сумел тогда уговорить койсубулинцев отойти от Имамата лишь примерно за неделю (см. VI, письма № 2, 7, 14, 34-36).

182. В русских источниках также есть указания на то, что Меликов-Меликян обязал кумухцев поставлять войскам, находившимся в его распоряжении, и причём «ежедневно», следующий провиант: «сено, ячмень, рогатый скот, баранов», а кроме того – «посылать рабочих для разработки дороги к Согратлю» (см. Магомедов. Восстание, с.61).

183. Об этом см. также текст VII.

184. См. здесь же, прим. № 3.

185. Об этом см. VI, письмо № 38.

186. Потомственные казикумухцы помнят об этом письме и беде, поразившей их город из-за того, что оно попало в руки царских властей.

187. В русских материалах сдача Джафар-хана, прибывшего в Казикумухский округ через территорию Тлоасарана, датируется 4-м ноября (23-м октября) 1877 г. (см. **Магомедов. Восстание**, с.61; **Гасанов. Борьба**, с.85; **Булатова. Лакцы**, с.87: здесь, правда, утверждается, что отряд Джафар-хана, по возвращению на земли Казикумуха, вступил в бой с армией Меликова и «был разгромлен»).

188. Это подтверждают и другие источники (см. **Магомедов. Восстание**, с.61; **Гасанов. Борьба**, с.85).

189. На Азиатском фронте русско-турецкой войны 1877-1878 гг. дела обстояли тогда несколько иначе, чем то говорится в разбираемом здесь сочинении (II): с 22-го (10-го) октября началась вторая осада турецкого Карса русской армией, но захвачен он будет лишь 18-го (6-го) ноября, через 3 дня после взятия Согратля и пленения имама (см. **И.О. Турецкие войны**, с.158; **Карс**, с.608). Вместе с тем, однако, можно предположить, опираясь здесь на текст II, что к началу ноября дагестанцы, сражавшиеся с Российской империей, поняли, на основании поступившей к ним информации, что дела у турок идут теперь весьма плохо, что надежды на их приход на Северо-восточный Кавказ нет никакой и мало того – вскоре должен будет пасть г. Карс. Поэтому-то и «приобрёл... какую-то рыхлость» их прежний душевный «настрой», шеи их «главарей потеряли свою прежнюю твёрдость, а высокие намерения, существовавшие в среде народа, осели».

190. Речь идёт о ген.-м. Смекалове А.М., заместителе-помощнике начальника Терской области, который был главным душителем повстанцев, действовавших в западной части Аваристана (см. **Магомедов. Восстание**, с.57-59; **История Дагестана**, т. II, с.159, 160; **Гасанов. Борьба**, с.81-83).

191. По приказу свыше ген. Смекалов, которому были официально подчинены царские войска, стоявшие в Ботлихе и Хунзахе, обязан был перейти в пределы Дагестанской области из области Терской и принять там самые энергичные меры против горцев. 24-го (12-го) октября часть его сил, продвигавшихся через Андийский хребет, прибыла в Ботлих и соединилась с уже имеющимися там войсками, после чего были двинуты солдаты в сторону Карата, чтобы «задушить мятеж» в каратинской и багвалинско-тиндинской зонах. Сам же Смекалов вступил в бассейн Андийского Койсу иначе: через горный хребет, отделяющий его от бассейна Шаро-Аргуна, и как следствие – подошёл к тиндинско-багвалинской стороне через территорию Чамалала. К 28-му (16-му) октября 1877 г. восстание в пределах нынешнего Цумадинского района было Смекаловым подавлено (см. **Магомедов. Восстание**, с.57; **История Дагестана**, т. II, с.159; **Гасанов. Борьба**, с.81, 82; текст VII).

192. Об этом см. VI, письма № 6, 30, 32; VII.

193. В Телетле того времени каждый дом, по указаниям русских источников, представлял «из себя крепость», а защищали его местные жители и присоединившиеся к ним *мухаджиры*, среди которых был отряд чеченцев, возглавлявшийся Умма-хаджи Дуевым, бывшим шамилёвским наибом. 5-го ноября (24-го октября) 1877 г. к этому населённому пункту подошёл отряд ген. Смекалова, состоявший из более чем 3 тыс. бойцов; по материалам А.А. Тахо-Годи, названный отряд подошёл к Телетлю через Хунзах, а состоял он из более чем 18,5 рот русской пехоты, 650 кавалеристов и артиллерии (см. Тахо-Годи. Восстание, № 2, с.30). На предложение о сдаче, переданное через Аликлыча Чупанова – хунзахского наива, воины имама Мухаммада-хаджи ответили, как пишут русские, «бранью и выстрелом», после чего начался ураганный обстрел Телетля из пушек. В итоге на следующий день, то есть 6-го ноября (25-го октября), телетлинский гарнизон капитулировал-де; сам населённый пункт был «зажжён и разрушается», а большая «часть» телетлинских «хуторов – уничтожена».

В разбираемом же арабоязычном тексте (II) падение Телетля перед мощью российской армии датируется, как мы видим, примерно 12-13-м ноября (см. Магомедов. Восстание, с.58, 59; История Дагестана, т. II, с. 159, 160; Гасанов. Борьба, с.82, 83). По-видимому, дело здесь в том, что часть телетлинцев – изначально относившаяся негативно к идее борьбы с Российской империей, на что есть указания местных источников (см. текст VII), – действительно сдалась 6-го ноября, но твёрдые сторонники Имамата и мухаджиры вели подземную войну с царскими силами на развалинах Телетля ещё в течение целой недели.

194. В некоторых трудах нашей эпохи утверждается, что при капитуляции Телетля сдались в плен Муртазаали Телетлинский и чеченские мухаджиры, кроме Умма-хаджиява (см. Магомедов. Восстание, с.58, 59; История Дагестана, т. II, с.159, 160). Мало того: кое-кто из современных историков пытается при этом доказать, что чеченцев сдал русским аварец Муртазаали, хотя он, как известно, был повешен ген. Меликовым в урочище Салануб, вместе с вождями и главными деятелями Имамата 1877 г.

195. Русские источники датируют приход ген. Меликова-Меликяна с его армией к городу Согратлю 13-м (1-м) ноября 1877 г. (см. Козубский. История полка, с.242; История Дагестана, т. II, с.160, 161; Гасанов. Борьба, с.85).

196. Факт существования указанного замка отмечается в русских источниках XIX в. (передовая «башня» со специальным «подвалом», сделанным для защиты от артиллерийского огня) и в согратлинских устных преданиях о «коротком шариате» (см. Гасанов. Борьба, с.86). Возведён был этот замок с использованием-де многочисленных каменных надгробных плит согратлинского кладбища.

197. Согласно русским источникам это произошло примерно в полдень 14-го (2-го) ноября 1877 г., после мощного артиллерийского обстрела «маленького замка», который был начат утром того же дня (см. Гасанов. Борьба, с.86).

198. По мнению русских авторов XIX в. к вечеру 14-го ноября они, после сильного рукопашного боя, взяли башню-«замок», за исключением «подвала», который отчаянно защищали изнутри воины имама Мухаммада-хаджи. В тот же вечер, однако, их всех-де солдаты лишили жизни, закидав тот «подвал» горящими снопами ржи и огромным количеством камней. Обошёлся Меликов этот полный расчёт с названным замком-башней, что охранял один из главных подступов к Согратлю, в более чем 100 солдат (см. Козубский. История полка, с.242; Гасанов. Борьба, с.86).

199. При всей той относительной малочисленности царских войск, действовавших на территории Сулакского бассейна в 1877 г., под Согратлем Меликов имел против одного воина имама, как минимум 8-9 человек прекрасно обученных солдат императорской армии.

200. Не исключено, что это был брат Нурмухаммада Согратлинского, по прозвищу *Пирил Рекъав*, который действовал по приказу имама на койсубулинском оперативном направлении (см. Омаров. Воспоминания Абдуразака, с.95; текст VII).

201. На основании русских источников можно предположить, что это произошло утром 15-го (3-го) ноября 1877 г., когда «мятежники» оставили для царских солдат все укрепления Согратля (см. Козубский. История полка, с.242; Гасанов. Борьба, с.86).

202. Речь идёт, вероятно, об Абулкасеме ал-Джунайде (IX – начало X вв.), который является родоначальником одного из авторитетных течений в мусульманском мистицизме (см. Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991, с.68, 69).

Русские авторы сообщают, что после прекращения сопротивления на укреплениях Согратля, началась сдача войскам местных жителей, а также выдача «виновников мятежа» и пленных (см. Козубский. История полка, с.242).

203. Сдачу зумсоевца Умма-хаджи и его соратников-мухаджиров датировать следует, как видно, 16-м (4-м) ноября (см. также Гасанов. Борьба, с.86).

204. Соответствует 15-му ноября.

205. В связи с этим «рассказом», о словах произнесённых якобы Алибеком-хаджи в адрес согратлинцев, нельзя не отметить, что после взятия Согратля было арестовано по приказу ген. Меликова-Меликяна, практически всё население этого населённого пункта, за чем последовала высылка 700 согратлинцев из пределов Дагестанской области, о чём сообща-

ют местные источники – как разбираемый здесь (Н, 16), так и другие, к примеру, текст VII. Поэтому нам кажется, что абзац, содержащий высказывания – якобы Алибека-хаджи, – о согратлинской непорядочности, проявленной-де в 1877 г. (автором его является Али-кади Салтинский, работник российского государственного аппарата), считать следует местом, где изложены личные эмоции *салтинца* Али-кади, его индивидуальное отношение к своим соседям-согратлинцам.

206. Царские войска взяли в плен в Согратле, не считая арестованных ими позднее согратлинцев, – по русским сведениям, – 274 человека, большинство которых являлось, по-видимому, мухаджирами: аварцами, даргинцами, лакцами, лезгинами и чеченцами (см. Гасанов. Борьба, с.86).

207. Об этом см. здесь же: II, 5.

208. Как говорят русские материалы, в Согратле, после его захвата, войска Империи провели 5 дней. По-видимому, в течение того времени царские спецслужбы выявляли различными путями и брали под арест активных сторонников Имамата (см. Козубский. История полка, с.242; Гасанов. Борьба, с.86).

209. Согласно русским источникам царские войска взяли в Согратле под арест несколько сотен человек и отконвоировали их затем в Гунибскую крепость (см. Гасанов. Борьба, с.86). При этом следует отметить, что согласно «Письму из Сибири», написанному по-аварски в стихотворной форме согратлинцем Муртазаали-хаджи (1852-1912), арестованных вели тогда из Согратля со связанными (за спиной -?) руками, а в Гунибской крепости 22-го (10-го) ноября подвергли насмешкам и оскорблениям – к примеру, плевали им в лицо (см. Литературная хрестоматия для 6-го класса. Махачкала, 1978, с.71, 72, на авар. яз.)

210. Есть мнение, кстати, находящее себе подтверждение в авторитетных материалах XIX в., что указанного в тексте переводчика звали не Абдулкахир, а Абдулкадир (см. Доного Х.-М. Даидбековы. – жур. «Ахульго», № 1, Махачкала, 1998, с.42; КК на 1877 год, с.147).

211. Соответствует февралю-марту 1882 г.

212. В официальном предписании Меликова-Меликяна генералу Смекалову говорится, что особо виновных в «смуте» 1877 г. – прежде всего клан шамилёвского наиба Кебедмухаммада, в который входил Муртазаали Телетлинский, надлежит выслать в Сибирь; телетлинцев, получивших раны в боях с царскими войсками – направить под арестом в Гунибскую крепость; конфисковать их имущество – в первую очередь это касается «главных виновников восстания», – и пустить его на погашение убытков казны и частных лиц, стоявших на стороне царизма (см. Тахо-Годи. Восстание, № 2, с.31, 32; Гасанов. Борьба, с.83).

213. В русских материалах записано, что настоящим именем этого человека было *Джамбаз*, происходил он из сел. Ансалта и являлся офицером турецкой армии; судя по всему, он был хорошим специалистом в деле строительства небольших фортификационных сооружений (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 472).

214. О нём см. VI, письмо № 2; **Хашаев**. Общественный строй, с. 71; **Абдуллаев**. Вопросы истории, с. 131.

215. Русские взяли город-крепость Карс ночью 18-го (6-го) ноября 1877 г., с потерей для себя примерно 2300 чел. убитыми и ранеными. Что же касается турецких военных, то они в ходе штурма – по законам войны – были истреблены, за исключением нескольких сотен кавалеристов успешных вырваться за пределы крепостных стен и бежать (см. Карс, с. 608). Произошло это, понятно, после взятия Цудахара, Телетля и Согратля, после капитуляции имама Мухаммада-хаджи и прочих вождей и ведущих деятелей Имамата 1877 г. Естественно, что всё это вместе взятое привело дагестанцев и чеченцев в состояние глубочайшей депрессии и продолжало сохраняться такое их душевное состояние достаточно долго.

216. Это Иван Давыдович Орбелиани – грузинский князь, который после подавления восстания 1877 г. являлся исполняющим обязанности начальника *Среднего Дагестана* и Гунибского округа, а позднее (с начала 80-х годов) – начальником (см. КК на 1879 год, с. 115; КК на 1882 год. Тифлис, 1881, с. 82).

217. Как известно, Али-кади Салтинский служил при И.Д. Орбелиани и, можно сказать, находился даже в его окружении. Свидетельством этому является, к примеру, известная фотография-монтаж, озаглавленная: «Группа управления военного начальника Среднего Дагестана 1882 года, укр. Гуниб», где наряду с И.Д. Орбелиани запечатлён и Али-кади. Думается поэтому, что отмеченная фраза текста II и её продолжение принадлежат названному салтинцу.

218. О нём см. здесь же: II, 5.

219. Скорее всего, это известный деятель предыдущего Имамата, которого мы знаем как Хаджиали (см. VI, письмо № 7).

220. О нём см. здесь же: II, 15.

221. О нём см. текст VI, письмо № 11.

222. О нём см. здесь же: II, 15.

Следует отметить, что данный телетлинец входил в число известных учеников-мутаалимов шамилёвской эпохи, находившихся тогда в Дарго (см. **Абдурахман**. Книга воспоминаний, с. 95).

223. О нём см. текст VI, письмо № 12, прим. № 28.

224. В русских источниках указывается, что за участие в восстании 1877 г. выслано было из Дагестана во внутренние губернии России, в Си-

бирь и другие места около 5 тыс. душ (см. Магомедов. Восстание, с.63; Гасанов. Борьба, с.87; Хашаев. Общественный строй, с.73: у него, правда, даётся отличная цифра – около 3 тыс.душ).

225. Из русских и дагестанских источников известно, что высылка дагестанцев и чеченцев из родных мест, начавшаяся в 1877 г., продолжалась в 1878-1879 гг. (см. Гасанов. Борьба, с.88; Материалы к биографии Алкадари, с.141).

226. Понятно, что результатом названной акции должна была стать деэтнизация дагестанцев и чеченцев, а затем – в третьем-четвёртом поколениях – христианизация и ассимиляция их с окружающим русским населением. Нельзя здесь не отметить, что в своих планах: расселить северокавказских горцев по одному-два человека среди огромной массы русских с целью их быстрой ассимиляции, царские генералы 70-х годов не были новаторами. Ещё за 50 лет до этого с аналогичными идеями выступали, как известно, декабристы из группировки П.И. Пестеля, в чьей программе записано: «буйных», то есть отстаивающих свои законные права и интересы, кавказских горцев «переселить во внутренность России, раздробив их по всем русским волостям», ради слияния всех народностей Российской империи в единый русский народ.

227. В то время названная территория, соответствующая примерно нынешнему Казбековскому району Дагестанской республики, входила, как известно, в состав Терской области.

228. Согласно другим указаниям возвращение ссыльных горцев из «Сибири» произошло года на 3-4 позднее (см. текст VII; Булатова. Лакцы, с.87).

229. Один из русских офицеров в чине полковника, специально занимавшийся изучением положения высланных во внутренние губернии дагестанцев и чеченцев, написал, что уже в 1878 г. большое количество их «умерло от тифа, восполнения лёгких, чахотки», а остальные «истощены болезнями, подавлены горем и тоской по родине», что дало ему основание охарактеризовать их как обречённых «на более или менее долгую агонию». Отметим здесь также, что по авторитетному мнению тогдашнего министра внутренних дел: высылка дагестанцев и чеченцев из родных мест в Россию, особенно в её северную зону, является «равносильной поголовному истреблению» их (см. Гасанов. Борьба, с.89).

230. Отмеченный текст о цудахарцах и Верхнем Дженгутае принадлежит, вероятно, Исхаку Урминскому.

231. Текст о страданиях населения, проживавшего в районе Гунибской крепости, принадлежит, думается, Али-кади Салтинскому.

232. Как уже говорилось выше, дагестанцы, точнее – наиболее умные и дальновидные из них, давно поняли, что возвращение в обществен-

ную жизнь древнего местного права (по-аварски *баль*, по-даргински *зегъа*, по-лакски *цугъа*) вызовет много негативного, ослабит их во всех отношениях.

233. Об этом Абдулкариме-хаджи и его судьбе существуют рассказы и народная песня, которые имеют хождение в Верхнем Дженгутае и близлежащих аварских селениях (см. **Тагиров М.** Рассказы Магомеда Нурмагомедова. Махачкала, 1996, с.120-133, на авар. яз.)

234. Можно предположить, что здесь речь идёт о чеченце Расу Гайтукине из сел. Беной, который, кстати, составил описание деяний Алибека-хаджи и иных событий, имевших место в 1877 г. (см. **Ходжаев.** Чеченцы, с.304, 305, 307).

235. Есть сведения, что Алибек-хаджи сдался имперским властям 9-го декабря (27-го ноября) 1877 г. (см. **Мальсагова.** Восстание, с.35; **Ходжаев.** Чеченцы, с.307), после чего сдалось ещё 12 человек, которых современные чеченские историки называют *наибами* Алибека, являвшегося-де их *имамом*. Всего же было арестовано тогда в Чечне 262 чел., а по другим сведениям 274 (см. **Мальсагова.** Восстание, с.35; **Ходжаев.** Чеченцы, с.307).

236. Алибек-хаджи, Умма-хаджи и ещё 9 чеченцев (иногда их количество увеличивают до 11 чел.) были повешены в Грозном, на основании решения военно-полевого суда (см. **Мальсагова.** Восстание, с.35; **Ходжаев.** Чеченцы, с.307).

По-видимому, встреча письмоводителя-секретаря (Расу Гайтукина - ?) с Алибеком-хаджи имела место в Кизляре, а казнь последнего произошла в г. Грозном. Возможно, впрочем, что автор разбираемого текста: либо что-то не понял в рассказе названного письмоводителя, либо – позабыл, к тому времени, когда принялся он писать свой текст.

237. К суду, который проходил в Грозном 16-18-го (4-6-го) марта 1878 г., привлечено было, как пишут историки, 17 (18-?) чел. и из числа их 11 (13) чел. были осуждены на смертную казнь через повешение (см. **Мальсагова.** Восстание, с.35; **Ходжаев.** Чеченцы, с.307).

238. Казнь в Грозном была проведена рано утром 21-го (9-го) марта 1878 г. Повешенных чеченцев власти зарыли в общей яме, но ночью тела их были, по преданию, вырыты и перезахоронены возле сел. Семашки (см. **Мальсагова.** Восстание, с.37; **Ходжаев.** Чеченцы, с.308).

В русских документах отмечено, что перед смертью Алибек-хаджи изранил надзирателя Салима, за что последнему дали позднее 10 руб., по указанию начальника Терской области (см. **Мальсагова.** Восстание, с.37).

III

1) В ведении этих судов находились только относительно малозначимые дела: ссоры и недоразумения между супругами, а также – между детьми и родителями; дела по обману, по утайке чужого имущества и воровству, в которых, однако, сумма иска не превышала 50 руб. и т.д. Государство старалось при этом как можно больше ограничить роль шариата в названных судах и одновременно усилить в них позиции местного традиционного права-*адата* (см. **Хашаев**. Общественный строй, с.66, 67).

2) Эти кадии работали под председательством русских офицеров (см. История Северного Кавказа, с.281, 282).

3) Населенные аварцами земли в пределах нынешней Республики Азербайджан, составлявшие в прошлом Закаतालский округ Российской империи.

4) Офицер в чине штабс-капитана, аварец, родом из Белокан; возглавил восстание в июне 1863 г., сдался властям 8-го февраля 1864 г. (см. **Эсадзе**. Записка, т.1, с.206, 208; **Ган К.Ф.** Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года). – СМОМПК, вып. 31. Тифлис, 1902, с.56, 57; **Фон-Плотто А.К.** Природа и люди Закаतालского округа. – ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870, с.18; **Магомедов**. Восстание, с.25, 26; **Гасанов**. Борьба, с.50).

5) Возможно, что это генерал-майор Семен Осипович Шаликов-Шаликашвили, заядлый христианизатор «лезгинского» населения (см. КК на 1862 год. Тифлис, 1861, с.404; **Эсадзе**. Записка, т.1, с.206, 207; **Козубский**. История полка, с.228; **Магомедов**. Восстание, с.25; **Гасанов**. Борьба, с.50); по-видимому, родственник известного американского генерала конца ХХ в., занимавшего в своё время ответственные военные посты в США.

6) В связи со злоупотреблениями со стороны администрации, назначенной в Закаतालский округ царизмом, и с ее попытками распространить в Округе христианство, в том числе и среди «лезгин» (дело дошло до строительства церквей в их селениях!), местной элитой было тайным образом подготовлено восстание, причем есть авторитетное мнение, что подготовка эта проходила по плану, который задумал шейх Джамалудин Казикумухский, тесть имама Шамиля. Итак, в самом начале июня 1863 г. на территории аннексированной царизмом бывшей Джаро-Белоканской республики начались волнения, а 4-го (5-го?) июня бойцы Хаджимуртуза Белоканского уже штурмовали Закаतालскую крепость с ее русским гарнизоном, но были отбиты. В те же самые дни его бойцы, известные как жаро-белоканские «лезгины», разгромили военную колонну ген.-м. Шаликова-Шаликашвили, и причем тогда же, в ходе сражения, был убит названный генерал. Прекращение же военных действий и, таким образом, подавление «лезгин» имело место, по официальной оценке ситуации, 9-го июня 1863 г. (см.

Эсадзе. Записка, т.1, с.201-212; Ган. Путешествие, с.56, 57; КК на 1864 год. Тифлис, 1863, с.179; Фон-Плотто. Природа, с.18; Бороздин К. Лезгинское восстание в Кахетии в 1863 г. – Русский Вестник, № 8, 1890; Магомедов. Восстание, с.24-25; История Дагестана, т.11, с.145, 146; Козубский. История полка, с.228; Гасанов. Борьба, с.49, 50; Магомеддаев. Эмиграция, с.54, 55).

7) После подавления – стараниями ген. Меликова-Меликяна и ген. Орбелиани. – Закатальского восстания 1863 г. в Округе, после 20-го июня, начал действовать военно-полевой суд. По решению его, как сообщают русские источники, власти повесили 12 «главарей»; много людей было выслано за пределы Округа, причем вместе с членами их семей: одни отправлены были при этом в Сибирь, а другие во внутренние губернии России. Военно-полевой суд постановил также: дома лиц, осужденных на смерть и высылку, разрушить и срыть, сады вырубить, земли конфисковать и т.д. (см. Эсадзе. Записка, т.1, с.207, 208; Ган. Путешествие, с.57; Магомедов. Восстание, с.25; История Дагестана, т.11, с.146; Гасанов. Борьба, с.50, 51; Магомеддаев. Эмиграция, с.55).

8) Аварец из сел. Гунха Ботлихского района, но, возможно, что родился он действительно в чеченском сел. Исти-су //Мелчу-Хе в 1830 г.; детство его прошло в чеченском сел. Иласхан-юрт.

Слово *кунта* означает «бойкий, шустрый» на тех наречиях, которые имеют хождение в западной части Аваристана (срав. чеченское *клант* – «молодец»).

Кунта-хаджи примерно в 1858 г. отправился на паломничество – *хаджж*, откуда возвратился назад в пределах 1861 г. (см., к примеру: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994, с.29, 32, 33; Эсадзе. Записка, т.1, с.216).

9) В 1863 г. кадирийский тарикат, руководимый на Северо-восточном Кавказе шейхом Кунта-хаджи, стал явным образом принимать вид «тайного управления» Чечней, существующего параллельно с русским управлением. «Приказания» тысячам людей «раздавались наибам» названного шейха и его *вакилями*. Вся страну чеченцев покрыла теперь как бы «крепкая сеть» из наибств, стоящих вне имперской административной машины, и из многочисленных *старишинств*, и как следствие: «тайные убийства» российских «солдат и казаков» учащались с каждым днем» все «более и более». В результате главнокомандующий Кавказской армии счел правильным охарактеризовать действия шейха Кунта-хаджи следующим образом: первоначально они «не заключали в себе ничего вредного», ибо шейх «убеждал народ в необходимости» регулярной и своевременной «молитвы, труда, взаимной помощи», но со временем все это приобрело «политический характер», послужило средством «к соединению мусульман-

ского населения» Чечни «в одно органическое целое», причем с «целью ниспровержения власти Российской империи».

С того же 1863 г. стали официально отмечать, что приверженцы шейха Кунта-хаджи в количественном отношении значительно умножились, «сборы их стали чаще и многочисленнее», а руководитель их «политический преступник», которого, после долгих раздумий, было сочтено целесообразным арестовать за антихристианские призывы, что и произошло 3-го января 1864 г. Вскоре, 6-го января того же года, шейх Кунта-хаджи, чье ученье «служит лучшим средством народного соединения», был переправлен русскими во Владикавказ, откуда его сослали затем в г. Устюжна нынешней Вологодской губернии, ибо этот «обаятельный» человек «опасен в смысле политическом» (см. Акаев. Кунта-хаджи, с.36-46, 59-68; Гасанов. Борьба, с.47, 48; Эсадзе. Записка, т.1, с.216: «ученье» шейха Кунта имело «целью возбудить в народе стремление к ниспровержению русской власти»).

10) В связи с обложением подымной податью населения Верхнего Кайтага и последовавшим за этим изменением системы управления названной территорией – созданием наибств, и переносом окружного управления в «священное место» Маджалис, а также – распространением слуха о предстоящем изъятии оружия, кайтагцы заволновались. В самом начале июля 1866 г. эти кайтагцы, - каракайтагцы, шуркантцы, каттаганцы, ирчамульцы и ицаринцы, а также небольшое количество харбукцев и табасаранцев (прежде всего гасикцы), собрались с оружием в руках в ночное время в сел. Мижигли нынешнего Кайтагского района. Считая, что им необходимо сейчас «показать» имперской администрации «свою силу» и через это восстановить старые порядки, вооруженные кайтагцы подошли к Маджалису 4-го июля 1866 г. и открыли там стрельбу. Объектом же этого действия со стороны кайтагцев были тогда, в дни их восстания против царизма, как мусульмане (маджалисцы и милиционеры), так и русские солдаты. Войти в Маджалис, следует здесь отметить, кайтагские повстанцы в 1866 г. так и не смогли (см. Козубский. История полка, с.229; Магомедов. Восстание с.26; История Дагестана, т.11, с.147; История Северного Кавказа, с.259, 260; Гасанов. Борьба, с.51, 52; Эсадзе. Записка, т.1, с.243, 244, 249, 250; Магомеддаев. Эмиграция, с.69-73).

11) По русским источникам ген.-л. Меликов собрал против кайтагцев весьма значительную силу – более 4-х батальонов солдат с артиллерией и не менее 4500 милиционеров, созданных со всего Дагестана. Кайтагцы, однако, не испугались его и продолжали вооруженное сопротивление режиму – стрельбу по царским войскам, – вплоть до 8-го (до 10-го?) июля 1866 г.

Из числа кайтагцев были публично повешены 25-го июля три человека, которых власти посчитали главными в том деле руководителями. Далее, порядка 200 чел. было выселено из Кайтага во внутренние губернии России, а сел. Шилаги – как известное «с давних времен своим мятежным духом» – было подвергнуто разрушению генералом М.Г. Джемарджидзе, что произошло 4-го августа 1866 г. (см. История Дагестана, т. II, с. 148, 149; Гасанов. Борьба, с. 52; Магомеддаев. Эмиграция, с. 72; КК на 1869 год, с. 112; Козубский. История полка, с. 229-231, VIII – 55, 56).

В связи с участием части табасаранцев в Кайтагском восстании 1866 г. Меликов отправил ген.-м. Джемарджидзе с двумя батальонами, артиллерией и милицией в табасаранские горы, «жители которых, отличаясь фанатичностью, обнаружили большое сочувствие кайтагскому возмущению, а некоторые из них, – а именно гасикцы, – принимали непосредственное участие в самом восстании». Отряд генерала прибыл поэтому в Гасик – 18-го августа 1866 г., не встретив при этом по дороге какого-либо сопротивления со стороны населения, а 19-го числа в русский лагерь явились безоружные гасикцы, правда, с кинжалами на поясах. Когда же, однако, Михаил Григорьевич Джемарджидзе попытался было арестовать примерно трех человек, признаваемых за шейхов, которых царские власти посчитали тогда за «главных виновников» участия населения Гасика в Кайтагском восстании 1866 г., все находившиеся на тот момент в русском лагере гасикцы, во главе с шейхом Каримом Гасикским, «выхватив кинжалы, на виду у всего отряда» царской армии, «с отчаянием и ожесточением бросились» на генерала Джемарджидзе и «его свиту». В возникшей, таким образом, «рукопашной схватке и свалке» генерал этот и еще несколько человек с его стороны, получили раны, три солдата и два милиционера были убиты, но в свою очередь генеральский конвой перебил порядка якобы 30 чел. из числа нападавших. Царская администрация отдала после того приказ о разрушении сел. Гасик, причем земля и все имущество его жителей были конфискованы в пользу казны, а вынужденные – произошло это позднее, уже в разгар зимних холодов, – выйти из лесов (не имея-де поддержки со стороны остального населения Табасарана) и сдать эту администрацию гасикцы высланы были из Дагестана. Часть их, следует отметить, попала тогда в конечном счете в Сибирь, а часть – во внутренние губернии России (см. Гасанов. Борьба, с. 52, 53; Козубский. История полка, с. 230; Магомеддаев. Эмиграция, с. 72, 73; КК на 1867 год. Тифлис, 1866, с. 113).

12) Поговорку можно понять двояко: или же автор хочет сказать, что вместе с лицами, подвергшимися ранее сильным «лишениям» со стороны царского режима, втянулись в восстание 1877 г. и те, кто не подвергались этому, или же – что вместе с виновными в участии в том восстании подвергались каре, со стороны властей, и не виновные.

13) Легендарный шах, имевший во всем неудачу.

14) Букв. «сколько гордо гуляющих *беков* и *офицеров* сразу упало в прах презрения». Необходимо заметить, что в момент восстания автор, то есть Хасан-эфенди Алкадарский, тоже был офицером и служил наибом в Южном Табасаране, и что когда восставшее население его участка потребовало от него на митинге отказаться от русской службы и примкнуть к восстанию, то и он (в качестве «сырого полена») воспламенился общим огнем возмущения и, сорвав с себя погоны, бросил их прочь. Кажется, только в этом и выразилось его участие в восстании, за каковое он был потом сослан на поселение в Россию. Впрочем «Аллах лучше знает».

15) Город в Армении, который мы знаем как Леникан. при царизме – Александрополь.

16) По материалам Р.М. Магомедова, население Сюргинского участка принимало участие в восстании 1877 г. и имело тогда двух лидеров: Мухаммада – сына Бахмуда и Зухум-хаджи, сына Закарии (см. Магомедов. Восстание, с.45, 46; История Дагестана, т. II, с.153).

17) Речь идет о территории бывшего уцмнйства Кайтагского. О том, что население его принимало активнейшее участие в восстании 1877 г., известно и из русских источников (см. Магомедов. Восстание, с.48; История Дагестана, т. II, с.155; История Северного Кавказа, с.290; Гасанов. Борьба, с.74).

18) Об этом см. текст II, прим № 151, 152.

19) Букв. «впал в ошибку, видя опасность».

20) В русских источниках он фигурирует как прапорщик Умалат-бек Рустамкадиев (см. Богуславский. История полка, т. II, с.478), принадлежавший, надо полагать, к роду *кадиев-эмиров* Северного Табасарана. Этот Умалат-бек был избран повстанцами вождем северо-табасаранцев 26-го (14-го) сентября 1877 г. и сразу же приступил к формированию из них вооруженного ополчения: с каждого двора он стал брать по одному человеку. Кончил Умалат жизнь свою тем, что убили его, не позднее 25-го (13-го) ноября 1877 г., в сел. Ханаг (Табасаранский район) свои же «приближенные» (см. Богуславский. История полка, т. II, с.478, 497; Магомедов. Восстание, с.48, 57; Гасанов. Борьба, с.75, 81; текст V, 2).

21) Волновавшиеся и ранее кюринские лезгины, «даже местные жители, служившие в окружном управлении», открыто восстали 24-го (12-го) сентября. Они сбросили с себя власть администрации, назначенной царизмом, и двинулись с пением религиозных гимнов навстречу казикумухам, которые, по слухам, шли тогда к ним с курахского направления (см. Богуславский. История полка, т. II, с.478; Гасанов. Борьба, с.74, 75).

22) Член ханского рода, восходящего к Сурхай-хану I Казикумухскому; этот штабс-капитан Мухаммадали являлся, по сообщениям русских

текстов, сыном Харун-бека (ум. в 1848 г.), сына Тахир-бека, сына Шахмардана Кюринского (ум. в 1788 г.) Вождем кюринцев он был провозглашен 28-го (16-го) сентября 1877 г., но затем сдался генералу Комарову, заявившись в Дербент с «повинной» то ли 12-го ноября (31-го октября), то ли 14-го (2-го) ноября, вместе «с несколькими главными виновниками» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 479, 496; **Хашаев**. Общественный строй, с. 72; **Гасанов**. Борьба, с. 74, 75, 81).

23) Этот Аслан-бек Ружникский («Руджинский») был, надо полагать, членом майсумского рода. Он сдался генералу Комарову 15-го (3-го) ноября (см. **Богуславский**. История, т. 2, с. 478, 496; **Магомедов**. Восстание, с. 56; **Гасанов**. Борьба, с. 81), что облегчило его судьбу (см. текст V, 2).

24) Волнения в Ахтынском участке, происходившие еще в сентябре 1877 г., переросли 13-го (1-го) октября в «открытое восстание» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 491; **Козубский**. История полка, с. 238; **Магомедов**. Восстание, с. 55; **Ахмедов Д.** Первый и последний хан Ахтынский. – жур. «Ахульго», №2, Махачкала, 1992, с. 53).

Не безынтересно, что русские характеризовали население южной зоны Дагестана как «не воинственное», за исключением кайтагцев и самурских лезгин (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 477).

25) Ахтынец, офицер; согласно русским источникам, этот Газиахмат (по-лезгински *Къазиагъмет*), сын Хаджи, верховодил в Ахта с 13-го (1-го) октября до второй половины ноября 1877 г., после чего он ушел в Согратль к имаму Мухаммаду-хаджи (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 491, 496; **Ахмедов**. Хан Ахтынский, с. 53-55; **Гасанов**. Борьба, с. 81).

26) В русских источниках также говорится об этом, причем из них выясняется, что поход Газиахмата был предпринят в сторону лезгинских территорий, прилегающих к правому берегу Самура, которые входили тогда в состав Кубинского уезда (см. **Богуславский**. Указ. раб., т. II, с. 491, 493, 496; **Магомедов**. Восстание, с. 52, 56; **Ахмедов**. Хан Ахтынский, с. 54).

27) Согласно русским источникам, территория Кюринского округа находилась в руках повстанцев порядка 40 дней (см. №21, 22).

28) Как известно, законы революционной и иной антигосударственной борьбы, когда она пошла в открытой форме, требуют – на начальных этапах – привлечения в ряды противников режима, причем обязательно на первые роли, представителей уголовного мира, как людей относительно решительных и не связанных тесно с прежним правящим классом.

29) Букв. «Афат и Шахнамаз в списке правительственных служащих, стали начальниками канцелярии».

От старика – Хасана Алкадарского, – мы не можем ожидать тут объективной передачи фактов. Вероятно, оба эти лица – Афат и Шахнамаз, – завладели помещением окружного управления и суда, и хозяйничали там

над делами и книгами, совершенно не выполняя при том никаких функций революционной власти.

30) Речь идет, вероятно, о г. Куба, где имелись укрепления и солидный гарнизон.

Так, известно, что «чины» Кюринского окружного управления, в связи с восстанием народа против царизма, выехали 25-го (13-го) сентября в г. Кубу. Двумя же днями раньше был покинут Маджалис – административный центр Кайтаго-Табасаранского округа и служилый элемент, находившийся там, перебрался в Дербент, что имело место 24-го (12-го) сентября (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 478; **Магомедов**. Восстание, с. 48).

31) В русских источниках отмечается, что во второй половине сентября 1877 г. христианское население Дербента, в связи с опасностью, угрожавшей ему со стороны повстанцев, отправило свои семейства в Астрахань и Кубу (см. **Богуславский**. Указ. раб., т. II, с. 479).

32) Часть именитых чохцев участвовала в восстании 1877 г. (см. **Богуславский**. Указ. раб., т. II, с. 492; II, прим. № 85).

33) Об этом см. II, 13, 16.

34) Повешен в Дербенте решением военно-полевого суда (см. **Ахмедов**. Хан Ахтынский. с. 55).

35) Комаров, находясь в Башлах, 10 ноября (29-го октября) объявил башлыдцам, что «за вторичную измену» Империи «селение их уничтожится навсегда» и, как следствие, на башлыцких землях, вместо одного большого населенного пункта – «города» Башлы, будет создано четыре населенных пункта средней величины (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 495; **Магомедов**. Восстание, с. 56; История Дагестана, т. II, с. 159; **Гасанов**. Борьба, с. 80).

36) Отряд ген. Комарова, состоявший из солдат, артиллерии и примерно 500 милиционеров-дагестанцев, подошел к Дюбеку 5-го ноября (24-го октября) и после боя, в котором во главе «мятежников» стоял Умалатбек, захватил названное селение на следующий день. Дюбек был тут разорен и сожжен (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 493, 494; **Козубский**. История полка, с. 239; **Магомедов**. Восстание, с. 56; История Дагестана, т. II, с. 159; **Гасанов**. Борьба, с. 80).

Что касается Янгикента, то бои за него начались 15-го (3-го) октября 1877 г., причём следует отметить, что в названном населённом пункте стояли тогда казикумухцы во главе с Джафаром и ещё, видимо, даргинцы и кайтагцы, а местные ираноязычные евреи – прятались в соседних лесах. Главным опорным пунктом «мятежников» являлся, согласно русским источникам, янгикентский замок Махди-бека, построенный в основном из камня и самана, защитниками которого были прежде всего казикумухцы.

Наконец, 17-го (5-го) числа Комаров, после долговременной артиллерийской стрельбы и организации пожаров в целом ряде мест, взял это селение, причем в плен попал тогда раненым «пятисотенный начальник» повстанческой армии Вача-хаджи, сын Муса-Али (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 489-491; **Козубский**. История полка, с. 238; **Магомедов**. Восстание, с. 54, 55; **Гасанов**. Борьба, с. 79, 80).

37) Махди, как известно, был ранен во время задержания и вскоре умер своей смертью (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 496; **Магомедов**. Восстание, с. 56; **Гасанов**. Борьба, с. 81), что же касается Умалата, то о нём см. прим. 20 (III).

38) Боязнь полицейской цензуры видна и без признания автора - Хасана Алкадарского – и притом не только в этом письме, но и во всей его книге, как только речь заходит в ней о царе, его наместниках, губернаторах и прочих властях.

39) Псевдоним Хасана Алкадарского.

40) Арабская поговорка, возникшая на исторической почве. Употребляется она для выражения бесполезности запоздалой помощи, а также в смысле русской пословицы «снявши голову, по волосам не плачут».

IV

1) Речь идет об имаме Мухаммад-хаджи Согратлинском.

2) Черкесов, а точнее – кабардинцев, обозначают в аварской поэзии в качестве людей, носивших и, соответственно, ценивших красивое, дорогое оружие, и красивую, дорогую одежду, а также – как синоним понятия *статность*, *изящество* (см. **Сандов**. АРС, с. 573).

3) Подразумевается наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич.

4) О том, что определенное количество милиционеров из числа дагестанцев отказалось в 1877 г. сражаться против воинов имама Мухаммада-хаджи, а часть их даже вступила в ряды последних, сообщается как в русских, так и в местных источниках (см. **Козубский**. История полка, с. 233, 243; **Богуславский**. История полка, т. II, с. 502, 503).

5) Сотрудники Дагестанского «народного» суда; часть их, как известно, в ходе событий 1877 г. перешла открыто на сторону имама Мухаммада-хаджи (см. II, прим. № 87-89).

6) Речь идет о горной части нашей Республики, хотя и не исключено, что здесь имеет место просто поэтический штамп, восходящий к горским песням эпохи походов Надир-шаха в Дагестан.

7) Речь идет об издевательствах.

8) Разновидность милиции тех времен; формировалась она из местного населения (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 474 и др.).

9) Известно, что отряды, сформированные на территории нынешнего Тляратинского района, где проживают томуральцы, находились в 1877 г. в лагере имама, в Анада (см. текст VII).

10) Акушинец, известный храбрец, сторонник имама Мухаммада-хаджи, любимец разноязычного населения Даргинского округа и прилегающих территорий (о нём см. текст II, прим. № 114).

V

1. Хасан-эфенди Алкадарский.

2. Житель лезгинского сел. Капир; предок по женской линии Гаджимета Сафаралиева, депутата Государственной думы РФ.

3. Арабист из лезгинского сел. Юхари-Стал.

4. Ахтынец, о нём см. текст III, прим. № 25.

5. В лезгинском тексте данного стихотворения упоминается ещё известный Газанфар Зульфугаров из сел. Мамрач, сотрудник П. К. Услара, а также некий Рамазан.

6. По-видимому, Мухаммадали – сын Харун-бека. О нём см. текст III, прим. № 22.

7. О нём см. III, прим. № 20.

8. О нём см. III, прим. № 23.

9. О нём см. II, прим. № 151, 152.

10. См. выше: V, № 2.

11. Легендарный исцелитель.

12. В лезгинском тексте данного стихотворения упоминаются также Абдурахман Согратлинский и вышеназванный (V, № 3) Шихбуба-хаджи.

13. Родом из сел. Мамрач; друг Етим Эмина.

14. Легендарный персонаж, араб.

VI

1. У Тахо-Годи: *Хасаниль Мухаммад*; из письма № 7 выясняется, что этот наиб был гоцатлинцем.

2. Не исключено, что в данном письме речь идёт о Карадахской крепости.

3. Соответствует 16-му сентября 1877 г.

4. Подразумевается Ника-кади; *ник'ла* – «маленький»; на цудахарском диалекте дарг. яз. О нём см. II, прим. 114.

5. Эти события имели место 19-20-го сентября 1877 г. (см. II, прим. № 106-108).

6. Об этом см. текст II, прим. № 68, 131.

7. Соответствует 27-му сентября 1877 г.

О лицах, упомянутых в этом письме см. II, прим. № 103, 114, 116; Абдуллаев. Вопросы истории, с.131.

8. Соответствует 7-му октября 1877 г.

Отправителем письма является, может быть, известный Давудилав (в переводе с аварского «Давудович») – отец Мухаммадфазиль-паши, крупного турецкого военачальника 2-й половины XIX- начала XX вв.

9. Соответствует 10-му октября 1877 г.

Об отце отправителя письма см. II, 2; мы здесь, правда, не исключаем, что цунтинского наиба звали Кара-хаджи, сын Мухаммада.

10. Соответствует 12-му октября 1877 г.

Об отправителе см. письмо № 18.

11. О нём см. II, прим. № 87.

12. Соответствует 19-му октября 1877 г.

В тексте адреса этого письма написано: «...учёных кодориев и от всего...»; не исключено, что слово «кодории» являет собой искажение от «кадии», правда, в значении «муллы».

13. О нём см. II, прим. № 41.

14. Соответствует 24-му октября 1877 г.

Адресатом письма является, по-видимому, известный Хаджиали *Нахибашизулав* (Нахибашев) – автор «Сказания очевидца о Шамиле», который был в 50-е годы начальником секретной службы у имама Шамиля, а в 60-70 годы XIX в. служил в Темир-Хан-Шуре, в областном «народном» суде (см. КК на 1862 год, с.399). Об отправителе же этого письма см. здесь (VI), письма № 1, 10, 14, 15.

15. Соответствует 26-му октября 1877 г.

Адресатом этого письма является *вакиль* имама на цудахарско-левашинском оперативном направлении известный как «Алиль Мухаммад»; о нём см. II, прим. № 133.

16. Об этом знатном казикамухце см. II, прим. № 102.

17. Возможно, именно эта ситуация освещается в тексте VII.

18. Это, скорее всего Арсений Иванович Бебутов-Бебутян, начальник Темир-Хан-Шуринского округа (см. КК на 1877 год, с.147; **Бебутовы**. – в кн. **Брокгауз, Ефрон**. Словарь, т. III, СПб., 1891, с.253, 254).

19. Соответствует 26-му октября 1877 г.

Об отправителе см. письмо №8, 19.

20. Об этом человеке см. здесь же, письма № 1, 7, 14.

21. Соответствует 28-му октября 1877 г.

22. Об этом см. здесь же, письмо № 33.

23. Об этом см. II, 11.

24. Возможно, что это был член кадийского рода Акуши, в котором встречалось данное имя собственное (см. **Алиев Б.Г.** Кадии Акушинские. – Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986, с.168).

25. Соответствует 30-му октября 1877 г.

26. У Тахо-Годи: *крепость Корода*.

Карадах (*Къарадахъ* – «рядом с Корода», с авар.) – местность лежащая у входа в ущелье, ведущее к сел. Корода, где российскими властями была построена крепость.

Об отправителе см. письмо № 13.

27. Возможно, что здесь речь идёт об известном Закарии, сыне Муртазаали, происходившем из чохского тухума Нахибашевых (*Нахибашат*); в 60-70 годы XIX в. этот Закария являлся царским наибом в разных частях горного Аваристана (см. КК на 1869 год, с.133; КК на 1871 год, с.154; КК на 1879 год, с.115).

28. Можно полагать, что здесь речь идёт о влиятельном деятеле предыдущего Имамата, известном как Саид Игалинский – сподвижнике имама Хамзата и имама Шамиля (см. **Гаммер**. Шамиль, с.119).

Сын его назван у Тахо-Годи: «Сагидиль Магома» (*Сагидил Махлама*).

29. У Тахо-Годи: *Алим Гаджи*.

А не может ли это быть знаменитый аварский поэт 2-й пол. XIX в. ?

30. Не исключено, что это известный Хаджиали Чохский или же Хаджиали Салтинский; см. здесь же, письмо № 7 и II, 4.

31. Данная фраза позволяет полагать, что письмо №12 датировать следует приблизительно серединой сентября 1877 г., то есть временем, когда российская администрация на Восточном Кавказе находилась в состоянии растерянности и ещё не имела под рукой более или менее крупных сил.

32. О нём см. письмо № 12.

33. О нём см. письма № 1, 7, 10, 15; у Тахо-Годи: *Шваниль Магомет*.

34. У Тахо-Годи: *Карадаг* (авар. *Къарадахъ* – «близ Корода»).

35. Чит. *Бец* кьуруль «В тёмной скале», с авар.

36. Речь идёт, вероятно, о той части Гунибского плато, которая при-
мыкает к кородинским землям.

37. У Тахо-Годи: *Карадаг*.

Об отправителе см. письма №1, 7, 10, 14.

38. Об этом см. VII.

39. Судя по содержанию, можно предположить, что это письмо написано либо в первых числах месяца октября, либо между 24-26-м (12-16-м) октября 1877 г. (см. Гасанов. Борьба, с.77, 81, 82).

40. Об этом см. VII.

41. Об этом отправителе см. здесь же, письмо № 5; у Тахо-Годи: *Али Галилав*.

42. Скорее всего это аварское слово; его вторая часть *бек* – «ломатель» (?).

43. Об отправителе см. здесь же, письма № 8, 9.

44. О такой позиции ряда деятелей Имамата 1877 года в отношении ненадёжного элемента см. здесь же, письма № 9, 37.

45. Об этом походе см. II, 10 и VII.

46. О нём и Джафаре см. здесь же, письма № 2, 9.

47. Судя по содержанию, письмо № 21 следует датировать временем в пределах октября 1877 г.

48. Русский офицер, казикамухец, вроде бы из клана Качаевых, сын Мирза-Закарии (о нём см. Материалы к биографии и творчеству Гасана Алкадари. – в кн. Наследие Алкадари, с.141).

49. Первый из отправителей данного письма – «Баар-Месед» (*Bağlar-Mesed* – «Золотце красное», с авар.), сын Мухаммада, являлся в начале 70-х годов XIX в. служащим Гунибского окружного «народного» суда. К 1877 г. он получил должность наиба Анцухо-Капучинского участка (см. КК на 1872 год, с.159; КК на 1877 год, с.142; о нём см. также письмо № 24).

50. По-видимому, это мудир Абдулла из карахского сел. Цулда, который командовал на каратинско-ботлихском оперативном направлении; о нём см. здесь же, письмо № 6.

51. Судя по контексту, данное письмо написано до 2-го октября 1877 г., ибо в тот день, согласно русским данным, каратинцы влились в ряды сторонников имама, хотя может быть и в небольшом количестве; такая вроде бы робкая, а точнее – нерешительная, позиция обычно воинственных каратинцев объясняется, вероятно, тем, что в начале 1876 г. среди них были проведены князем Чавчавадзе Н. З. репрессии (7 человек отправлены в бессрочную ссылку во внутренние губернии России, 10 чел. – сосланы туда же на 5 лет, 12 чел. – посажены на год в темир-хан-шуринскую тюрьму «с содержанием на собственные средства») за участие в заговоре против Империи, в ходе которого мыслилось «уничтожение представителей русской власти в Дагестане и Чечне», организованного юнкером Газиявом Арчоевским (см. Гасанов. Борьба, с.57-59, 77).

Об отправителе см. здесь же, письмо № 23.

52. Касательно содержания данного послания см. здесь же, письмо № 24.

53. Не исключено, что это известный Джавадхан из Телетля: о нём см. II, 15 и VII.

54. Можно предположить, что это письмо написано после 2-го октября, когда Каратинский участок, как указывают русские, встал на сторону имама (см. Гасанов. Борьба, с.77).

55. Речь идёт либо о начальнике Аварского округа, либо о наибе участка с центром в Хунзахе, который, как известно, называли по-тюркски *Авар* (см. Айтберов. Древний Хунзах, с.18).

56. У Тахо-Годи: *Шара*.

57. Об этом см. VII; письмо № 27 датируется, в свете данных русских источников, концом октября 1877 г. (см. Гасанов. Борьба, с.81, 82).

58. Во время Кавказской войны и, думается, в более ранние времена сел. Могох нынешнего Гергебильского района являлось одним из центров по изготовлению пороха в горном Аваристане. Остатки мастерской по изготовлению пороха, работавшей во времена Шамиля, сохранились там по сей день.

59. Мера объёма и веса; в аварских горах это было примерно 2,5 кг (см. Саидов. АРС, с.399; Материалы по метрологии народов Дагестана. – Вопросы истории Дагестана: досоветский период. Т.1. Махачкала, 1974, с.174-178).

60. У Тахо-Годи: *Гуниб*.

61. Об этом см. VII.

62. Об этом см. VII.

63. Это письмо написано примерно одновременно с письмами № 27, 30, 32.

Об отправителе данного послания – наибе Хамзате см. письма № 27, 28.

64. Судя по контексту, это письмо написано примерно в одно время с письмами № 27, 30, 31.

Отправитель письма назван у Тахо-Годи старшиной селения «Ассык».

Об адресате см. письма № 6, 11, 24, 27, 30.

65. Знаменитый чеченский вождь; о нём см. II, 1, 3, 15.

66. Об этом см. здесь же, письмо № 11.

Касательно Абдулхалима см. II, 16; VII; что же касается Абдуллы-хаджи, то его можно отождествить с Абдуллой-хаджи Согратлинским, который, вместе с Абдулхалимом, был повешен царскими властями в местности Салануб (см. Там же).

67. По-видимому, это чохинец Закария Нахибашев; о нём см. здесь же, прим. № 27.

68. Речь идёт, думается о ген. Меликове, носившем, как известно, титул «князь».

69. Содержание данного послания даёт основания полагать, что оно написано, скорее всего, 20-21-го (8-9-го) октября 1877 г. (см. Гасанов. Борьба, с.83, 84).

70. Об отправителе этого письма см. здесь же, письмо № 36; 20-21-е октября -?

71. О нём см. здесь же, письма № 12, 34; 20-21-е октября -?

72. Из содержания письма видно, что датировать его следует концом октября, временем, предшествующим началу русских атак на Цудахар (см. Гасанов. Борьба, с.84, 85, 97).

73. Адресатом здесь является турецкий султан Абдулхамид II.

74. Речь идёт, по-видимому, о событиях, имевших место, одно время, на фронтах русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

VII

1. Об этом см. текст II, прим. № 12.

2. В «Диван ал-Мамнун» Хасана Алкадарского названы следующие четыре имени: Аббас, Тинав-вас, Усман-хаджияв – сын Давуда, Микидж-Али (см. Хашаев. Общественный строй, с.71; Абдуллаев. Вопросы истории Дагестана, с.131), причём первого из них он характеризует как чеченца, находившегося на османской службе в звании якобы *паши*, то есть генерала; второго – как дагестанца, который иммигрировал ранее в пределы Османской империи; двух же последних – как закатальцев (см. Алкадари. Диван, с.112). Здесь, однако, следует отметить, что другие источники дают по данному поводу иную информацию. Так, Аббаса они называют то анцухцем, то ансалтинцем, то есть в любом случае аварцем по этнической принадлежности; Тинав-васа – гоцатлинцем (*Gumtinavas* – вариант произношения имени *Tinav-vas* «Маленький мальчик», с авар.); Усман-хаджиява – араканцем; (см. текст II, 16, прим. № 213; VI, письмо № 2; Богуславский. История полка, т. II, с.472). Что же касается Микидж-Али, то не исключено, что он был действительно закатальцем.

3. Насколько известно, российские спецслужбы не смогли увидеть названные письма, а они-то уж, несомненно, охотились за ними всеми доступными путями. Потому нельзя исключать, что упоминаемые в тексте VII, да и в других источниках, письма-призывы Газимухаммада являются на деле плодом вымысла дагестанцев и чеченцев, озабоченных самосохранением после подавления «смуты» 1877 г.

4. Согласно салтинским преданиям, организатором нападения на Железный мост был Хаджалили-хаджияв, сын шамилёвского наиба Умардибира (см. Саидов. Салта, с.80; относительно наиба Умара Салтинского – участника знаменитой защиты крепости Салта в 1847 г. и руководителя похода в направлении Кайтаг-Табасарана в 1851 г. Абдурахман Казикумухский написал: должность наиба Умар получил от Шамиля благодаря своему красноречию, хотя он «не отличался особой храбростью, но и не был подлым трусом» – см. Абдурахман. Книга, с.62, 195, 196).

5. См. II, 4.

6. В Дагестане об этом тарикатском шейхе помнили ещё в 1-й половине XX в. (*Киклюниса Мухаммад-хаджи Глусманшав*), знали также, что он находился в ссылке в Саратове – по подозрению в подготовке вооружённого восстания против царизма, – и затем бежал оттуда в пределы Османской империи (см. Гайдарбеков М. Абдулатип Гоцинский. – жур. «Ахульго», № 3, с.44, 45).

7. В некоторых научных трудах утверждается, причем на полном серьёзе, что захват Георгиевского-Железного моста дагестанцами произошёл по следующей-де причине: незадолго до 9-го сентября 1877 г. на отряд царских войск, стоявший на территории горного Аваристана, наткнулись случайно 4 мужчины и 3 женщины, которые шли из Гергебиля и Хвартикунни на хунзахский базар; солдаты-де избили этих мужчин до смерти, а женщин, надо полагать, изнасиловали; после этого гергебильцы, кикунинцы, хвартикунинцы, дарада-мурадинцы и салтинцы решили-де отомстить Российскому государству, для чего-де напали они на мост-крепость и перебили большинство охранявших его солдат (см. История Дагестана, т.II, с.152).

8. Отмеченная часть текста VII наводит на мысль, что открытый выход имама Мухаммада-хаджи и его окружения на арену борьбы с Российской империей произошёл, скорее всего, в пределах 12-13-го сентября.

9. См. II, 4, 5.

Здесь мы видим, что и в Дагестане повстанцы ставили себе не «политическую» задачу отделения от России, а простую, нужную для их жизни задачу восстановления шариатских порядков на территории Дагестана. Дело в том, что шариат укреплял горцев в морально-духовном и физическом плане, вёл к уменьшению уголовных преступлений в их среде, помогал повышению материального благосостояния через недопущение не нужных затрат, навязываемых мусульманам со стороны и т.д.

10. См. II, 5.

11. Шариатский термин с примерным значением «христиане и иудеи, признающие власть мусульманского государства». В разбираемом же здесь тексте (VII) речь идёт просто о лицах русской национальности.

12. См. II, 5.

13. См. II, 5.

14. Здесь нельзя не обратить внимания на один пока ещё не совсем понятный момент: с одной стороны в отдельных местных источниках выражается как бы недоверие со стороны повстанцев по отношению к ругуджинцам (см., например, текст VI, письма № 11, 33), а с другой – ставка имама Мухаммада-хаджи Согратлинского, именуемая *Анада*, располагалась на земле Ругуджинской общины.

15. См. II, 5.

Разбираемый источник (VII) датирует вступление гидатлинцев, карахцев, мукратлинцев и тленсерухцев в ряды повстанцев, как можно понять, 13-16-м сентября.

16. См. II, 4, 5.

Судя по всему выбор *имам* – «хранителя религии и управителя мирскими делами» – и последующее назначение военачальников прошли 9-го сентября 1877 г., причём согласно шафийитской концепции имамата, на тайном заседании *шур*ы – совета *алимов*-учёных и особо авторитетных лиц, представляющих мусульманскую общину (об этом см. Ислам: энциклопедический словарь, с.97); 10-го числа с этим решением были ознакомлены жители Согратля, которые тут присягнули имаму и повязали свои папахи чалмами трёх цветов в знак того, что они признают его власть; затем данный акт был повторен в торжественной обстановке всеми теми, кто собрались на Анада – в качестве борцов за веру, решивших войти в состав Имамата.

17. В русских источниках отмечается, что ещё в 1-й половине июня 1877 г., когда восстало против царизма Дидойское общество, то расположенное по соседству с последним Анцухо-Капучинское «общество», считавшееся частью «Семиземелья» (*Анкь-ракь*), также проявило свои «враждебные замыслы» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с.476), а 20-го (8-го) сентября произошло выступление против колониальной власти в сел. Бежта – центре капучинского племени (см. **Козубский**. История полка, с.233).

18. Этот сын гонодинца Чупана – потомка выходцев из рода шамхалов Казикумуха (об этом см. **Шихсаидов и др.** Исторические сочинения, с.188; Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-западного Кавказа в 40-60-х гг. XIX века: сборник документов и материалов. Махачкала, 1998, с.208, 209) – был в 1877 г. наибом Хунзахского участка Аварского округа (см. КК на 1877 год, с.149).

19. Не исключено, что здесь речь идёт о том же самом походе, который выше обозначен как поход телетлинских «юношей» против *зиммиев*,

работающих по строительству – на берегах реки, протекающей перед селением голотлинцев.

20. Речь идёт о Л.М. Чембере, начальнике Округа (см. II, прим. № 105).

21. Подразумевается то обстоятельство, что от гарнизона не была принята капитуляция – в связи с отказом просить её вовремя, то есть тогда, когда осаждающие требовали от гарнизона этой капитуляции.

Как известно, старинное военное право многих народов, и в том числе русских, разрешает при названной в тексте VII ситуации, то есть при взятии крепости «силой», – при отказе осаждённых от своевременной сдачи, – поголовно избивать защитников и даже мирных людей, которые на тот момент прячутся в укреплениях. Из той же русской истории примеров этому масса; упомянуть здесь можно ну хотя бы взятие Казани Иваном Грозным.

22. Об этом см. Габиев С. Лаки, их прошлое и быт. – Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Вып. 36. Тифлис, 1906, с.92, 93.

Фай – шариятский термин, который в данном случае имеет, по-видимому, следующее значение: «добыча, захваченная от неверных-*кяфиров*, но не на поле боя». *Фай* не оставался в руках лишь того, кто его захватил, а делился – после извлечения пятины (*хумс*), – между всеми воинами, которые участвовали в деле (см. Ислам: энциклопедический словарь, с.248).

Фатаали-бека помнили и русские и дагестанцы ещё в начале XX в. Они считали тогда, что гибель его под Левашами по сути дела решила судьбу восстания 1877 г. (см. И. Гайдаров. Из моих воспоминаний о поездке по Дагестану. – в кн. Абдуллаев М.А. «Ибрагим-бек Гайдаров». Махачкала, 1999, с.315).

23. Автор хочет сказать, что Цудахар перешёл под власть имама Мухаммада-хаджи без более или менее заметного сопротивления со стороны его жителей, в связи с чем имущественные и иные права цудахарцев исламское войско не нарушало. Что же касается названного здесь войска, то следует отметить, что оно состояло в основной массе из представителей населения Казикумухского округа и находилось под командованием Фатаали-бека.

24. См. II, 7.

25. Это произошло вскоре после 9-го октября 1877 г. (см. II, 8, прим. № 131).

26. В русских материалах отмечается, что после восстановления царскими войсками своих позиций в Левашах ряд населённых пунктов Даргинского округа выразил, примерно с 29-го (17-го) сентября, раскаяние

в своей прежней проимамской позиции и объявил о покорности Империи, и лишь «только Акушинское» общество «сочувственно относилось» в то время «к мятежу». Мало того, в пределы названного «общества» вошла вскоре, а точнее – в начале октября, «партия мятежников», которая состояла «из казикумухцев», а частично – «из жителей Даргинского округа», присланных туда имамом Мухаммадом-хаджи для того, в первую очередь, чтобы царские офицеры не могли бы разыгрывать на Акушинских землях «этническую карту». 7-го числа названного месяца (25-го сентября) эта «партия», предводителем *амиром* которой, согласно местным текстам, являлся согражданин Алил Мухаммад, подошла к сел. Акуша и встала в окрестностях его – «заняв... хутора», с намерением «войти» в подходящее время в само названное «селение» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 498).

27. В русских источниках отмечается, что «мятежники», то есть бойцы, находившиеся под общим командованием Алил Мухаммада – *вакиля* на левашинском оперативном направлении, стояли на акушинских хуторах и при этом имели тогда «целью поднять против» царских властей «всё Акушинское общество» (см. Там же). В связи с этим они должны были, понятно, вести соответствующую агитационную работу, о чём и говорится в разбираемом тексте VII.

28. Это были дополнительные силы Имамата, прибывшие в Акушинскую зону с казикумухских земель. Позднее они пойдут в сторону Кайтаго-Табасарана и Кюры.

29. В самом начале октября из Левашей был выдвинут в цудахарском направлении отряд Высоцкого, состоявший из батальона и двух рот солдат, а так же – из 200 милиционеров-дагестанцев и 4-х пушек. Затем, после прибытия в окрестности сел. Акуша воинов *вакиля* Алил Мухаммада, на соединение с названным отрядом императорской армии выступил на рассвете 8-го октября (26-го сентября) 1877 г. князь Накашидзе с батальоном солдат, «всей кавалерией», имевшейся на тот момент в Левашах, и с «двумя орудиями». Ещё до подхода к лагерю Высоцкого поступила к князю Накашидзе информация, что тот с одним батальоном, а также с милицией и пушками, которые имелись в его распоряжении, направился к сел. Акуша. Накашидзе отправил тут свой батальон с двумя пушками «форсированным маршем к Акуша», где «войска Высоцкого уже вступили в перестрелку с неприятелем», который в большинстве своём состоял из казикумухцев (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 498, 499; **Магомедов**. Восстание, с. 51; **Гасанов**. Борьба, с. 73).

30. Возможно, что это то самое место, которое русские именуют по-азербайджански *Дюз-майдан* «Ровная площадка» (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 498, 499).

31. В русских текстах утверждается, что батальоны, «действуя штыками» близ Акуша, добились там в начале определённого успеха, как, кстати, и кавалерия, которая «взяла 8 человек в плен», но после полудня, 8-го октября (26-го сентября), «большая партия мятежников, пеших и конных, числом более трёх тысяч человек», – видимо, с учётом акушинок, работавших на своих полях и малолетних детей (- авт.), – спустившись с акушинских высот, расположилась в конце концов у сел. Муги. Партия эта имела намерение, «пользуясь превосходством в силах», напасть на лагерь Высоцкого, который охраняли «только» 2 роты солдат, и в результате – «отрезать путь отступления» царским войскам, выдвинувшимся тогда к сел. Акуша. Князь Накашидзе приказал тут открыть по этим «мятежникам», по большей части, как уже говорилось, казикумухам, огонь из 6 орудий, в результате чего враги Империи потеряли якобы «более 100 человек, половина которых осталась на месте». Далее русские тексты XIX в. уже откровенно комкают изложение хода событий. Можно из них понять лишь следующее: 8-го октября было убито как минимум 8 солдат и ещё 14 чел. тяжело ранены; отряды Высоцкого и Накашидзе были вытеснены «мятежниками», то есть воинами имама, из-под Акуша в свой лагерь, сооружённый ранее на Дюз-майдане, откуда, после небольшого отдыха, они двинулись, а точнее – отступили, по направлению к Левашу; в левашинский лагерь Накашидзе и Высоцкий прибыли 10-го октября (28-го сентября) 1877 г. (см. **Богуславский**. История полка, т. II, с. 499).

32. Как известно акушинцы в 1877 г. выступили против царского режима первый раз ещё во 2-й половине сентября – под знамёнами Чарака (см. текст VI, письмо № 2), но после того как он и Фатаали-бек Казикумухский были разбиты близ Кутиша (в ущелье Хурхут), Акушинское «общество», как видно, отошло от Имамата (см. II, 7). Теперь же, однако – после того, как отряд вакиля Алил Мухаммада отразил 8-го октября батальоны и конницу, наступавшие на Акуша под командованием Высоцкого и Накашидзе, акушинцы опять повернулись лицом к имаму, но, как оказалось, не надолго. Уже 26-го октября вакиль писал своему имаму, что акушинцы «опять помирились с русскими» и они «воистину, не покорятся нам, если их не убивать, не грабить и не жечь их дома» (см. VI, письмо № 9).

33. См. II, 7.

34. Об этом Муртазаали – сыне Малламухаммада см. Далгат Э.М. Род Далгатов. – в жур. «Возрождение». №4. Махачкала, 1998, с. 50.

35. Об этом см. II, 8.

В Мекеги Алил Мухаммад – вакиль имама прибыл по приказу последнего, вскоре после 9-го октября 1877 г. (Там же).

36. См. II, 10, прим. № 164; **Козубский**. История полка, с. 238.

37. См. II, прим. № 151, 152.

38. В начале XIX в. в Кайтагском уцмийстве жил член правящего там рода по имени Ибак-бек, который являлся сыном Мирза-бека. В 20-е годы он оказал большие услуги русским войскам, за что генерал Ермолов предоставил ему «во владение деревню» Чумли «с пастбищами и выгонами», а также другие селения, правда, уже терекемейские. Умер этот Ибак-бек в 1826 г., после чего его главным наследником стал сын по имени Гатам-бек, имевший брата Далгат-бека, чей сын по имени Абдужалил-бек был выслан в Россию в 1879 г., вместе с Хасаном Алкадарским, в связи с восстанием 1877 г. (см. **Хашаев**. Феодальные отношения, с.235, 237, 238, 241; **Материалы к биографии Алкадари**, с.141).

Как известно из достоверных источников, Махди – участник восстания 1877 г. не принадлежал к числу потомков вышеназванного Ибак-бека, владельца Чумли. Мало того, последний активно помогал русским при изгнании из Кайтага в далёкие горы родного деда Махди-бека – известного в истории Адилхана-уцуми (см. II, прим. № 151, 152; **Хашаев**. Феодальные отношения, с.235, 238, 240). Вместе с тем следует отметить, что история уцмийского рода, веками управлявшего Кайтагом, несмотря на наличие солидных разработок (см. **Шихсаидов А.Р.** Материалы по хронологии кайтакских уцмиев. – Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986, с.135-146), остаётся всё ещё не достаточно изученной по ряду параметров. Поэтому-то и нельзя исключать здесь того, что ветвь уцмийского рода, к которой принадлежал Махди-бек, шла действительно из сел. Чумли, как говорит разбираемый текст (VII).

39. Об этом см. II, 10, прим. № 162; III, № 36; **Козубский**. История полка, с.238.

40. В связи с тем, что текст VII написан человеком, который проживал в аварских горах и там же, кстати, он пережил восстание 1877 г. и Имамат, то не следует удивляться тому, что тогдашние события, происходившие на территориях исторического Кайтага и Южного Дагестана, преподносятся им с некоторыми неточностями.

Об установлении системы управления и военного порядка см. II, 4.

Под «Кубой» в тексте VII подразумевается, возможно, территория бывшего Кубинского ханства, которая, как известно, включала в свой состав некоторые земли вошедшие во второй половине XIX в. в состав Дагестанской области.

41. Об этом см. II, 8.

Равнину, расположенную между Леваши и Волчьими воротами и именуемую тамошними аварцами «Дибка», аварское население Гунибского района называет «Дерка» (см. **Сандов**. Салта, с.13).

42. О нём см. II, прим. № 87; VI, письма № 6, 11, 24, 27, 30, 32.

Как следует из письма № 6 (текст VI) этот Абдулла Цулдинский, подобно соградинцу Алил Мухаммаду, числился в административной структуре Имамата 1877 г. в статусе *вакиля*; можно здесь предположить, что звание имамского *вакиля* носили и два других начальника направлений – «Пирил Рекав» (Нурмухаммад Согратлинский), которому было поручено койсубулинское направление, и Шахав Анцухский, «повелитель» на ахтынско-елисуйском направлении.

43. В русских источниках открытый переход тиндинцев на сторону имама Мухаммад-хаджи датируется 1-м октября (19-м сентября) 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с.50; **Гасанов**. Борьба, с.77), причём из местных документов, выясняется, что некий Курамухаммад-хаджи выступил против царских властей с оружием в руках ещё до прибытия в Тинди *вакиля* Абдуллы с его сопровождением. за что и был назначен тогда на должность *наиба* (см. текст VI, письма № 6, 16).

44. Можно предположить, что Карим был назначен *наибом* Гаквари и соседних ункратлинских селений, ибо имамы Северо-восточного Кавказа в своей административно-кадровой политике руководствовались интересами дела, а не племенным принципом.

45. По русским материалам багвалинцы, чьим ведущим селением считалось Хуштада, восстали против царизма 2-го октября (20-го сентября) 1877 г. (см. **Магомедов**. Восстание, с.50).

46. Зная старинные обычаи и выработанную ими злопамятную психологию дагестанцев особо мудрые и дальновидные дагестанские вожди старались не допускать убийств сынов Дагестана даже при самых серьёзных внутридагестанских «политических» столкновениях и практиковали вместо этого разорение недвижимого и движимого имущества враждебной им стороны.

47. Этот человек – сын шамилёвского *наиба* считался в эпоху Шамиля одним из особо талантливых и известных учеников-мутаалимов в столице Имамата - Дарго. В 70-е годы он служил царизму в должности «депутата» ункратлинского участкового суда (см. **Абдурахман**. Книга, с.95; КК на 1872 год, с.161).

48. В то время турецкая армия, сражавшаяся на Кавказском фронте, стояла ещё на территории Российской империи, куда она вошла в результате своего июльско-августовского контрнаступления (см. II, прим. 68, 131).

49. Как известно, ещё в армии имама Шамиля были введены «расцветки одежды» – для тех, кто состоят в частях «регулярного войска» (см. **Гаммер**. Шамиль, с.312).

50. См. II, 10, прим. № 87.

51. Эта должность была внедрена на территории Дагестана в рамках военно-административных реформ, которые проводил имам Шамиль. Значение её (от арабского *адара* – «вращать, крутить; управлять, руководить» – «руководитель стоящий над несколькими наибями»). См. Магомедов. Борьба горцев, с. 95; Гаммер. Шамиль, с.307.

52. Все описанные в тексте VII сношения вакиля Абдуллы с Дибирасулавом завершились, как нам кажется, в течение одного-двух дней.

53. Согласно русским источникам, чамалинцы вступили в ряды повстанцев 3-го октября (21-го сентября) 1877 г. (см. Магомедов. Восстание, с.50; Гасанов. Борьба, с.77).

54. Русские источники сообщают, что 6-го октября (24-го сентября) примерно 600 бойцов имама Мухаммад-хаджи двинулось – это были чамалинцы, багвалинцы, тиндинцы и гигатлинцы (?), – в направлении Ботлиха, чтобы соединиться там с чеченскими повстанцами, во главе которых стояли Алибек-хаджи и Умма-хаджи (см. Магомедов. Восстание, с.50).

55. В начале 70-х годов XIX в. этот Халакав (*Х1алакъав* в переводе с авар. «Худошавый, Тоший») служил в аппарате царской администрации в должности ункратлинского участкового письмоводителя-*мирзы* (см. КК на 1872 год, с.161).

56. Это событие отражено в русских и, думается, в местных источниках (см. Магомедов. Восстание, с.50; текст VI, письмо № 16).

57. Другие местные источники дают основания полагать, что названное сражение произошло 10-го октября 1877 г. (см. текст VI, письмо № 4).

58. Эта неудачная для воинов имама битва упоминается и в официальной переписке Имамата. Так, цунтинский наиб (Кара-хаджияв сын Мухаммада -?) сообщает, что в его отряде было «убито» тогда 80 бойцов, а кроме того «есть и раненые», но при всём том у царских войск, по его мнению, «потери больше этого». Затем он там же добавляет, что цунтинцы и «после таких потерь» духом «не упали, готовы и дальше драться до последней капли крови». Тиндинский же наиб Курамухаммад-хаджи и его окружение писали имаму по поводу того сражения, произошедшего при Годобери, что «цунтинцы потерпели большой урон от русских и больше не в состоянии оказывать помощь» тиндинцам (см. VI, письма № 4, 6; Хайдарбек Геничутлинский. Очерки, с.112.)

59. Вероятно, в реальной жизни указанного храбреца звали Хитинамухаммад (*Гьитина* ...).

60. На территории Ахвахского участка, вблизи сел. Тад-магитль, находятся захоронения воинов имама Мухаммада-хаджи, по-видимому, из числа местных жителей, погибших в сражениях «с неверными» в 1294/1877 г., причём на двух надгробиях указано, что местом их гибели

был *М-и-х* и имело это место 25-го шавваля, то есть 2-го ноября. Что же касается битвы в Зонобской теснине, о которой говорит здесь текст VII, то она произошла, согласно официальной переписке Имамата, в четверг – между 2 тыс. русских и воинами имама, среди которых были и ахвахцы во главе со своим наибом по имени Курбан. Геройски сражавшиеся ахвахцы понесли тогда большие потери, а царские войска, после сражения, сожгли два ахвахских селения (см. текст VI, письма 3, 30, 31).

61. Хайдарбек Геничутлинский пишет, что в Зонобской теснине сражались царские войска, прибывшие из Ботлиха, и бойцы Джавадхана Телетлинского, среди которых было много ахвахцев; 60 человек из числа ахвахцев в том бою были убиты силами противной стороны (см. Исторические очерки, с. 113).

62. По рассказам кумухцев, о которых мы знаем благодаря И.Х. Абдуллаеву, названное в тексте VII лицо – Мухаммад «Кумухский» – являлось отцом известного в Дагестане деникинца ген. Халилова М. из сел. Хури; кстати, следует отметить, что рассказы эти распространялись по Дагестану ещё в конце XIX – начале XX вв. (см. *Козубский*. История полка, с. VIII – 88).

Судя по *Кавказскому календарю* «на 1877 год», названный Мухаммад, выходец из Казикумухского округа, царским наибом «каратинцев и ахвахцев» – вопреки указаниям текста VII и упомянутого сочинения Е.И. Козубского, – не был (на этой должности состоял тогда Шамхал Муртузалиев, см. стр. 149.), но являлся, видимо, одним из видных чинов Каратинского наибства.

63. Речь идёт о ген. Смекалове, который вступил в пределы Дагестанской области через земли шароевцев. Как видно, он прошёл по старинной дороге Аварских ханов – через Кири и аварское сел. Кенхи, находящиеся в пределах современной Чеченской республики, – и вступил затем, в конце октября, на земли Гигатлинской общины (см. *Магомедов*. Восстание, с. 57; *Гасанов*. Борьба, с. 82).

64. По русским источникам на гигатлинской территории между солдатами, сражавшимися под командованием ген. Смекалова, и воинами имама, во главе которых стояли там Нурмухаммад-дибир и Умма-хаджи Зумсоевский, произошло сильное сражение. В ходе его каждую гигатлинскую «скалу, каждую пещеру» царским отрядам «приходилось брать после жестокого, большей частью рукопашного боя» (см. *Магомедов*. Восстание, с. 57; *Гасанов*. Борьба, с. 82).

65. Русские материалы, завершая описание боёв при Гигатле, сообщают, что войско Имамата, в конце концов, вынуждено было, покинув свои позиции, располагавшиеся на высотах, спуститься к берегам Койсу –

к сел. Агвали, где оно попробовало было закрепиться (см. Магомедов. Восстание, с.57; Гасанов. Борьба, с.82).

66. В других местных арабоязычных источниках упоминается ботлихский комендант полковник *Ябрав* (арабское скорописное письмо, тем более. когда речь идёт о копиях первоначального текста, позволяет полагать, что *икраф* и *йабрав* – одно и то же не арабское слово), которому приписывается командование русскими солдатами в битве при Годобери, неудачной для воинов имама, а также – в победе над последними в Зонобской теснине (см. Хайдарбек Геничутлинский. Очерки, с.112, 113).

67. В русских источниках также говорится о том, что царские войска, действовавшие на территории Цумадинского района в конце октября 1877 г., изымали у местного населения в качестве контрибуции: «по выюку сена, мерке овса, по барану с каждого двора; с пяти дворов – по быку» (см. Магомедов. Восстание, с.58, Гасанов. Борьба, с.82).

68. Официальная переписка Имамата 1877 г. позволяет усомниться в том, что имамский вакиль Абдулла сбежал с территории, на которой ему поручено было действовать, при одном только появлении там сил царизма, действовавших под общим командованием ген. Смекалова (см. текст VI, письма № 27, 30).

69. Об этом см. II, 16.

70. См. II, 13.

71. О Харькове в связи с высылкой участников восстания 1877 г. за пределы Дагестана см. Материалы к биографии Алкадари, с.143, 144; Гасанов. Борьба, с.88: в конце 1877 – начале 1878 гг. через Харьков прошло 756 семей высланных – из Гунибского, Даргинского и иных округов, а кроме того ещё 514 чел. мужского пола – по одиночке.

72. Это имело место 5-го ноября (24-го октября) 1877 г. (см. текст II, прим. № 193).

73. Согласно русским источникам утром 6-го ноября (25-го октября) вследствие сильного артиллерийского обстрела Телетля, но, как можно понять, ещё до начала штурма его силами пехоты, в лагерь Смекалова прибыли «представители восставших с изъявлением покорности» (см. Гасанов. Борьба, с.83). Это-то, видимо, и дало основание автору текста VII характеризовать сдачу телетлинского гарнизона имперским войскам как произошедшую на условиях «мирного пути».

74. Ген. Меликов-Меликян, после получения информации о сдаче телетлинского гарнизона Имамата войскам ген. Смекалова приказал последнему: арестовать, с целью последующего выселения во внутреннии губернии России, всех членов того телетлинского рода, из которого происходил знаменитый деятель шамилёвской эпохи Кебедмухаммад; так же точно поступить с иными телетлинцами, которых можно будет отнести к

категории «главных виновников» восстания 1877 г.; всех, кто имеют раны, арестовать и препроводить в крепость Гуниб; сел. Телетль разрушить до основания, а телетлинцев, которые не подлежат высылке в Россию, расселить по специально выделенным для них местностям; «все казённые» и иные «потери», случившиеся вследствие событий 1877 г., должны быть «пополнены» за счёт имущества, конфискуемого у «главных виновников» (см. Гасанов. Борьба, с.83).

75. Не исключено, что это был брат Мухаммада, – сына Пира, – который добросовестно поработал под Согратлем в пользу императорской армии: развалил фронт бойцов Имамата изнутри, но не даром, а за определённую сумму денег (см. текст II, 15).

Согратлинцы до сих пор помнят как героя и порядочного человека своего земляка Нурмухаммада по прозвищу *Пирил Рекъав*.

76. О нём см. II, прим. № 144.

77. Об этом см. II, 9.

78. См. II, 15, 16.

79. Речь идёт о воинах-мухаджирах с территории современной Чеченской республики, которых привели с собой Алибек-хаджи и Умма-хаджи.

80. О нём см. II, прим. № 33.

81. Скорее всего, это старинный аварский синоним понятия «удачливый, счастливый», что, кстати, видно из контекста.

82. Речь идёт о событиях 1861 г.

Дело в том, что в мае 1860 г. на территории Аргунского округа Терской области, то есть в современной Чеченской республике, началось восстание против царизма, во главе которого встали житель тех мест Умма-хаджи Зумсоевский и учёный чеченец по имени Атабай. В начале повстанцы имели определённые успехи на землях прилегающих к берегам р. Аргун. Об этом свидетельствует то, к примеру, что к концу июня – началу июля (16-21-е июня) русские укрепления в Округе были, можно сказать, на грани падения. Но 4-го июля (22-го июня) в горную часть бассейна Аргуна были направлены 6 батальонов пехоты и 200 казаков, с артиллерией и под командованием генерала, которые сняли осаду, разорили целый ряд чеченских селений и выселили их обитателей на равнину. В начале ноября 1860 г. восстание в Аргунском округе разгорелось вновь, причём в отряде Умма-хаджи были на этот раз, наряду с чеченцами, аварские воины, которых он привёл с территории Чамалальского наибства Терской области. В конце ноября против этих горцев были задействованы большие силы, которыми командовали два генерала и полковник Туманов-Туманян, достигшие осенью 1861 г. численности в 15 батальонов русской пехоты и почти 3 тысячи кавалеристов, среди которых были, кстати, и сотни этнических дагестан-

цев; имелась, естественно, и артиллерия. В конце концов, в связи с массовыми репрессиями против целых аулов, сопротивление со стороны повстанцев было прекращено, что ознаменовалось внешне сдачей Умма-хаджи Дуева русским 26-го (14-го) декабря 1861 г., после чего последний был выслан в Смоленск (см. **Козубский**. История полка, с.219-222; **Гасанов**. Борьба, с.43-47; **Ходжаев**. Чеченцы, с.300-302).

Судя по мягкости наказания, которому был подвергнут в 1861 г. Умма-хаджи, – ему, кстати, дозволили позднее вернуться в родную Чечню. – сдача его в русский плен была оговорена в тайне определёнными условиями и имела, видимо, форму почётного выезда известного чеченца к государю-императору.

83. Казикумухец Абдурахман, сын шейха Джамалудина, писал, что в чеченских землях учёных было мало, и назвать среди таких можно, к примеру, Атабай, «высланного ныне в Россию» (см. **Абдурахман**. Книга, с.83). В 40-е годы этот Атабай входил в число шамилёвских наибов и принимал участие в знаменитом походе в Кабарду (см. **Гаммер**. Шамиль, с.232; см. также: **Гаджи-Али**. Сказание очевидца о Шамиле. /подгот. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1995, с.147). Как можно понять из русских материалов этот Атабай, – сын Ати, – которого чеченцы наших дней помнят достаточно хорошо, в 1860 г. являлся кадием Шатоевского общества и характеризовался как человек «весьма умный». Сдался Атабай русским 26-го (14-го) ноября 1861 г., после чего выслали его в г. Порхов Псковской губернии, где он, как человек «болезненный», прожил недолго (см. **Козубский**. История полка, с.219-224; **Гасанов**. Борьба, с.43-47; **Ходжаев**. Чеченцы, с.300-303).

84. Это, вероятно, тот самый повстанец, который в русских материалах фигурирует как Дада Залмаев из Чеберлоя (см. **Ходжаев**. Чеченцы, с.307).

85. Об этом см. II, 17.

86. Другие местные по происхождению источники говорят, что во взятии собственно Согратля весьма значительную роль сыграли подразделения, сформированные из дагестанцев, сражавшиеся под командованием Мамалава Чохского и Мухаммада Гоцинского (см. II, 15), а их всех, как известно, сторонники Имамата именовали «прислужниками».

87. Есть сведения, что башенный комплекс, стоявший в 1877 г. перед Согратлем и игравший важную роль в его защите, был возведён в эпоху Шамиля (см. **Козубский**. История полка, с.241), когда всё мужское население Имамата, повиновавшееся названному имаму, именовали *люридами* (см. **Аль-Карахи**. Блеск дагестанских сабель, ч.1, с.17).

88. Об этом см. текст II, 15.

89. См. II, 16.

90. Об этом см. II, 13, 16.

91. Достоверность названного положения текста VII, а точнее – введения царской властью принципа семейно-родовой ответственности по отношению к видным деятелям Имамата 1877 г., подтверждается тем, что даже при совершении казни в местности Салануб были в двух случаях повешены братья лиц, игравших ранее важную роль в событиях, в связи с гибелью последних. Так вместо Фатаали-бека был повешен его брат Зубаир, а вместо Абдуллы-хаджи Багиклинского – его брат Налди-Мулдай.

92. В местных источниках встречаются и иные цифры, по крайней мере, в отношении казикамухцев и цудахарцев.

93. См. II, прим. № 224.

94. Об этом см. II, 16.

95. В шамилёвскую эпоху его (*Ризван-х1ажиясул Г1абдулла*) знали в качестве одного из особо талантливых учеников-мутаалимов, находившихся тогда в Дарго (см. **Абдурахман**. Книга, с.95).

96. В других местных текстах он фигурирует как «Али-Умар» (см. текст II, 16).

97. В других текстах говорится, что он был родом из Анцуха (см. II, 16, прим. № 213).

98. Брат влиятельного в Дагестане храбреца Фатаали-бека Казикумухского (о нём см. II, прим. № 101), погибшего в местности расположенной близ Леваша – между Хаджалмахи и Кутиша; казнён, можно полагать, прежде всего из мести к брату.

99. Казикумухцы помнят об этом мученике-*шахиде* (см. **Булатова**. Лакцы, с.87).

100. Речь идёт об Александре III (1881-1894).

101. Александра II убил в 1881 г. А. Гриневицкий, на основании приговора Исполкома «Народной воли».

102. Об этом см. II, 16, прим. № 210, 211.

103. Известный учёный, в молодые годы он преподавал религиозные науки и аварский язык елисуйской аристократии, считался учителем знаменитого Даниял-султана Елисуйского, мудира эпохи имама Шамиля (см. **Абдурахман**. Книга, с.82). О нём см. также: текст II, 5.

104. О нём см. II, прим. № 104.

I. Топонимы и этнонимы

- Авария – II (1, 5), III, VI (27), VII.
 Ад (племя) – II (16).
 Аймаки – VI (34, 36).
 Акуша – II (7, 8, 11), VI (2, 9, 11), VII.
 Алабер – (см. Алаверди).
 Алаверди – I (2).
 Алазани – I (2, 3).
 Алкадар – III.
 Алмах – II (1).
 Аанада – II (5), IV, VI (33), VII.
 Англия – II (16).
 Анди – I (3), II (3, 5).
 Андийский округ – I (3), II (1).
 Ансалта – II (3), VII.
 Анцух – II (9, 16), VII.
 Аравия – I (2).
 Араканы – II (7), VI (2).
 Аргвани – I (1).
 Артлух – II (1).
 Асах – II (2).
 Ассаб – VI (27, 30-32).
 Астрахань – III.
 Ахвах – VI (17, 26, 27, 30-32), VII.
 Ахты – II (9, 16), III, VII.
 Ашилъята – I (2), VI (12).
- Багвалал – II (5, 14), VII.
 Багикла – II (6, 7, 16).
 Баку – III.
 Балахани – VI (12).
 Барди – II (11).
 Басра – III.
 Батлух – VI (27, 30, 31).
 Бацада – II (5, 16), VI (19), VII.
 Башлы – II (10), III, VII.
 Беда-рохо – I (3).
 Белоканы – II (16).
 Бец-ор – II (5), VII.
 Ботлих – I (1, 3), II (1, 3, 5, 7), VII.
 Бец-глюрутль – VI (14).
 Бурав (см. Владикавказ).
 Буртиял – VII.
- Буртунай – II (1, 3).
 Бухнада – VII.
- Владикавказ – II (1, 14, 16), VII.
- Гадари – I (2).
 Гаквари – I (2, 3), VII.
 Гакко – I (2).
 Гасик – III.
 Гениятль – VII.
 Георгиевский мост – VI (5, 18).
 Гергебиль – II (4, 12), VI (34-36).
 Гехи – II (1).
 Гигатль – VI (17), VII.
 Гидатль – II (5, 12), VII.
 Гимры – II (16).
 Годобери – VII.
 Голотль – VI (10), VII.
 Гоцала – VI (18).
 Гоцатль – II (16), VI (2, 7, 12, 13).
 Гоцо – II (1, 5, 8, 12, 15), IV.
 Грозный – VII.
 Грузия – II (2), VI (2), VII.
 Гумбет – I (1), II (1, 5), VI (32).
 Гумри – III, VII.
 Гуниб – II (3-5, 13, 16), III, VI (11, 14), VII.
 Гунух – II (15, 16).
- Дагалда – I (3).
 Дагестан – I (1,3), II (1, 9, 11, 13, 16), III, IV, VI (38), VII.
 Данух – II (1).
 Дарада – VI (5).
 Даргинцы – VI (2), VII.
 Дарго – II (1, 3).
 Дербент – II (6, 10, 16), III, VII.
 Дарха (см. Дибха).
 Дешлагар – II (10).
 Джар – II (16), III.
 Дженгутай – II (1, 3, 5, 12, 16, 17).
 Дибха – II (8), VII.

Дюбек – III.

Елису – II (9).

Заза – III.

Заиб – II (5).

Закавказье – I (1, 2, 3).

Зандак – II (1), VII.

Зоноб – VI (30), VII.

Зумсой – VII.

Игадах – I (2, 3).

Игали – II (16), VI (12).

Инхо – VI (12).

Иран – II (10, 16).

Иргали – II (11).

Ирганай – II (12), VI (2).

Испик – III.

Кабир – III.

Кавказ – VII.

Казаки – IV.

Казанец – II (5).

Казанище – II (16), VII.

Казикумух – II (6, 7, 9-13, 15), III, VI (2, 11, 21, 22, 37, 38), VII.

Кайтаг – I (1), II (6, 10), III, VII.

Кака-махи – II (8).

Карадах – VI (12, 15).

Карата – I (3), VI (17, 24, 25), VII.

Каратинцы – VII.

Карах + II (5, 12), IV, VI (1, 11, 24-26, 37), VII.

Карекадани – II (11).

Карс – II (1, 9, 11, 14, 16), VII.

Каякент – II (10).

Канкоро – VI (30).

Кванхидатль – I (1).

Кварели – I (2, 3).

Кегер – II (5).

Кеди – I (2).

Кизляр – II (17).

Кикунь – II (4, 15), VI (12, 13, 34), VII.

Кишили – II (8).

Киялал – VII.

Койсубулу – II (5, 12), IV, VI (7), VII.

Корода – VI (12, 13, 15).

Кочали – VII.

Куба – II (10, 16), III, VII.

Кург – III.

Кудали – II (11).

Кудутль – VI (12).

Кулла – II (5, 16), VI (18), VII.

Куппа – II (7, 11), VI (9).

Кура – VI (2).

Кутиша – II (7, 8), VI (8), VII.

Куюда – II (4, 5, 16), VII.

Кызылбаш (см. Иран).

Кюра – III, V (1-3).

Леваши – II (7, 8, 10, 11, 16), VI (8, 9), VII.

Лезгинь – III.

Маали – VI (12, 29).

Магар – VII.

Маджалис – III.

Мартан – II (1), VII.

Мегеб – VI (3, 18).

Мекеги – II (8), VII.

Мекка – II (1).

Метрада – I (2, 3).

Мехельта (см. Гумбет).

Мехтула – II (12).

Миарсо – VII.

Могох – VI (29).

Москва – I (1).

Муги – III.

Мукратль – II (5), VII.

Муни – VI (26).

Мурада – II (4), VI (5, 29).

Нуха – II (9).

Нютюг – III.

Обох – VI (3, 20).

Османцы – II (2, 4, 16), III.

Петербург – III.

«Равнина» – II (8, 12), VI (9).

Россия – III, V (1, 2), VII.

Ругуджа – II (5), VI (11, 33), VII.
Русские – II (1-5, 7-12, 14-16), IV, VI (1-6, 8, 9, 11, 16, 20, 23, 26, 27, 30, 31, 34, 37, 38), VII.

Салануб – II (16).
Салатавия – II (16).
Салта – II (4, 5, 7, 11, 15, 16), VI (2, 7), VII.

Самуд – II (16).
Самурский округ – V (1).
Саратов – VII.
Саситль – I (2, 3).
«Семиземелье» - VII.
- Сибирь – II (9, 13, 16, 17), V (3), VII.
Сильди – I (2, 3).
Сирия – I (1).
Сиух – II (1).
Согратль – II (3, 5-9, 11-16), III, VI (8, 11, 17, 18, 25, 29, 33, 37), VII.

Ставрополь – I (3).
Стамбул – II (10, 16).
Сундж (см. Грозный).
Сюрга – III, VI (9).

Табасаран – I (1), II (6, 10, 16), III.
Тад-Буртиял (см. Чеберлой).
Тадмагитль – VI (30).
Талих хечеб бакда – I (3).
Таш – VII.
Телави – I (3).
Телетль – II (5, 12, 14, 16), VII.
Темир-Хан-Шура – II (1, 2, 5, 7, 10, 11, 13, 16), III, VI (12, 34), VII.

Терек – IV.
Технуцал – II (3), VII.
Тинди – I (1), II (14), VI (6, 16), VII.
Тифлис – I (3), IV.
Тлебель – VII.
Тленсерух – II (5, 12), IV, VI (11), VII.
Тлох – I (3).

Томуральцы – IV.
Турки – III, VI (2).
Туш (см. Тушетия).
Тушетия – I (3).

Тушинцы – I (2, 3), II (2).

Ункратль – I (2, 3), VII.
Урахи – VII.
Урма – II (8), VI (35).

Хаджалмахи – II (7, 11, 15).
Хаджиясул чвадих – I (3).

Хаки-кент – III.

Хакку – II (1).

Хакунак – II (8).

Хамитль – I (2).

Харахи – I (3).

Харачи – VI (12).

Харьков – VII.

Хасавюрт – II (1).

Хвартикуни – II (4).

Хварши – I (2).

Хваршины – I (2, 3).

Химой – VII.

Хиндалал (см. Койсубулу).

Ходоб – II (5), VII.

Хубитль – II (16), VII.

Хунзах – I (3), II (1, 2, 5, 15), VI (28).

Хурлух – II (5).

Хурхут – II (7).

Хушет – I (2, 3).

Хуштада – II (7), VII.

Цинандали – I (3).

Цор (см. Закавказье).

Цудахар – II (7-16), III, IV, VI (2, 8, 11, 37), VII.

Цулда – II (5, 14, 16), VI (6, 11, 27, 30, 32), VII.

Цумада – I (1).

Цумада-Урух – I (2).

Цунта – II (2, 3), VI (4, 6), VII.

Чамалинцы – I (2), VII.

Чара (гора) – VI (27).

Чеберлой – II (1, 3).

Черкесы – IV.

Черо – I (3).

Черное море – II (11).

Чечня – II (1, 3, 4, 7, 14-17), III, VII.

Чилихар – III.
Чиндих – VII.
Чиркей – II (1, 3, 5, 8, 15).
Чох – II (4, 7, 8, 11, 15, 16), III, VI (3, 7, 36), VII.
Чумли – VII.

Шам (см. Сирия).

Шара – II (11).
Шенако – I (3).
Шильда – I (2).
Шиляги – III.

Янгикент – III, VII.
Яраг – III.

II. Имена собственные

Абакар (Нютюг) – III.
Абакар (Цулда) – VI (11).
Аббас-паша – II (16), VII.
Абдулвахид – V (1).
Абдулгани – VII.
Абдулкарим – II (16).
Абдулкахир – II (16), VII.
Абдулла (Багикла) – II (6, 7, 16).
Абдулла (Казикумух) – VI (37, 38).
Абдулла (Сограгль) – II (5, 16), VI (33), VII.
Абдулла (Цулда) – II (5, 14, 16), VI (6, 11, 24, 27, 30, 32), VII.
Абдулла-Будай – II (5).
Абдулмаджид (наиб, Казикумух) – II (6, 11), VI (9, 20, 21), VII.
Абдулмаджид (хункар) – II (1, 4, 13, 16).
Абдулхалим – II (16), VI (33), VII.
Абдулхамид (лезгин) – V (1).
Абдулхамид (Обох) – VI (20).
Абдуразак – VII.
Абдурахим – VI (37).
Абдурахман (Казикумух) – VI (37, 38).
Абдурахман-хаджи – II (5, 8, 11, 15-17), III, VI (25), VII.
Абубакар – II (16), VI (38).
Абулкасим – II (15).
Абулмуслим – I (1).
Абумуслим – III.
Агамирза – V (1).
Аглар-хан – II (6, 13), VII.
Айдемир – II (3).
Александр II – VII.

Александр III – III.
Али – VI (28).
Али (см. Хаджиали, Салта).
Али сын Хаджи – VI (9).
Али-Сурги – VI (37).
Али-Умар – II (16), VII.
Алибек-хаджи – II (1, 3, 7, 15-17), III, VI (33), VII.
Аликлыч – VII.
Алил – VI (37).
Алихаджи – VI (12).
Амиралы – II (1).
Амиралыла – VI (5, 18).
Андалав – VI (5).
Араш – I (3).
Аслан-бек – III, V (2).
Асхаб – I (2).
Атабай – VII.
Афат – III.
Ахмад – VI (20).
Ахмадхан – I (3).
Ахмад-хаджи – VI (12, 13).
Ашур – III.

Баар-Месед – VI (23, 24).
Бац-Мухаммад – VI (2).
Башир-бек – II (6), VII.
Бебутов – VI (9).
Берцинав – VI (29).
Билал-хаджи – VI (37).

Вали – III.

Гази – VI (37).

Газиахмад – III, V (1).
Газимухаммад (Бацада) – II (5, 16), VII.
Газимухаммад сын Шамиля – II (4, 16), VI (2). VII.
Гунаш – I (2).
Гурджи-Али – VI (12).
Дада – VII.
Деньга – VII.
Деньга-Мухаммад – I (2, 3).
Джавадхан – II (15, 16), VI (26), VII.
Джамалудин – I (3).
Джафар – II (6, 10, 13), III, VI (2, 20-22, 37), VII.
Джумах – II (1).
Дибир – II (15, 16).
Дибир сын Инквачилава – II (1, 2, 5, 15).
Дибир сын Исы – I (3).
Дибирасулав – VI (17), VII.
Етим Эмин – V (1, 2).
Закария (Салта) – II (4).
Закария (Хуштада) – II (7).
Закария (Чох) – VI (12, 34, 35).
Зубаир – VII.
Зухумкади – VI (11).
Ибаковы – VII.
Имам-Али – VI (22).
Иманчулав – II (4).
Инквачилав – VII.
Инчил-хаджияв – VI (19).
Исмаил (Ботлих) – II (3).
Исмаил (Казикумух) – II (6).
Исрафил – III.
Кади-Мухаммад – II (7).
Казиахмад (см. Газиахмад).
Камал – VI (37).
Кара-хаджияв – II (2), VI (4).
Карабилав-хаджи – VI (17).
Карим – VII.
Комаров – III.
Кумалат – III, V (2).

Кунга-шейх – III.
Курамухаммад (Гаквари) – VII.
Курамухаммад (Сильди) – I (3).
Курамухаммад-хаджи – VI (16).
Курбан (Ахвах) – VI (31).
Курбан (Казикумух) – VI (37).
Курман – II (7).

Лазарев – II (8).
Лукман – V (2).
Лулак-шах – III.

Мазан – III.
Максуд – VI (38).
Малла – VI (37).
Маллаали – VI (23).
Мама – II (11).
Мамалав – II (7, 8, 15).
Мамма – VI (37).
Махама (см. Мухаммад сын Саида).
Махач – II (4), VII.
Махди – II (10), III, V (2), VII.
Махдимухаммад – II (16).
Меджнун – V (3).
Меликов – II (1, 5, 8, 9, 11-16), III, IV, VI (9, 35, 36), VII.
Мирза – III.
Мирзамухаммад – VI (37).
Мирим – III.
Мукуц – III.
Муртазаали – VI (9).
Муртазаали (Гергебиль) – VI (35).
Муртазаали (Телетль) – II (5, 14-16), VII.
Муртазаали (Урахи) – VII.
Муртазаали сын Исы – I (2).
Муса-хаджи – VI (37, 38).
Муса-хаджияв – VI (2).
Мухаммад (Гаквари) – VII.
Мухаммад (Дженгутай) – II (1, 3, 5, 12).
Мухаммад (Дженгутай, учёный) – II (17).
Мухаммад (Кумух, наиб) – VII.
Мухаммад (Кумух, повстанец) – VI (22, 37, 38).
Мухаммад (Цудахар) – II (11).

- Мухаммад сын Али – II (8, 11, 12), VI (8, 9, 19), VII.
 Мухаммад сын Ахмада – II (16).
 Мухаммад сын Вахабилава – II (7), VII.
 Мухаммад сын Газинаяна – II (11).
 Мухаммад сын Давуда – VI (3).
 Мухаммад сын Доногоно – II (1, 5, 7, 8, 12, 16), IV, VI (7).
 Мухаммад сын Кара-хаджи – VI (4).
 Мухаммад сын Маллачи – VI (25).
 Мухаммад сын Мирзы – II (15, 16).
 Мухаммад сын Пира – II (15).
 Мухаммад сын Саида – II (16), VI (13).
 Мухаммад сын Хасана – VI (1, 7, 10, 14, 15).
 Мухаммад сын Хархарилава – VII.
 Мухаммад сын Хурша – II (5, 15), VII.
 Мухаммад-хаджи сын Абдурахмана-хаджи – II (5, 8, 9, 11, 12, 15, 16), VI (17, 19, 22, 29, 37), VII.
 Мухаммад-хаджи сын Усмана – II, VII.
 Мухаммадали – III.
 Мухаммадади – VI (2).
 Мухаммадмирза – VI (11).
 Мухаммад-Ханич – VII.
 Мухаммадшафи – II (6).
- Накашидзе – II (1, 8).
 Налди – II (16).
 Насиб – II (4, 15).
 Ника-кади – II (7, 8, 11, 12, 15, 16), IV, VI (2), VII.
 Нур – V (1).
 Нурмухаммад (хромой) – VII.
 Нурмухаммад-кади – II (7), VII.
- Орбелиани – II (16).
- Парзулав – II (1, 5, 8, 15).
 Пир – II (15), VII.
- Сагит-Мухаммад – I (2, 3).
 Саджид – II (15).
 Саид – VII (37, 38).
 Салих – VI (37).
 Самад – III.
- Сурхай – VII.
- Тутакай – VII.
- Умалат (см. Кумалат).
 Умар (Кудутль) – VI (12).
 Умар (Казикумух) – VI (37, 38).
 Умар (Салта) – II (4), VII.
 Умар (Сограгль) – II (7), VII.
 Умар сын Лабазана – II (5, 16).
 Умари-Будта – VI (37).
 Умма-хаджи – II (1, 3, 15, 17), VII.
 Уммахан – VI (22).
 Усман – II (7).
 Усман-хаджи – VI (2).
 Устар – III.
- Фатаали-бек – II (6, 7), VII.
- Хабибулла – VI (37).
 Хавалав – I (2).
 Хаджар – VI (17), VII.
 Хаджи сын Канку – VII.
 Хаджи-Муса – VI (37).
 Хаджи-Умар – VI (37, 38).
 Хаджи-Хасан – VI (38).
 Хаджи-Эфенди – VI (38).
 Хаджиали (Салта) – II (4, 15), VI (12), VII.
 Хаджиалилав (Салта) – II (16).
 Хаджиалилав (Чох) – II (16).
 Хаджимурат (Капир) – V (1, 2).
 Хаджимурат (Хунзах) – I (2).
 Хаджимуртуз – III.
 Хаджихан – III.
 Хаджияв (Гунух) – II (15, 16), VI (37).
 Хаджияв (Карата) – I (3).
 Халакав – VI (17), VII.
 Хамзат (мухаджир) – VI (26).
 Хамзат (наиб) – VI (27, 28, 31).
 Хамзат-хаджи – II (5, 15, 16), VII.
 Хамид-эфенди – V (2).
 Харун – II (6).
 Хархарилав – VII.
 Хасан (Алкадар) – III, V (1, 2).
 Хасан (Казикумух) – VI (38).

Хасан (лезгин, наиб) – V (3).
Хасан-Абулмуслим – (см. Абулмуслим).
Хасан-хаджи – VI (23).
Хату-Мухаммад – VI (38).
Хитинавас – II (16), VI (2).
Хурш-хаджи – II (5), VII.

Чавчавадзе – I (3).
Чарак – II (7), IV, VI (2), VII.
Чембер – II (6), III.

Шамиль – I (2), II (4, 16), III, VII.
Шамсудин – VI (37).
Шарип – I (3).
Шафи-хаджи – VI (37, 38).
Шахав – II (9), VII.
Шахнамаз – III.
Шахумилав – II (11).
Шихбуба – V (1).

Юсуф – VI (37, 38).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

Сведения об авторах:

Айтберов Тимирлан Магомедович – доцент ДГУ

Дадаев Юсуп Усманович – советник Председателя Народного Собрания РД, председатель Правления фонда Шамиля, лауреат Государственной премии РД

Омаров Хулатта Абдуллаевич – старший научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН

Авторы данной работы считают своим долгом выразить глубокую благодарность Х-М. Доного-Коркмасову за большую помощь с его стороны, оказанную при подборе иллюстраций к книге.

Сдано в набор 10.11. 2001. Подписано в печать 4. 12. 2001.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 16,3.

Тираж 1500. Заказ № 287.

ГУП «Республиканская книжно-журнальная типография

№1 им. С. М. Кирова»

г. Махачкала, ул. Данфиялова, 51.